

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАОЧНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

«АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ,
ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ»

Новосибирск, 2011 г.

УДК 394+572+930
ББК 28.7+63.3+63.5
А 43

Рецензент
кандидат психологических наук *Красовская Наталья Рудольфовна*
(г. Новосибирск).

А 43«Актуальные вопросы истории, этнографии и антропологии»:
материалы международной заочной научно-практической
конференции. (10 мая 2011 г.) – Новосибирск: Изд. «ЭНСКЕ»,
2011. – 118 с.
ISBN 978-5-91711-039-4

Сборник трудов международной заочной научно-практической конференции «Актуальные вопросы истории, этнографии и антропологии» отражает результаты научных исследований, проведенных представителями различных школ и направлений современной истории, этнографии и антропологии.

Данное издание будет полезно аспирантам, студентам, исследователям и всем интересующимся актуальным состоянием и тенденциями развития истории, этнографии и антропологии.

ISBN 978-5-91711-039-4

© НП «Сибирская ассоциация консультантов», 2011 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Секция 1: Антропология	5
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ И ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОЙ ЗОНЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ Тюняев Андрей Александрович	5
ИЗУЧЕНИЕ НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА ПРОЦЕССА АНТРОПОГЕНЕЗА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ЧЖОУКОУДЭН) Шулимова Елена Анатольевна	10
Секция 2: История	14
К ВОПРОСУ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ГУБЕРНАТОРА И ВИЦЕ-ГУБЕРНАТОРА В ЯКУТСКОЙ ОБЛАСТИ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ. Архипова Алена Ивановна	14
ФЕВРАЛЬ 1917 ГОДА НА ДОНУ И СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕГОСУДАРСТВЕННЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ ВЛАСТИ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ Брызгалова Ирина Генриховна	20
СВЯЖСК КАК ПЛАЦДАРМ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ РАЗЛИЧНЫХ ЭТНОСОВ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН Гасанов Ильнар Мамедович	31
РОЛЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ СТУДИЙ КИНОХРОНИКИ В РЕАЛИЗАЦИИ ЗАДАЧ ДУХОВНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ НАРОДА НА РАЗГРОМ ВРАГА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941-1945 гг.) Заводчиков Василий Васильевич	36
АНГЛИЯ XIX ВЕКА В РАБОТЕ Т. КАРЛЕЙЛЯ «ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ» Кадыкова Мария Николаевна	53
КРУГ ВОПРОСОВ НОВОЙ ИСТОРИИ В ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФЕССОРА В.И. ГЕРЬЕ Кузьмичева Ольга Вячеславовна	58
ИНГУШЕТИЯ И БОЛЬШЕВИКИ НАКАНУНЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ТЕРЕКЕ- ВЫНУЖДЕННЫЙ АЛЬЯНС ИЛИ ОСНОВА ПРОЧНОГО СОЮЗА Матиев Тимур Хусенович	64

ПАРЛАМЕНТСКИЕ КОМИТЕТЫ ПО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИМ ВОПРОСАМ (ВЕЛИКОБРИТАНИЯ, НАЧАЛО XX В.)	69
Медведик Ирина Семеновна ТВОРЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ БАШКИРСКОЙ АССР В ПЕРИОД КАМПАНИИ «ПО БОРЬБЕ С НИЗКОПОКЛОНСТВОМ ПЕРЕД ЗАПАДОМ» (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 40-Х ГГ. XX В.)	77
Мигранов Марат Сагарьярович НАРОДНЫЙ ФРОНТ ИСПАНИИ (1936-1939 гг.) В ОЦЕНКЕ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ РОССИЙСКОЙ БЕЛОЭМИГРАЦИИ	84
Малай Вера Владимировна Писаренко Наталья Николаевна НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ТЕРМИНА «КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	88
Савельев Александр Евгеньевич КАРЛАГ – ФИЛИАЛ ГУЛАГА	92
Шаймуханова Сауле Дюсетаевна	
Секция 3: Этнография	97
СВЯТОЧНЫЕ ИГРИЩА В БАШКОРТОСТАНЕ	97
Гареева Светлана Мияссаровна ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ЧУВАШСКИХ ПРАЗДНИКОВ И ОБРЯДОВ	103
Семенова Татьяна Витальевна ТРАДИЦИОННЫЕ МУЧНЫЕ ИЗДЕЛИЯ В СИСТЕМЕ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ ЧУВАШЕЙ И МАРИЙЦЕВ	107
Сергеева Евгения Валерьевна ОБРЯД КРЕЩЕНИЯ В ЖИЗНИ АРМЯН МОРДОВИИ	111
Шевцова Анна Александровна	

СЕКЦИЯ 1: АНТРОПОЛОГИЯ

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ И ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОЙ ЗОНЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ

Тюняев Андрей Александрович

*заведующий сектором, Институт Древнеславянской и
Древнеевразийской Цивилизации, г. Москва*

E-mail: dazzle@ropnet.ru

В своём докладе в Институте археологии РАН мы рассмотрели динамику археологических памятников центра Русской равнины (по 12-ти областям РФ) [1, с. 240]. Время обзора – от ашеля до развитого средневековья. Северная часть исследованного региона в разные промежутки времени по характеристикам окружающей среды либо являлась пограничной зоной с циркумполярными областями, либо входила в них. Исследование показало, что Ярославская, Тверская, Ивановская и другие северные области во все периоды, начиная с верхнего палеолита – мезолита, были густо населены, вне зависимости от условий проживания. Густота поселений падает к югу.

Антропологические исследования последних нескольких десятков лет позволили заполнить пробелы в знании центрально-русской популяции древнего населения. А исследования новейшими – генетическими методами существенно подтвердили выводы антропологов. Человек современного типа сформировался на Русской равнине, начиная с 50-го тыс. до н.э. (Костёнки, Воронежская обл.) и создал костёнковскую археологическую культуру. Она протянулась с юга на север, далеко заходя за 57-е широты.

Одно из наиболее северных поселений ископаемого человека – неантропа – указанного времени известно близ города Владимир и называется Сунгирь. Поселение было обитаемо 22 – 18 тысяч лет до н.э. По заключению М.М. Герасимова, сунгирьский человек являлся европеоидом и принадлежал к виду *Homo sapiens sapiens*. Исследования людей из Сунгиря на протяжении более сорока лет вели антропологи Г.Ф. Дебец, В.В. Бунак, М.М. Герасимов, Е.Н. Хрисанфова, А.А. Зубов и др. Созданы реконструкции обитателей Сунгиря.

Современные генетические исследования позволяют сделать предположение о том, что верхнепалеолитическое население северной зоны центральных областей России являлось носителем гаплогруппы

I, то есть европеоидной гаплогруппы, которая и образовалась в этом регионе примерно в то же самое время – 50 тыс. до н.э. [2, с. 190]. В современной русской популяции доля носителей гаплогруппы I составляет около 20 процентов.

Е.Н. Хрисанфова относит скелет взрослого мужчины Сунгирь-1 «хронологически, морфологически и таксономически к кругу ранних восточноевропейских неантропов» [3, с. 32]. В конституциональном отношении Сунгирь-1 представляет своеобразный верхнепалеолитический вариант атлетического телосложения. Имеет высокий рост – около 180 см. Длина правой ключицы мужчины составляет 190 мм, что значительно превышает среднее значение у современных мужчин. У него исключительно велика абсолютная и относительная ширина плеч. Широкоплечность являлась популяционной особенностью, она характерна и для обоих детей из Сунгира. В целом морфотип сунгирского человека характеризуется рядом черт адаптивной природы, свойственных верхнепалеолитическим неантропам Европы (человек современного типа).

Согласно данным исследований А.П. Бужиловой, М.Б. Медниковой, М.В. Козловской, сунгирьцы активно ходили и бегали, возможно, на довольно большие расстояния в поисках охотничьей добычи. Сунгирский мужчина имел большой опыт работы, требующей точных сильных движений предплечий. Скорее всего, он изготавливал орудия труда из камня. Оба подростка были хорошо развиты физически. Мальчик, в основном, занимался охотничьим промыслом (по характерным признакам, часто метал копье). Девочка, преимущественно, занималась изготовлением орудий и украшений (наиболее характерное для неё движение – сверление).

Проведённый химический анализ минеральной части костной ткани мужчины зрелого возраста со стоянки Сунгирь-1 показал общий умеренный уровень минеральной насыщенности. В его рационе не было значимого количества беспозвоночных (по меди и кадмию). Количество растений в рационе мало (по стронцию). Содержание цинка (от 100 до 150 ppm) типично для индивидов, питающихся мясом наземных позвоночных.

Минеральный статус мужчины Сунгирь-1, в целом, можно охарактеризовать как нормальный, сбалансированный. Никаких возрастных постдефинитивных изменений не прослеживается. В продолжение последних лет жизни он не испытывал ни длительного недоедания, ни каких-либо проблем, связанных с патологиями пищеварительной системы.

Скелет подростка обнаруживает следы задержки ростовых процессов, нарушения обмена веществ, перенесенного инфекционного заболевания [4, с. 306]. Возможно, эти стрессы и патологии были связаны с недоеданием, вызывали нарушения усвоения пищи. На зубах индивида Сунгирь-2 отмечена множественная эмалевая гипоплазия, свидетельствующая о нескольких стрессах, перенесенных им в детском возрасте. Анализ микроэлементного свидетельствует о большой удельной части растительной пищи, очень высоком проценте беспозвоночных (по меди) и явном недостатке белковой пищи животного происхождения.

Показатель минерализации костной ткани девочки Сунгирь-3 выше, чем у мальчика Сунгирь-2, и отличался от нормального. Имеются указания на нарушение минерального обмена. Основную часть питания (по цинку) составляло мясо наземных позвоночных. Растительный компонент был незначителен (по стронцию). Беспозвоночные не занимали существенное место в рационе (по кадмию и меди). Белковое питание не было достаточным (по цинку). На зубах этого индивида обнаружены множественные дефекты эмали, связанные с физиологическим стрессом в детском возрасте.

Минерализация костной ткани индивида Сунгирь-4 умеренно низкая. Концентрации всех элементов низкие или крайне низкие: возможно, этот человек в течение длительного времени переносил голод или хроническое недоедание, результатом чего явилось истощение минеральных ресурсов организма. Основную роль в рационе этого человека играло мясо наземных позвоночных (по меди, цинку и стронцию). Растительный компонент пищи был крайне незначителен, а беспозвоночные, судя по чрезвычайно низкой концентрации меди, отсутствовали полностью.

Центральные и северные территории Русской равнины изначально были населены европеоидами, в то время как следов присутствия представителей других рас не обнаруживается до времени неолита. Археологические культуры местных европеоидов чётко прослеживаются до настоящего времени. Антрополог Т.И. Алексеева исследовала антропологический материал из более 100 погребений, относящихся к мезолитическим и неолитическим культурам – верхневолжской, льяловской и волосовской – Русской равнины. «В неолите в некоторых группах происходит незначительное ослабление выступающего носа, хотя угол выступающего носа остается в пределах европеоидных величин. Кроме того, увеличивается ширина лица и, вследствие этого, происходит относительное уменьшение его высоты.

В остальном же преемственность между мезолитическим и неолитическим населением устанавливается достаточно чётко».

По мнению Т.И. Алексеевой, «с эпохи раннего неолита начинается незначительная «монголизация» того населения, которое в мезолите занимало обширную территорию и характеризовалось выраженными европеоидными чертами», а «истоки этого типа связаны с северо-западными областями Европы, во всяком случае, именно на этой территории наблюдается концентрация его своеобразных черт: мезолитические могильники Скандинавии, Прибалтики, Прионежья. По всей вероятности, население, оставившее эти могильники, в своем генезисе связывается с кругом мезолитических культур Балтийского региона» [5, с. 86].

Таким образом, в Скандинавии, Прибалтике и Прионежье в неолите сложился метисный тип европеоидно-монголоидный (прогофинны, протобалты). Он связан с культурой ямочно-гребенчатой керамики. В частности, мужской и женский черепа из погребений 19 и 20 (Сахтыш II), принадлежащие к ямочно-гребенчатой культуре и датируемые концом 4-го – началом 3-го тыс. до н.э. имеют выраженный монголоидный облик. Ближайшие аналоги этих находок, как показал факторный анализ, выявляются в Восточной Сибири [5, с. 90].

В своём докладе на предстоящем III (XIX) Всероссийском археологическом съезде мы показали причины движения разных групп населения в неолите – бронзе (и позже). Коренное население Русской равнины – европеоиды, распространяясь на восток и на юг, сформировали несколько последовательно действовавших торговых путей, самые ранние из которых, «серебряный» и «лазуриновый» пути, датированы V – IV-м тыс. до н.э. То есть, это как раз то время раннего неолита, которое фиксируют антропологи по появлению монголоидности. Движение монголоидного элемента осуществлялось по тем же торговым путям, но в обратном направлении. Продолжительные связи востока и запада, поддерживавшиеся последующими торговыми путями – «янтарным», «нефритовым», «северным шелковым» и «дирхемным», – функционировали на протяжении четырёх тысяч лет и определяли экономические, демографические и цивилизационные параметры развития в этот период [6, с. 16].

Анализируя представленные данные в комплексе, можем сделать выводы:

- коренное население Центральных областей России с учётом самых северных территорий сформировалось, по крайней мере, с

верхнего палеолита и генетически переходило во все последующие периоды. Оно имело европеоидный облик и являлось носителями генетического маркера, соответствующего европеоидной гаплогруппе I, составляющей около 20 процентов в современной популяции этого региона.

- коренное население в условиях взаимодействия с окружающей средой сложило характерный – атлетический тип тела, а также сформировало диету, включающую все доступные пищевые ресурсы, но опираясь, преимущественно, на потребление мяса позвоночных животных. Специфика региона позволяла питаться без особых проблем.

- монголоидный элемент не является коренным населением исследованного района. Он появился здесь, следуя по торговым путям, сформированным европеоидами в неолите. Монголоидному типу соответствует гаплогруппа N, родиной которой является Северный Китай.

Список литературы:

1. Тюняев А.А., Динамика памятников Русской равнины: количественный подход // Человек: его биологическая и социальная история: Труды Международной конференции, посвящённой 80-летию академика РАН В.П. Алексеева (Четвёртые Алексеевские чтения) / (отв. Ред. Н.А. Дубова); Отделение историко-филологических наук РАН; Ин-т этнологии и антропологии им Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Ин-т археологии РАН. – М. – Одинцово АНОО ВПО «Одинцовский гуманитарный институт», 2010 – Т. 1. – 242.
2. Клёсов А.А., Тюняев А.А., Гипотеза о появлении гаплогруппы I на Русской равнине 52 – 47 тысяч лет назад // Вестник новых медицинских технологий. – 2010. – Т. XVII. № 3. – С. 189 – 191.
3. Хрисанфова Е.Н., Физический тип палеолитического человека (опыт реконструкции) // Раиса Денисова. Библиография к семидесятилетнему юбилею. – Рига. – 2000.
4. Бужилова А.П., Анализ аномалий и индикаторов физиологического стресса у неполовозрелых сунгирцев // Homo sungirensis. Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования. – М.: Научный мир. – 2000. С. 302 – 315.
5. Алексеева Т.И., Неолит лесной полосы Восточной Европы (Антропология Сахтышских стоянок). – М.: Научный мир. – 1997.

6. Тюняев А.А., Археологические маркеры северных торговых путей Евразии времени неолита – бронзы // Материалы III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Старая Русса – Новгород. 24 – 29 октября 2011 г. (В печати).

ИЗУЧЕНИЕ НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА ПРОЦЕССА АНТРОПОГЕНЕЗА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ЧЖОУКОУДЭН)

Шулимова Елена Анатольевна

*ассистент кафедры истории и социальных коммуникаций,
Кубанский государственный технологический университет (КубГТУ),
г. Краснодар*

E-mail: shulimova@mail.ru

Летопись палеоантропологического материала на Азиатском континенте открывают остатки питекантропа – *Pithecanthropus erectus* (Dubois, 1894) [7, с. 90.], обнаруженные Е. Дюбуа на о. Ява (Юго-Восточная Азия). С 1921 г. по 1929 г. в Чжоукоудэне в Китае близ Пикина (Центральная Азия) были обнаружены остатки другого вида гоминид, получившего название синантропа или питекантропа пекинского (китайского) – *Sinanthropus pekinensis* (Blak, 1927) [8]. При первых сопоставлениях яванского питекантропа и синантропа было выявлено их морфологическое сходство, на основании чего Ф. Вайденрейх высказал мнение, что они – две формы одного вида, и существовали почти одновременно, а различия между ними носят региональный характер [5, с. 236.]. Данное суждение вскоре стало доминирующим в антропологии.

Особенность местонахождения Чжоукоудэн состоит в том, что впервые было найдено большое количество особей одного вида, что в свою очередь позволяло провести анализ образа жизни конкретной популяции на определенном промежутке времени. При раскопках 1921–1937 гг. были обнаружены остатки 32 – 44 особей гоминид вида *Sinanthropus pekinensis* (Blak, 1927) (таблица 1) [4, с. 81; 3, с. 115.]. По половому составу они представляли 50% мужских и 50% женских особей различного возраста.

Таблица 1. Костные остатки гоминид вида *Sinanthropus pekinensis* (Blak, 1927) найденные за период с 1921 по 1937 гг.

Костные остатки	Количество
достаточно целые мозговые коробки	5
черепная крышка	1
крупные фрагменты черепа	6
средние фрагменты черепа	13
фрагменты верхних челюстей	2
неполные нижние челюсти	15
изолированные зубы	157
фрагмент атланта	1
ключица	1
плечевые кости	3
полулунная кость запястья	1
бедренные кости	7
фрагмент большой берцовой кости	1

Пещера Чжоукодэн законсервировала остатки синантропов. Установлено, что рассматриваемая пещера была заселена в промежутке между 256 – 594 тыс. лет назад (таблица 2), это подтверждает ее культурный слой, составляющий 50 м.

Таблица 2. Культурные слои пещеры Чжоукодэн

Слои	Датировка, тыс. лет
III	256-282/283-338
IV	306
V	320 - 355
VIII/IX	более 350 - 423
X	346 - 594
XI	около 585

В пещере были найдены орудия, которые синантропы изготавливали из кварцита, известняка, песчаника и кремния, – большинство орудий примитивно обработано. Были также обнаружены следы костров, свидетельствующие о постоянном поддержании огня. Считается, что синантропы не могли его самостоятельно добывать, а получали при лесных пожарах. Синантропы занимались собирательством и охотой на мелких и

крупных животных, но основной добычей были гигантские олени, которым принадлежит до 70% всех костей найденных в пещере [6, с. 167].

Все палеоантропологические находки из пещеры Чжоукодэн можно разделить на три группы слоев – XI, VII - X и III – V, при этом разрывы между ними составляют 100 – 160 тыс. лет. Разновременность слоев указывает на то, что здесь были найдены разные популяции и, вероятно, различные таксоны гоминид.

По пяти сохранившимся достаточно целым черепам был установлен их объем мозга (таблица 3), который колебался от 1225 см³ до 850 см³, что составляет, в среднем, 1055 см³, т.е. средние показатели объема мозга синантропов превышают объем мозга яванских питекантропов (на 172 см³ *Homo erectus* из слоев Кабух и на 300 см³ *Homo erectus modjokertensis* из слоев Пукаганг) [4, с. 82].

Таблица 3. Объем мозга синантропов из пещеры Чжоукодэн

Название	Объем мозга, см ³
Синантроп II	1025-1030
Синантроп VI	850
Синантроп X	1225
Синантроп XI	1015
Синантроп XII	1030

Проведенный в дальнейшем более детальный сравнительно-морфологический анализ палеоантропологического материала из Чжоукодэн и питекантропов с о. Ява, подтвердил устоявшуюся позицию, что синантроп и явантроп сходны по своей морфологии [3, с. 122–125]. Они сосуществовали в промежутке 500-200-300 тыс. лет назад [8]. Заметим, что их отделяли друг от друга большие пространства.

В целом, у синантропа более крупный череп с развитым надглазничным валиком при отсутствии шероховатости на затылке, однако, менее массивен по сравнению с яванским питекантропом. Лицевая часть краниального материала синантропа по сравнению с питекантропом имеет прогрессивный характер. Посткраниальный материал из Чжоукодэн фрагментарен, однако посткраниальные остатки яванского питекантропа еще более фрагментарны, поэтому их анализ весьма проблематичен. Строение посткраниального скелета синантропа принципиально не отличается от неантропа, что является его прогрессивной чертой и, в то же время, важной особенностью отличающей его от яванского питекантропа.

Итак, открытие местонахождения синантропов Чжоукоудэн позволило рассматривать Центральную Азию в качестве одного из районов протекания раннего этапа антропогенеза. Остатки синантропа укрепили позиции питекантроповых в ряду предков человека, заняв прочное место в цепи антропогенеза.

Остатки многочисленных особей синантропов предоставили возможность получить наиболее полные сведения об их морфологии. Следует подчеркнуть, что материалы из местонахождения Чжоукоудэн являются образцовыми при анализе новых палеоантропологических находок, а также, что немаловажно, костные остатки синантропа стали основанием для выделения в качестве «колыбели человечества» более узкого района Азиатского континента – его Центральную часть.

Список литературы:

1. Борисковский П.И. Начальный этап первобытного общества. Л.: Изд-во Ленинград. гос. ун-та, 1950. 139 с.
2. Вишняцкий Б.Н. Эволюция человека (новое в палеонтологии). Л.: П.П. Сойкин, 1928. 88 с.
3. Дробышевский С.В. Предшественники. Предки? Архантропы. Гоминиды, переходные от архантропов к палеантропам. М.: Едиториал УРСС, 2004. 344 с.
4. Елинек Я. Большой иллюстрированный атлас первобытного человека. Прага: Артия, 1982. 560 с.
5. Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Древнее расселение человечества в Восточной и Юго-Восточной Азии // Происхождение человека и древнее расселение человечества. М., 1951. С. 325–355.
6. Нестурх М.Ф. Пикинский обезьяночеловек (синантроп) // Антропологический журнал. 1932. № 2. С. 166–169.
7. Урынсон М.И. Питекантропы, синантропы и близкие им формы гоминид // Ископаемые гоминиды и происхождение человека. М.: Наука, 1960. С. 90–120.
8. Black D. Fertiary Man in Asia: the Chou Kou Tien Discovery // Nature. 1926. № 2977. Vol. 118. P. 733–734.
9. Keith A. New discoveries relating to the antiquity of man. London: Williams and Norgate, 1931. 466 p.

СЕКЦИЯ 2: ИСТОРИЯ

К ВОПРОСУ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ГУБЕРНАТОРА И ВИЦЕ-ГУБЕРНАТОРА В ЯКУТСКОЙ ОБЛАСТИ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ.

Архипова Алена Ивановна

*старший лаборант сектора истории Якутии, ИГиИПМНС СО РАН,
г. Якутск*

E-mail: ali-titova@rambler.ru

В статье рассматриваются взаимоотношения между губернатором и вице-губернатором Якутской области на рубеже XIX-XX вв. – во время пребывания на посту губернатора В.Н. Скрыпицына, известного своими либеральными взглядами, и внесшего заметный вклад в развитие края. Эта проблема ставится впервые, противостояние губернатора и вице-губернатора в конкретной ситуации, в условиях периферии могло отразиться во взаимоотношениях местной власти с центром, в конечном счете, в управлении областью.

Якутская область статус губернии получила с 1851 г. позднее, чем другие губернии Российской империи. Во главе губернии был назначен губернатор, непосредственно подчиняющийся Восточно-Сибирскому, а позднее Иркутскому генерал-губернатору. С 1883 г. учрежден институт вице-губернатора.

Губернатор обладал административными функциями, в его ведении находились: дела судебных органов, тюремного комитета, крестьянских, горных, благотворительных учреждений, по воинской и земской повинностям и ряду других. Вторым лицом в областной администрации являлся вице-губернатор, который, должен был быть непосредственным помощником и сотрудником начальника губернии по всем частям управления; иметь ближайший и ответственный надзор по губернскому правлению; наблюдать за делопроизводством, благоустройством и порядком, в особенности, в канцелярии присутствия, и ее частях; временно управлять областью в отсутствие губернатора [4, с. 51]. Большинство вице-губернаторов имело чин статского советника, V разряд табели о рангах.

Губернатор являлся председателем областного совета, его членами были вице-губернатор, с момента введения должности, советники областного правления, окружной прокурор. Наличие областного совета было отличительной чертой в административном

отношении [3, с. 80]. Вице-губернатор же являлся председателем областного правления, которое непосредственно подчинялось Иркутскому генерал-губернаторству и взаимодействовало с министерствами и Сенатом. Членами общего присутствия областного правления являлись; вице-губернатор, советники, прокурор окружного суда, и, по ряду вопросов, председатель окружного суда, ветеринарный инспектор, врачебный инспектор, областной инженер и землемер. На деле, деятельность областного правления была направляема якутским губернатором, который являлся председателем общего присутствия.

В этой связи большой интерес представляет анализ взаимоотношений губернатора и вице-губернатора в условиях отдаленности области от руководящего центра и оторванности, замкнутости в культурном, духовном и экономическом плане. Здесь лучше всего проявлялись личные качества руководителей. Все дела, касающиеся управления областью, были сосредоточены в канцелярии, которая состояла из трех отделений, в 1897 г. появилось четвертое, которое стало отвечать за финансовое состояние области, имело отношения с финансово-хозяйственными органами, следило за налогами, недоимками, ясаком и повинностями. Позднее Якутское областное правление было переименовано в Якутское областное управление.

Всего с 1851 по 1917 г. на посту губернатор побывало 14 человек, вице-губернаторов – 11. На рубеже XIX-XX вв. губернатором Якутской области являлся действительный статский советник Владимир Николаевич Скрыпицын (1892-1903 гг.) За это время на посту губернаторов сменилось 4 вице-губернатора: П.П. Осташкин, Алексей Максимович Лавров (25 мая 1894 -29 июня 1895); Александр Ростиславович Алев (6 июля 1895 г. - 14 октября 1898 г.); Александр Константинович Миллер (2 сентября 1898-26 июня 1903 г. до назначения старший помощник делопроизводителя Департамента полиции) [6, с. 19-20, с. 287].

Первый конфликт во власти имел место в 1894 г., когда встал вопрос полномочий губернатора и вице-губернатора. 28 ноября 1894 г. В.Н. Скрыпицын, уезжая на обозрение округов, издал приказ о порядке делопроизводства между губернатором и вице-губернатором. В приказе говорилось: «На время поездки моей в Олекминский округ, все дела ведомства Якутского губернатора обращать ко мне, исключая дел, не терпящих отлагательства, исполнение которых возлагаю на вице-губернатора Лаврова» [2, л. 5]. Однако, на деле было вскрыто письмо, адресованное Скрыпицыну епископом Якутским и Вилюйским Мелетием, и на ряд дел, которые не подлежат под

определение «безотлагательные», наложена резолюция губернатора, хотя он их и не рассматривал. В своих действиях вице-губернатор руководствовался ст. 21 «Сибирского учреждения». Данный вопрос разрешился отставкой вице-губернатора. Во всеподданнейшем отчете губернатор подчеркивал, что дела губернатора и вице-губернатора находились в одной канцелярии, с одним персоналом служащих, усложняли и нагружали делопроизводство в ней. В европейской же части России имелись отдельные губернаторские канцелярии, и там вице-губернатор не имел доступа к переписке губернатора.

Вице-губернатор Миллер известен своим докладом Иркутскому генерал-губернатору о состоянии дел в области, в котором указывалось, что «...постоянно обнаруживаемые мною во всех отраслях управления областью весьма серьезные непорядки и упущения...» [1, л. 1]. Он составил подробный отчет, в котором перечислил, что и когда не было выполнено, описал ряд вопросов, касающихся чиновников Якутской области. В этом деле интерес представляет анонимное письмо, которое дошло до Иркутского генерал-губернатора. В нем мы видим характеристику вице-губернатора, данную одним из приближенных в период замещения им должности губернатора, и описан ряд действий, вызвавших осуждения автора письма. «...Наш вице-губернатор охвачен страстью сделаться губернатором и строит козни В.А. Скрипицыну. Он не ... стесняется высказывать, что будто бы все чиновники, все наше общество пропитано революционным духом, и будто чиновники и политические ссыльные, соединившись, хотят его убить...» [1, л. 22]. В письме также было сказано: «Он делает вид, что боится за свою жизнь со стороны чиновников и ссыльных, устраивает на улице казачьи пикеты, а сам между тем ходит по вечерам и ночам по улицам, подслушивая разговоры под окнами, на что посвящается им все досужее время. Такие недостойные губернаторского звания поступки роняют авторитет губернаторской власти, а сам он делается посмешищем» [1, л. 22].

Генерал-губернатор, отвечая на это письмо, писал: «Обращаясь к неблагоприятному отзыву вашему о служащих в областном правлении и вообще в области чиновниках, не могу не заметить, что указываемые вами недостатки и плохие чиновники всегда были и будут, но нельзя браковать, а тем более ссориться одновременно со всеми, иначе не с кем будет служить. Худших чиновников следует постепенно заменять, но не прежде как наметив вместо них надежных заместителей. При этом необходимо иметь ввиду, что излишество в требованиях, подрывает самое значение последних» [1, л. 35]. Там же

содержится информация о том, что зять губернатора в его отсутствие проживает в его квартире, а свою в то время сдает политическому ссыльному.

Наибольшее развитие получил конфликт вице-губернатора А.Р. Алеева с губернатором В.Н. Скрыпицыным. На этом деле мы остановимся подробнее. А.Р. Алеев назначен на должность 6 июля 1895 г. и неоднократно писал генерал-губернатору А.Д. Горемыкину о действиях Скрыпицына, докладывал о каждом его решении, и постановлении.

Основные претензии Алеева заключались в следующем: «Скрыпицын единоличным рапортом передает судебно-следственные дела от одних чиновников другим; городская полиция состоит для личных услуг Скрыпицына, полицмейстеры и советники обязаны являться ежедневно, с рапортами и документами», «Областное правление обязано представлять все журналы до исполнения, на утверждение губернатора» [5, л. 89]. «Скопцам разрешается торговля и отлучки от мест причисления» [5, л. 90]. По мнению Алеева, Скрыпицын настаивает на его перемещении из области, но он еще хотел бы «представить множество фактов злоупотребления по управлению вообще, и по скопческим делам в частности» [5, л. 90].

На деле, распоряжение губернатора о предоставлении ему журналов областного правления касалось тех, в которых рассматривались дела казенного или общественного интереса, и прошения, поданные на его имя и переданные на обсуждение областного правления. Он подчеркивал, что оно было сделано с целью надзора, чтобы иметь возможность «постоянно следить за деятельностью и направлениями по областному правлению» [5, л. 113]. Помимо того, обращает внимание, что на многих журналах имелись замечания «доложить губернатору», а вице-губернатор в свою очередь налагает протест и постановление: «не требует утверждения губернатора».

Для разрешения сложившегося конфликта Иркутский генерал-губернатор обратился к прокурору Якутского окружного суда Подольскому, с просьбой сообщить причины разлада в действиях местной администрации. Прокурор отметил, что основной конфликт происходит из того, что существуют сомнения в толковании взаимоотношений Якутского губернатора и областного совета, с одной стороны, и областного правления и председательствующего в нем вице-губернатора, с другой [5, л. 171]. В результате чего Алеев считал себя самостоятельным и независимым, а областное правление - стоящим вне влияния и контроля со стороны губернатора.

Роль, которую играл вице-губернатор в системе управления в Якутской области, можно наблюдать по реакции генерал-губернатора и МВД на их доклады. Так, И.Л. Горемыкин писал А.Д. Горемыкину, что вследствие конфликта между В.Н. Скрыпицыным и Лавровым, «обнаружено, что почти весь личный состав чинов Якутского областного управления не соответствует своему назначению». Министр предлагал: если генерал-губернатор сочтет необходимым, то можно обновить весь состав правления. Конфликт Скрыпицына и Алеева получил развитие при поездке генерал-губернатора А.Д. Горемыкина для обозрения Якутской области в июле-августе 1897 г., при которой он хотел лично передать Алееву указания о его бестактном поведении. Что касается кадрового вопроса, то были заменены 3 из 4 советников Якутского областного правления (из лиц ведомства министерства юстиции), только один был признан соответствующим занимаемой должности [5, л. 153]. Алееву было предложено подать прошение об увольнении. В свою очередь, губернатору разъяснено, что областное правление - одно из мест частного губернского управления, является присутствием решительным, а не совещательным, и губернатор не входит в его состав, а вместе с областным советом составляет общее губернское управление, которое состоит выше частного губернского управления. А главный предмет должности якутского губернатора по управлению областью – надзор за правильным и успешным действием всех местных установлений (в том числе и областного правления). Так же было предложено, чтобы бумаги с отметками губернатора далее передавались вице-губернатору и потом в канцелярию.

Иркутский генерал-губернатор обратил внимание А.Р. Алеева на то, что «каждое лицо, состоящее на службе обязано оказывать уважение к поставленному над ним старшему лицу, а тем более губернатору» и предложил «вступить в должные отношения с губернатором» [5, л. 48].

Губернатор в своих обращениях к генерал-губернатору подчеркивал, что в таких условиях работать невозможно и это «нравственно истязует» его. Для разрешения данного конфликта 18 апреля 1897 г. генерал-губернатор А.Д. Горемыкин, обратился к министру внутренних дел И.Л. Горемыкину, с предложением отстранить от должности вице-губернатора Алеева, т.к. «в высшей степени ненормальное положение служебных отношений» в Якутской области, подрывает «в корне те принципы, на которых основывается учреждение каждой власти» [5, л. 60]. Однако, был получен отказ. Промедление в замене должностей объясняется, прежде всего,

окраинным положением Якутской области и отсутствием местных квалифицированных кадров. Такое положение дел прекрасно осознавали руководящие чины, в частности, генерал-губернатор А.Д. Горемыкин высказывал свое мнение о том, насколько «затруднительно найти вдали от здешнего края достойных кандидатов на высшие должности; ибо в столь отдаленный край едут из Европейской России люди, почти исключительно не имеющие права рассчитывать на получение сколько-нибудь соответствующего назначения» [5, л. 61]. Ввиду этого И.Л. Горемыкин нашел отстранение Алеева преждевременным.

Данный конфликт обнажил назревшую проблему устаревшего порядка управления Якутской областью. В связи с этим обсуждался проект положения о распространении на Якутскую область закона от 1 июня 1895 г. о преобразовании губернских учреждений Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний.

В данной работе проведена попытка рассмотреть взаимоотношения губернатора и вице-губернаторов в Якутской области на рубеже XIX-XX вв. во время деятельности губернатора В.Н. Скрипицына.

Углубленное исследование и сопоставление конкретных примеров регионального управления позволяет понять, что социально-экономическая ситуация в том или ином крае зависела не только от проводимой внутренней политики государства, но и от качественного внедрения преобразований и умелого ведения хозяйственной деятельности на локальном уровне, что напрямую зависит от опыта и деловых качеств регионального лидера и его подчиненных. А взаимоотношения в вертикали власти тем более интересны, что обе должности назначались центром. И в условиях далекой окраины взаимоотношения, складывающиеся между двумя главными чиновниками области, непосредственно влияли на управление всем краем. Вице-губернатор считал себя обязанным следить за правильным исполнением дел губернатором, вследствие чего не раз возникали конфликты, суть которых доводилась до министерства внутренних дел. А.Р. Алеев создавал трудности в работе губернатора, но последний, проявляя волю и энергию, продолжал успешно руководить вверенной ему областью.

Список литературы:

1. ГАИО. Ф.25. Д.45.
2. ГАИО. Ф.25. Д.241.

3. Иванова С.В. Органы областной администрации в дореволюционной Якутии (1851-1917 гг.)//Сборник научных трудов. – Якутск, 1994. – Серия: Гуманитарные науки. – 98 с.
4. ПСЗРИ. Собр. III. Т.3 №1398.
5. РГИА. Ф.1284. Оп. 185. Д.83.
6. Сафронов Ф.Г. Дореволюционные начальники Якутского края. – Якутск, 1993 г. 56 с.; Якутия. Хроника. Факты. События. 1632-1917 гг. – Якутск: Бичик, 2000. 480 с.

**ФЕВРАЛЬ 1917 ГОДА НА ДОНУ И СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ:
ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕГОСУДАРСТВЕННЫХ И
РЕГИОНАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ ВЛАСТИ. АКТУАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ**

Брызгалова Ирина Генриховна

*доцент, кандидат исторических наук, ЮФУ, г. Ростов-на-Дону
E-mail: ibrizgalova@yandex.ru*

Актуальность и научная значимость данной темы определяются необходимостью переосмысления проблем государственного строительства постмонархической России, особенностей этого строительства в таком специфическом районе как Дон и Северный Кавказ, недостаточностью изученности этой проблемы.

Первостепенное значение и внимание среди всех теоретических вопросов общественно-политической мысли в послефевральской России уделялось вопросу о государстве. Это объяснялось тем, что главной проблемой любой революции является проблема власти, ее природы, сущности и формы. В современной исторической науке активно происходит переосмысление многих проблем, относящихся к 1917 году, в том числе и вопросов государственного строительства. Больше всего сегодня подвергается обсуждению и осмыслению проблема демократических институтов, порожденных Февральской революцией. Особенно их нормы и права, необходимые для создания гражданского общества, непривычные для России демократические учреждения, открывавшие перспективы демократического будущего.

Сегодня общество волнуют многие проблемы, что и весной 1917 года: природа и организация демократического механизма власти, создание стабильных и эффективных органов власти разных

уровней, четкое разграничение функций государственных (центральных) и местных властей, взаимодействие центра и регионов. В рамках проблемы возрождения казачества после Февраля 1917 года интересен опыт реформы казачьего управления и создания специфических органов власти разных уровней на Дону, Кубани, Тереке, обеспечения гражданского мира и национального согласия в обществе, решение всех проблем эволюционным путем, путем политического диалога. Исторический опыт такого региона, как Дон и Северный Кавказ с его казачьей спецификой и многонациональностью, ныне имеет первостепенное значение.

Научная актуальность проблемы определяется также состоянием ее изученности. В последние годы под влиянием процессов, происходивших в обществе, заметно возрос интерес к истории Февральской революции. Это прежде всего связано с оценкой Февраля, которая ранее господствовала в науке. Если в 20-е годы день победы Февральской революции еще был «красным днем», а исторические журналы печатали о ней разнообразные материалы, выходили мемуары ее участников и современников, то в 30-е годы демократический Февраль для сталинского тоталитаризма стал ненужным и опасным. Память о нем начала стираться, а то, что было невозможно вычеркнуть, подвергалось искажениям и фальсификации. Лишь в 60-е годы историческая наука начала выводить Февраль из полужабытия и становиться на путь его подлинного изучения. Но и после этого преобладало мнение, что Февраль занимает в нашей истории скромное место «пролога Октября».

И только в последние десятилетия ситуация в исторической науке меняется, разброс мнений крайне велик: от полного отрицания событий Февраля, как революции вообще, до признания самостоятельного характера Февраля. При этом наблюдаются такие тенденции: происходит возрождение различных взглядов и позиций, занимавших место в историографии 20-х годов; наблюдается откровенное стремление отбросить и пересмотреть все сделанное последующей исторической наукой, начать изучение проблем Февраля с нулевой отметки; активизируется деятельность по разработке данных проблем с учетом как критического осмысления достижений науки и сложившихся исторических традиций, так и возможностей широкого введения в научный оборот нового документального материала, новых подходов. Последняя тенденция является наиболее продуктивной.

С 90-х годов в историографии утверждается мнение, что Февраль 1917 года является второй русской революцией, событием, которое следует считать эпохальным. С одной стороны, она подвела

черту под многовековой историей русской и российской монархии, с другой – открыла путь для демократического развития России [7]. Такой подход позволяет по-новому решать многие вопросы, в том числе и вопросы государственного строительства.

Несмотря на важность осмысления событий 1917 года, крайне мало внимания в литературе уделялось разработке концепции революционного государства в России. Практически все работы по этой теме следовали одной модели, согласно которой концепция государства сводилась к понятию функционального инструмента конкретных правителей или правящих кругов. Подчеркивалась слабость государства, парализующий эффект двоевластия, возникновение «вакуума власти», что послужило политической причиной Октября. Образно говоря, государство в 1917 году «повисло в воздухе» [10]. Такие оценки были характерны для общероссийской и для региональной историографии. Сам процесс формирования российской государственности после Февраля в центре и в регионе, а затем процесс изменения форм самой власти не являлся отдельным и специальным предметом изучения. Предпочтение отдавалось, прежде всего, Советам. Несмотря на наличие большого количества литературы, освещающей период с Февраля по Октябрь 1917 года, история органов Временного правительства, казачьих и национальных органов власти была освещена недостаточно полно. Преобладал подход изначального противопоставления всех органов власти друг другу, искусственного вычленения Советов из всей системы власти.

Предыдущие исследования по истории революции в регионе создали необходимые предпосылки для рассмотрения проблем формирования органов власти и реализации проблемы политического выбора в системе новой российской государственности на Дону и Северном Кавказе после Февраля 1917 года. За последние два-три десятилетия издан ряд монографий, статей, очерков, которые раскрывают своеобразие условий революций в различных районах Дона и Северного Кавказа, примером этого являются труды Абазатова М.А., Аликберова А., Гаджиева М.И., Гугова Р.Х., Иванько И.И., Кашкаева Б.О., Кириенко Ю.К., Кислицина С.А., Козлова А.И., Лайпанова К.Т., Перехова Я.А., Сергеева В.Н., Скорика А.П., Тикиджьяна Р.Г., Тотоева М.С., Трута В.П., Трусовой Е.М., Улько Г.Е., Хмелевского К.А., Этенко Л.А. и др. [6]

В 80-е годы издан ряд новых крупных исследований по проблеме социально-экономических и политических отношений на Дону и Северном Кавказе. Внимание уделялось также состоянию и деятельности различных партийных организаций [4]. Известным

вкладом в разработку проблем революции явилась коллективная монография историков Дона и Северного Кавказа, раскрывающая специфику социально-экономического и политического положения на Дону и Северном Кавказе и борьбу масс за Советы [9]. Советам отводилось особое внимание в историографическом плане.

Издание работ региональных историков в 80-х, 90-х годах создало новую историографическую ситуацию [3]. Данные исследования значительно обогатили фактологическую и теоретическую базу истории региона. Важно, что значительно расширилась источниковедческая база: открыты и опубликованы материалы практически всех политических партий, работы их лидеров, введено в научный оборот большое количество новых архивных материалов.

Однако до 90-х годов нерешенными оставались вопросы становления и развития новой государственности на Дону и Северном Кавказе после Февраля как целостной системы, взаимоотношения органов Временного Правительства, Советов, казачьих и национальных органов власти, особенности развития этого процесса в регионе. Такой системный подход к проблеме в научной литературе отсутствовал, хотя потребность в нем в историографии определилась. В исследованиях уже ставились для решения данные вопросы: «Первоочередная задача ныне заключается во всестороннем и комплексном изучении разработки социально-экономической проблематики. Для этого созрели все необходимые условия. Такой подход позволит глубже разобраться в мотивах поведения классов, различных групп населения, политических партий и их местных организаций, в деятельности созданных силами революции и контрреволюции общественных институтов» [5, с. 109].

Обращалось внимание и на то, что «Для изучения сложной и противоречивой обстановки на Дону весной 1917 года важное значение имеет анализ процесса двоевластия. Но, если в большинстве работ Советам уделяется определенное внимание, то история органов Временного Правительства, их социальный, партийный состав, взаимодействие с Советами изучаются слабо» [11, 10]

Работы Е.М. Трусовой, И.Г. Брызгаловой, Н.В. Звездовой, А.А. Коровина, Э.А. Сагалакова, Е.П. Шилкиной, Линец С.И., Е.Ю. Оборского, Н.Е. Орловой, Д.И. Состина, И.В. Стушней и др. значительно восполнили этот пробел [1].

Ценные сведения о социально-экономическом и общественно-политическом развитии Северного Кавказа в начале XX века были

почерпнуты в диссертационных исследованиях Е.Ю. Оборского, Н.Е. Орловой, Д.И. Состина, И.В. Стушной [8].

Деятельность органов государственной власти и местного самоуправления на Юге России, их взаимодействие в короткий период формирования буржуазной демократии раскрывается в диссертационных исследованиях и работах Е.М. Трусовой, А.А. Коровина, И.Г. Брызгаловой, Э.А. Сагалакова, Е.П. Шилкиной [2].

Предметом исследований стало выяснение содержания различных подходов основных российских общественно-политических сил к проблемам государственного строительства, основных закономерностей возникновения и развития местных органов власти, функционирования всей властной системы региона после Февраля, анализ возможностей и реального процесса создания органов власти разных уровней, организация демократического механизма власти, принципы взаимодействия между гражданами, обществом и государством, формирование и деятельность массовых организаций трудящихся на разных этапах революции.

Исследователи пришли к важнейшим выводам, которые углубили и расширили исследуемую проблематику.

Февральская революция 1917 года: эти месяцы представляют собой качественно особый и определенный самостоятельный этап в формировании системы новой государственной власти в России и в регионе. Это период был также временем очень активного осмысления проблемы государственного устройства России различными партиями и общественно-политическими силами. Особо выделяется период с февраля по май - это эволюционный этап Февральской революции, для которого было характерно стремление всех политических сил решить все проблемы мирным путем.

Развитие в России послереволюционной властной системы явилось попыткой реализовать общетеоретические принципы. Большое значение в связи с этим, приобретает понимание конкретных форм демократии после победы Февраля. В государственном строительстве столкнулись две традиции, характерные для мировой политической мысли и правовой практики: первая, рассматривающая государство как орудие господствующего класса; вторая, провозглашающая « механизм разделения властей» - основу функционирования демократического государства. Их поддерживали и пытались реализовать на практике различные политические силы: первую – левые силы, большевики; вторую – партии революционной демократии, кадеты.

Обобщение теории и практики механизма формирования органов власти, реализация проблемы политического выбора на Дону и Северном Кавказе после Февраля 1917 года, анализ программ и взглядов существовавших партий и общественно-политических сил по вопросам государственного строительства и функционирования системы власти выявили специфику и многообразие подходов в этом направлении.

Наиболее спорными и дискутируемыми проблемами государственного строительства в межпартийных и политических спорах в исследуемый период были: осмысление моделей и вариантов власти; организация механизмов их функционирования; учет такого фактора, как сословный, классовый состав населения при создании системы власти и ее структур в форме органов власти Временного Правительства, Советов и традиционных региональных властных структур (казачьих, национальных).

В 1917 году конкретно-историческая ситуация с ее необычайной сложностью и динамичностью, крутыми поворотами содержала разные часто сменявшиеся возможности (альтернативы) развития. Это нашло отражение в многообразии подходов к проблемам государственного строительства после Февраля, наложило отпечаток на процесс формирования органов власти на Дону и Северном Кавказе, выявило тесную взаимосвязь и влияние экономического положения, социальных отношений накануне 1917 года на характер, формы и темпы революционного процесса в регионе.

На ход революции в исследуемом регионе оказали влияние своеобразие социально-экономических классовых, общественных и национальных отношений, культура и психология населения.

Социально-экономические противоречия в регионе не были столь острыми, как в центре России. Сравнение общероссийского и регионального революционных процессов свидетельствует, о том, что они протекали совершенно по-разному. Напряжение сглаживалось за счет более мощного экономического потенциала края и менее пролетаризированного состава населения. Национальные и сословные противоречия не имели самодовлеющего значения. В силу чего регион вполне мирно принял Февральскую революцию, она прошла здесь без особых социальных и политических потрясений. Экономические и социальные факторы оказали непосредственное влияние на особенности государственного строительства в регионе после Февральской революции, что нашло отражение в образовании Советов и гражданских исполнительных комитетов, а также специфических: казачьих и национальных органов самоуправления.

В образовании и деятельности системы власти в регионе прослеживаются, как и по всей стране, две тенденции.

Первая – стихийная и самочинная организация Советов с перспективой создания самостоятельной структуры власти, противостоящей Временному правительству и его органам управления.

Вторая – сотрудничество Советов с органами Временного правительства с последующей интеграцией Советов в систему буржуазной власти. В регионе события весной 1917 года развивались согласно обеим тенденциям, но доминирующей была вторая, но постепенно, как показывают события, первая тенденция набирает силу.

Советы сумели найти и определить свое место в общей системе власти. Привлеченные новые документы и материалы дают основание поставить под сомнение утвердившиеся ранее оценки в историографии, базировавшиеся на изначальном противопоставлении всех органов власти друг другу, противоборстве и искусственном вычлениении из общей системы Советов. В действительности образование Советов вовсе не означало объявление “классовой войны”. С момента своего возникновения в исследуемый период они выступали как широкий союз всех общедемократических сил. Подтверждение этому – их социальный и партийный состав, реальная деятельность Советов и их участие совместно с другими органами власти в решении актуальных проблем региона.

Весной 1917 года шел процесс формирования институтов власти Временного правительства в лице гражданских исполнительных комитетов в городах и сельской местности. Разрабатывался вопрос о введении земств на Дону, Кубани, Тереке, Ставрополье, предопределялась их структура и место в системе региональной власти.

В государственном строительстве в исследуемом регионе учитывалась его специфика, сословные и национальные особенности, что выразилось в четком определении казачьих и национальных органов власти в общегосударственной системе, организации основ местного самоуправления и проведении реформы казачьего управления, попыток учесть в казачестве общедемократическое и узкосословное течения. А в национальных районах в создании органов власти Временного правительства определялись два направления: создавались гражданские исполнительные комитеты в Осетии, Дагестане, Калмыкии, на Кубани, повсеместно учреждались армянские союзы, а также специфические национальные органы власти (Кабарда, Чечня, Ингушетия, Дагестан).

Система власти в регионе действовала как единое целое, существовала тесная связь между всеми ее частями.

Характерной и определяющей особенностью образования и деятельности местных органов власти на Дону и Северном Кавказе была их изначальная и тесная взаимосвязь. Установлено, что практически с самого начала революции здесь были созданы на всех уровнях единые, совместные органы власти, куда входили представители гражданских исполнительных комитетов, Советов, традиционных казачьих и национальных учреждений. Эти органы действовали на всех уровнях: городских, окружных (волостных, отделихских) и областных, губернских. Они носили коалиционный характер.

Двоевластие на деле в регионе приобрело более сложную конфигурацию, чем принято считать. Формировалась демократическая (антикратическая) власть, демократическое многовластие, характер которой проявлялся в определенном мирном сосуществовании и сотрудничестве разных органов власти, а также в совместной работе в них цензовых и нецензовых элементов.

Существование и деятельность коалиционных органов власти благотворно влияли на формирование общеполитического климата в регионе, процесс закрепления демократических завоеваний революции на местах, создавало базу для сотрудничества разных политических сил, возможности компромиссов, политического диалога в решении многих насущных проблем того периода.

В процессе развития революции Советы постепенно и довольно эффективно приобщались к решению проблем общегосударственного характера. Из общественных организаций они превращались в полновластные государственные органы, беря на себя порой законодательную инициативу, функции государственного управления, постепенно вытесняя органы Временного правительства и перехватывая у них инициативу в решении важнейших вопросов.

Эта (первая) тенденция постепенно, начиная нарушать властное равновесие, становилась все более определяющей на местах, вследствие того, что Временное правительство и правительственный блок меньшевиков и эсеров топтались на месте, откладывая осуществление главных задач революции до созыва Учредительного собрания. Временное Правительство в поисках консенсуса между противоборствующими силами в стране, пытаясь встать выше всех противоречий классовых, национальных, постепенно теряло социальную опору, что впоследствии предопределило крах коалиции Временного правительства и в конечном итоге победу большевиков.

Историографический анализ темы и исследование избранных проблем позволяют определить круг вопросов, требующих дальнейшего научного осмысления. Важнейшими из них являются: социально-экономическое положение национальных районов Северного Кавказа; общественно-политическое положение региона накануне Февральской революции; общественные классы и местные организации политических партий; демократические и социалистические тенденции в революции; соотношение сил на различных этапах Февральской революции; поведение и настроения казачества и крестьянского населения (коренного, иногороднего, горского). Недостаточно изучены формирование и деятельность местных органов власти Временного правительства (в том числе в национальных районах), органов казачьего управления, земств и органов городского и сельского самоуправления, органов национального самоуправления, а также переплетение, разделение и соотношение власти между всеми властными структурами.

Список литературы:

1. Брызгалова И.Г. Разработка земского самоуправления в казачьих районах Дона, Кубани и Терека после февраля 1917 г. // Проблемы казачьего возрождения: Сб. науч.статей. Ч. 2. / Отв.ред. А.И. Козлов.- Ростов н/Д, 1996; Линец С.И. История Российского государства и органов его управления. - Пятигорск: Изд-во «Спецпечать», 2006; Линец С.И., Ермаков В.П. История политических партий и движений в России. - Пятигорск: Изд-во ПГЛУ; Трусова Е.М. Массовые организации трудящихся Дона и Северного Кавказа в феврале-октябре 1917 года. - Ростов-н/Д, 1992; Она же. Возникновение и эволюция органов управления и самоуправления на Юге России в феврале-октябре 1917 года. (Дон, Кубань, Ставрополье). Дисс. ... докт. ист. наук. - М., 2000; Она же. Местное управление и самоуправление на Дону, Кубани и в Ставрополье в 1917 году. - Ростов-н/Д. 1999. Шапсугов Д.Ю., Сергеев В.Н., Звездова Н.В. Государственная и местная власть на Дону в 1917 году.- Ростов-на-Дону, 2000.
2. Брызгалова И.Г. Формирование и деятельность местных органов власти на Дону и Северном Кавказе весной 1917 г.: Дис. ... канд. ист. наук.- Ростов-на-Дону, 1995; Звездова Н.В. Местная власть в области Войска Донского и ее реформирование в марте 1917 - феврале 1918 гг.: Дис. ... канд юрид. наук.- Ростов-на-Дону, 1997; Коровин А.А. Государственное управление и местное самоуправление на Кубани в 1917 г.: Дис. ... канд. ист.

- наук.- Майкоп, 1998; Сагалаков Э.А. Институт комиссаров Временного правительства: Дис. ... канд. ист. наук.- М., 1997; Шилкина Е.П. Власть и партии: органы городского самоуправления на Дону и Кубани (лето 1917 - лето 1918 гг.): Дис. ... канд. ист. наук.- Ростов-на-Дону, 1995.
3. Венков А.В. Антибольшевистское движение на Юге России на начальном этапе гражданской войны. - Ростов-н/Д, 1995; Герман О.Б. Казачье-крестьянские отношения на Дону в 1917 - начале 1918 гг.- Ростов-н/Д, 2002; Донские казаки в прошлом и настоящем. - Ростов-н/Д, 1998; Дулимов Е.И. История власти и казачьей государственности на Дону. - Ростов-н/Д, 1999; Дулимов Е.И., Кислицын С.А. Государство и донское казачество: Учебное пособие по спецкурсу.- М., 2000; Дулимов Е.И., Золотарев И.И. Самоуправление казаков: история и современность. - Ростов-н/Д, 1998; Золотарев И.И. Казачье самоуправление на Дону. (Историческое исследование).- Ростов-н/Д, 1999; Козлов А.И. Власть в революциях и гражданской войне. Февраль 1917. Рождение новой власти // Власть на Дону от первого атамана до первого губернатора. - Ростов-н/Д, 1999; Сенцов А.А. Развитие российского государства после Февральской революции 1917 г.- Краснодар, 1994; Сергеев В.Н. Политические партии в южных казачьих областях России 1917-1920 гг.: В 3-х ч.- Ростов-н/Дону, 1993; Трут В.П. Казачий излом (Казачество Юго-Востока России в начале XX века и в период революций 1917 года). - Ростов-н/Д, 1997.
4. Гугов Р.Х., Козлов А.И., Этенко Л.А. Вопросы историографии Великого Октября на Дону и Северном Кавказе.- Нальчик, 1988; Дон Советский. - Ростов-н/Д, 1986; История народов Северного Кавказа. - М., 1988; Кириенко Ю.К. Революция и донское казачество. - Ростов-н/Д, 1988; Козлов А.И. На историческом повороте. - Ростов н/Д: изд-во Ростовского госуниверситета, 1977; Он же. Социально-экономические, политические отношения, классовая борьба на Юго-Востоке России накануне Октября. - Ростов н/Д. 1988; Он же. Актуальность проблем истории казачества // Проблемы истории казачества XVI-XX вв. /Отв. ред. д-р ист. наук А.И. Козлов - Ростов н/Д: Изд-во Рост.ун-та,1995.; Он же. Возрождение казачества: (история и современность, эволюция, политика, теория). – Ростов н/Д: Изд-во Рост.ун-та, 1996.

5. Гугов Р.Х., Козлов А.И., Этенко Л.А. Вопросы историографии Великого Октября на Дону и Северном Кавказе.- Нальчик, 1988. - С. 109.
6. Дон и Северный Кавказ в советской исторической литературе.- Ростов-н/Д, 1972; Козлов А.И. Актуальные вопросы истории борьбы за власть Советов на Дону и Северном Кавказе в 1917-1920 гг. // Вопросы исторической науки Северного Кавказа и Дона. - Грозный, 1980. – Вып. 2; Актуальные вопросы историографии Октября на Дону и Северном Кавказе: Сборник статей / Отв. Ред. Козлов А.И. - Ростов-н/Д, 1986; Хмелевский К.А., Этенко Л.А. Современная советская историография борьбы за власть Советов на Дону и Северном Кавказе // История и историки. Историографический ежегодник.- М., 1980 и др.
7. Иоффе Г.З. Февральская революция. Крушение царизма // Вопросы истории КПСС. – 1991. - № 9.
8. Оборский Е.Ю. Эволюция общественного сознания на Кубани и Ставрополье в 1917 году. Дис. ... канд. ист. н. - Ставрополь: СГУ, 2006; Орлова Н.Е. Демократическое преобразование Российского государства Временным правительством в марте-октябре 1917 г. (Социально-экономический аспект): Дис. ... канд. ист. н. - Ростов н/Д: Северо-Кавказская академия госслужбы, 1997; Состин Д.И. Влияние политических партий на крестьянство Дона, Кубани, Ставрополья между революциями 1917 года: Дис. ... канд. ист. наук.- Ставрополь, 1995; Стущня И.В. Трансформация общественного сознания в России в феврале — октябре 1917 года: Дис.... канд. ист. наук. - Ростов-н/Д., 1998.
9. Октябрь на Дону и Северном Кавказе. - Ростов-н/Д, 1972.
10. Розенберг У. Формирование новой российской государственности //Отечественная история. – 1994.- №1.
11. Сергеев В.Н. Советы на Дону в 1917 году. Ростов – н/Д, 1987. - С. 10.

СВЯЖСК КАК ПЛАЦДАРМ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ РАЗЛИЧНЫХ ЭТНОСОВ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Гасанов Ильнар Мамедович
ассистент К(П)ФУ, г. Казань
E-mail: littleussia@mail.ru

Республика Татарстан обладает бесценным культурным достоянием, создававшимся усилиями разных народов на протяжении многих столетий. Оно воплотило в себе черты и особенности тюрского, славянского, финно-угорского мира, духовную силу христианства, ислама и других традиционных религий. Издавна народы республики неразрывно «связаны» между собой, воспеты в преданиях и легендах.

Ещё в конце февраля 1550 г. Иван IV, возвращаясь из очередного похода московских полков на Казань для взятия города, остановился в устье реки Свияга, облюбовал Круглую гору под будущий город Свияжск. Вернувшись в Москву, он дал выдающемуся русскому инженеру-строителю дьяку Выродкову И.Г. распоряжение о заготовке в Угличском уезде лесоматериалов для возведения города Свияжска.

История острова Свияжск ведёт начало с 1551 г. В середине мая 1551 г. русская флотилия подошла под Казань, чтобы не позволить татарскому войску помешать строительству города-крепости в устье Свияги. Войска, направленные из Нижнего Новгорода, с Мещёры и Вятки, блокировали переводы на Волге, Каме и Вятке – все дальнейшие подступы к Казани, чтобы парализовать её активные действия [2].

24 мая 1551 г. стрельцы, возглавляемые касимовским ханом Шах-Али и воеводами, высадились в устье Свияги, выгрузили привезённые из Угличского уезда лесоматериалы (их хватило только на половину города, остальной материал стали заготавливать на месте) и начали строить на Круглой горе город-крепость Свияжск – мощный плацдарм для наступления на Казань и военно-продовольственную базу. Строительством руководил Выродков И.Г.

Летом 1551 г. в состав России (Русского государства) вошли горные люди (чувашский народ, горные марийцы, восточная мордва) и правобережные татары. В истории это является наиболее ярким примером объединения нерусского народа с русским. Объединение произошло в результате сочетания классовой борьбы народного крестьянства против военно-феодального гнёта казанских ханов и

национально-освободительного движения чувашского, марийского и мордовского народа с борьбой Русского государства за ликвидацию своего грозного соседа – Казанского ханства.

Хан Шах-Али, хотя и вёл двуличную политику в отношении Москвы, восстановил против себя большинство казанских феодалов и в марте 1552 г. вынужден был покинуть Казань. Провалилась также попытка московского правительства присоединить всё Казанское ханство мирным способом – путём назначения в Казань русского наместника. Ханом был провозглашен астраханский хан Едигер. Казань начала направлять на Горную сторону войска, намереваясь отторгнуть ее от России. Вначале горные люди разгромили отряд казанцев и привели к русским воеводам двух захваченных татарских князей. В это время в гарнизоне Свияжска свирепствовали цинга, эпидемии, пошатнулась воинская дисциплина. Русские полки не могли принимать активного участия в борьбе против казанских войск, вторгавшихся на Горную сторону. Население между Свиягой и Волгой вышло из подчинения Свияжску. Лишь к июню свияжским воеводам удалось восстановить положение и в этом районе. Массы чувашей, горных марийцев и восточной мордвы не поддались давлению Казанского ханства, остались верными Русскому государству [2].

После многочисленных неудач с попыткой мирного включения Казанского ханства в состав России московское правительство, очень заинтересованное в разгроме ханства, приступило к организации нового военного похода против Казани. Этому походу благоприятствовало и международное положение Русского государства и изоляция Казанского ханства от Крымского, Астраханского ханств и ногайских орд. В июне 1552 г. 150-тысячная армия (со 150 орудиями), возглавляемая Иваном IV, выступила в поход. Крымский хан Девлет-Гирей, с целью сорвать поход русских на Казань, направил на Москву 7-ми тысячное войско с пушками. Крымцы осадили Тулу. Часть русского войска, предводительствуемая Иваном IV, который вместе с воеводами разработал план продвижения войск к Свияжску двумя колоннами. Основные силы во главе с царём направились через города Владимир и Муром. Часть войска пошла через Рязань и Мещёру, чтобы в случае нападения крымских, астраханских и ногайских татар заслонить силы войск.

Русская армия продвигалась к Свияжску по местности, являвшейся в то время «диким полем». 15-й от Мурома стан русских войск был устроен на реке Кивате (ныне р. Барыш), 16-й – на реке Якле (ныне р. Бол. Якла), 17-й – на реке Чивлы (ныне р. Цильна), 18-й – на реке Карле, 19-й – на реке Буле, 20-й – на реке Бии, 21-й – на

Итяковом поле (ныне с. Утяково Зеленодольского р-на РТ). 13 августа 1552 г. войска прибыли в г. Свияжск и до 18-го числа (до подступления к Казани и её осады) находились на правом берегу Волги.

Как написано во многих чувашских и марийских исторических преданиях, во время продвижения русских войск по западным рубежам Казанского ханства, горные люди указывали и прокладывали им дорогу, помогали строить переправы и мосты на реках, снабжали продовольствием и питьём, а в качестве награды царь Иван Грозный дарил и жаловал преданным ему воинам большие угодья земли (десятки и сотни десятин земли) с правом потомственного владения и продажи земель, на которых разрешалось строить постоянные и временные жилища, деревни, сёла, сеять поля, разводить скот, охотиться, использовать лес, водоёмы, а иногда (за особые личные заслуги) вручал дарственные грамоты, награждал специальными званиями, освобождал от платежа податей и повинностей и давал право ставить селения там, где понравится. Таких селений, по историческим и топонимическим преданиям, упоминается немало количество. Например, село Карамышево, деревни Байдеряково, Кинер, Мурзаево, Аюткино, Анаткасы, Бол. Яльчики, Ялаур. Иван Грозный пожаловал земли, вошедшие позднее в состав Тетюшского, Буинского, Лаишевского и Чистопольского уездов Казанской губернии [2].

После взятия Казани 2 октября 1552 г. и падения Казанского ханства, присоединения Среднего Поволжья к России, многие русские, мари, мордва и чуваша, пребывавшие на территории ханства или находящиеся у казанских ханов в заточении, не стали возвращаться в центральные районы России и остались в татарских селениях. Крестьянское население жило «и с татароу, и с чувашею», вместе и пахали свои пашни «не в разделе с татарскими и чувашскими пашнями, смесь по полосам», - сообщает писцовая книга (книга переписи земель, поселений и населения в фискальных целях) Свияжского уезда, относящаяся к 60-м годам 16 в. [3]. Началось освоение новых земельных пространств в бывшем «диком поле», особое внимание уделяя топографическому положению местности и земледельческому освоению лесостепи. Поселения располагались на выступах коренных склонов и высоких речных террас при слиянии рек, на высоких склонах и разделяющих их узких водоразделах (Алатырь, Тетюши, Чебоксары), на излучинах рек (Царевококшайск, Горбатов) и носили, в основном, оборонные и сторожевые функции для защиты местного населения от вражеских и разбойнических нападений кочевых

народов. В этих же целях силами местного населения были сооружены укрепительные линии (засечные черты) вдоль рек и через крепости, остроги и заставы [1, 2].

Заселение новых земельных пространств и территории шло поэтапно. Пришлое и местное население получило возможность вернуться на прежние свои, обжитые дедами земли, вынужденно покинутые в 13-14 вв., заново осваивать эти земельные площади. Во второй половине 16 в. во время колонизации и освоения обширнейших и плодородных земель на территории современного Татарстана возникли сотни новых деревень и сёл, которые расширили территории своего расселения и способствовали распространению и перениманию различных земледельческих, агротехнических, приёмов, ремёсел и промыслов, навыков в строительном деле, некоторых обычаев и традиций. Происходило втягивание населения в систему общего расселения республики в рамках единого исторического государства, на протяжении столетий развивалась сложная этническая и религиозная мозаика и взаимообогащающий культурный симбиоз населяющих её народов, с собственной корневой традицией, выработанной межэтнической и социальной толерантностью, а также культурно-историческими, религиозными и социально-бытовыми особенностями. Эти особенности являются результатом многовековой истории развития каждого народа во взаимосвязи с природой и говорят о высокой степени историко-культурной интеграции различных этносов данного региона в местах его компактного проживания в сходных ландшафтных и геоморфологических условиях.

Тесное соседство с другими народами, культурами привело к взаимопроникновению культур, материальной, духовной, а также к смешениям народов через межнациональные браки. Проживание на одной территории наложило свой отпечаток на формы хозяйствования, на поселения и жилища, на праздники и обряды, культурные традиции разных народов, но в целом ими были сохранены свои особенности и самобытность.

Настолько интересна история и уникальны памятники Свияжска, настолько же велики проблемы его сегодняшнего состояния. Сегодня остров-град Свияжск входит в федеральный и республиканский проект «Возрождение». Данный проект является ярким свидетельством духовной зрелости республики, проявившейся в росте благотворительности. На призыв Первого Президента Татарстана М.Ш. Шаймиева о поддержке в восстановлении острова-града Свияжска (параллельно с древним городом Болгар) откликнулись крупные промышленные и сельскохозяйственные

предприятия и частные инвесторы республики. К сожалению, из древних соборов и монастырских построек 16 в. сохранилось далеко не всё, но всё же можно увидеть уникальную деревянную Троицкую церковь, удивительные росписи Успенского собора, созданные руками выдающихся мастеров того времени. Значительный интерес представляют и другие храмовые ансамбли, например, церковь Святого Сергия Радонежского, построенная при правлении Бориса Годунова. Все православные храмы острова нуждаются в полном комплексе ремонтно-реставрационных работ, и они сегодня проводятся. Возрождаемые исторические и культурные памятники Свяжска должны стать центрами духовного притяжения людей разных религий и верований.

Летом 2011 г. острову-граду Свяжску исполняется 460 лет. Это богатство, благодаря которому жители Татарстана по праву гордятся, бережно относятся к культурному наследию своей страны, и благодаря которому о нашей республике знают во всём мире.

Список литературы:

1. Дедков А.П., Зорин Н.В., Колина И.В. Геоморфологическая позиция городов Среднего Поволжья и её геоэкологическое значение / А.П. Дедков, Н.В. Зорин, И.В. Колина // Геоэкологические проблемы устойчивого развития городской среды. – Воронеж, 1996. – С. 54-56.
2. Димитриев В.Д. Навеки с русским народом / В.Д. Димитриев. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1976. – 80 с.
3. Список с писцовой и межевой книги города Свяжска и уезда (1565 – 1567 гг.). – Казань, 1909. – С. 106-108.

РОЛЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ СТУДИЙ КИНОХРОНИКИ В РЕАЛИЗАЦИИ ЗАДАЧ ДУХОВНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ НАРОДА НА РАЗГРОМ ВРАГА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941-1945 гг.)

Заводчиков Василий Васильевич

аспирант кафедры отечественной истории и археологии Поволжской государственной социально-гуманитарной академии, г. Самара

E-mail: vzavod69@gmail.com

22 июня 2011 года исполняется 70 лет с начала Великой Отечественной войны, которая стала для нашего народа одним из самых суровых испытаний. С первых ее дней главной задачей кинодокументалистов страны стала духовная мобилизация народа на сопротивление и разгром фашистских захватчиков.

Документальная кинематография в предвоенные годы получила значительное развитие. Центральная студия кинохроники в Москве выросла, стала производить множество фильмов и журналов. Она стала организационным и творческим центром системы кинохроники, охватывающей корреспондентскими пунктами, студиями всю нашу страну. Регулярно выходили киножурналы. Кроме основного – «Союзкиножурнала», выпускались киножурналы для детей, для Красной Армии, журнал «Советское искусство» [1].

К июню 1941 года кинохроника страны имела уже почти четвертьвековой опыт работы по созданию различных произведений в жанре документального кинематографа. Сформировались творческие кадры студий кинохроники, ими был накоплен немалый опыт работы [2, с. 3].

Кинокамеры хроникеров фиксировали эпизоды трудовых будней страны. На экране находили отражение важные исторические вехи ее истории со съемками первых колхозов, совхозов, МТС, слетов ударников промышленности и передовиков колхозных полей.

В годы первых пятилеток развивалось мастерство кинодокументалистов, которые создавали новые жанры, позволявшие более полно отражать действительность. Создавались киноочерки-обзоры о крупных промышленных центрах, областях и республиках, о развитии в них науки и культуры. В документальных фильмах региональных студий кинохроники, выпущенных незадолго до войны, была показана мирная жизнь народа, его трудовые будни и праздники. Об этом свидетельствует, в частности, таблица 1, в которой

представлены документальные фильмы, выпущенные отдельными региональными студиями кинохроники накануне войны [3].

О трудовых достижениях людей в разных регионах страны рассказывали такие фильмы как киноочерк «День в колхозе» (Куйбышевская студия кинохроники – ныне Самарская студия кинохроники), который был посвящен успехам колхоза «Красный меринос» Матвеевского района Чкаловской (ныне Оренбургской) области по выращиванию тонкорунных породистых овец. Очерк «Величайший в мире» (Куйбышевская студия кинохроники) рассказывал о строительстве Куйбышевского гидроузла.

Достижениям стахановского звена колхозницы Ф.М. Кондратенко из колхоза «Поход» Матвеевского района Чкаловской области был посвящен киноочерк «Звено победителей» (Куйбышевская студия кинохроники). Пропаганде насаждения лесов, как защитных полос от суховея и ветров в борьбе за высокий урожай колхозных полей Поволжья был посвящен фильм «За высокий урожай» (Саратовская студия кинохроники).

К пятилетию со дня пуска Челябинского тракторного завода был показан очерк «ЧТЗ имени товарища Сталина» (Свердловская студия кинохроники). О магнитогорском комбинате и его людях рассказывал очерк «Магнитка» (Свердловская студия кинохроники). О рыбных промыслах на северном побережье Каспийского моря повествовал фильм «Северный Каспий» (Саратовская студия кинохроники).

О результатах работы сельскохозяйственного института в совхозе «Гигант» Ростовской области рассказывал фильм «Инженеры урожая»

Таблица 1. Документальные фильмы, выпущенные региональными студиями кинохроники в предвоенные годы.

Региональная студия кинохроники	Год выпуска фильма	Название фильма	Съемочная группа

Куйбышевская студия кинохроники	1937 г.	«Закон счастье»	о	Режиссер М.И.Юров, оператор М.И.Ципорин, музыкальное оформление Д.С.Штильман, звукооператор А.М.Камионский.	–
	1938 г.	«День колхозе»	в	Режиссер М.И.Юров, оператор Н.П.Киселев, музыкальное оформление Г.С.Гамбург, звукооператор Д.Н.Овсянников.	–
	1939 г.	«Величайший в мире»		Режиссер М.И.Юров, операторы Н.П.Киселев, П.И.Пак, М.И.Ципорин. музыкальное оформление Г.С.Гамбург, звукооператор Д.Н.Овсянников.	–
	1939 г.	«Звено победителей»		Режиссер О.Д.Покорский, оперетор М.И.Ципорин, музыкальное оформление Г.С.Гамбург, звукооператор Д.Н.Овсянников.	–

Саратовская студия кинохроники	1936 г.	«Город имени Сталина»	Режиссер и оператор А.М.Булдаков, музыкальное оформление Г.С.Гамбург, звукооператор И.С.Ренков.	–
	1938 г.	«За высокий урожай»	Режиссер и оператор А.М.Булдаков, музыкальное оформление Г.С.Гамбург, звукооператор В.А.Нестеров.	–
	1938 г.	«Северный Каспий»	Режиссер Л.Н.Задворчанов, оператор А.М.Софьин, музыкальное оформление Евдокимов, звукооператор И.Красиков.	–
	1938 г.	«Чудесный край»	Режиссер и оператор А.М.Булдаков, музыкальное оформление А.С.Ройтман, звукооператор Д.Н.Овсянников.	–
	1939 г.	«За устойчивый урожай»	Оператор А.А.Гран. Звукооператор Д.Н.Овсянников.	

Ростовская студия кинохроники	1938 г.	«Чудесные дни»	Сценарист и режиссер О.Б.Подгорецкая, оператор А.Я.Шнирман, музыкальное оформление Н.Гольм, звукооператор А.А.Соловьев.
	1939 г.	«Горянки»	Режиссер и оператор Я.П.Авдеенко, музыкальное оформление И.К.Шапошников, звукооператор В.Н.Харькевич.
	1939 г.	«Жемчужина гор»	Режиссер В.П.Василенко, оператор Г.Ф.Попов, музыкальное оформление П.Гутин, звукооператор А.А.Соловьев. —
	1939 г.	«Инженеры урожая»	Режиссер Я.П.Авдеенко, оператор Пойченко, музыкальное оформление И.К.Шапошников, звукооператор А.А.Соловьев.
	1939 г.	«Колхоз «Красный Октябрь»»	Режиссер Б.В.Вейланд, оператор Д.А.Сода, музыкальное оформление И.К.Шапошников, звукооператор А.А.Соловьев.

Свердловская студия кинохроники	1938 г.	«Магнитка»	Режиссер А.И.Евсиков, операторы И.М.Косицин, Г.Родниченко, музыкальное оформление И.К.Шапошников, звукооператор В.Н.Харькевич.
	1938 г.	«ЧТЗ имени товарища Сталина»	Сценарист и режиссер А.И.Евсиков, оператор И.М.Косицин, музыкальное оформление А.С.Ройтман, звукооператор Д.Н.Овсянников.
Уфимская студия кинохроники	1938 г.	«Цветущая Башкирия»	Режиссер А.И.Литвинов, оператор Г.Г.Амиров, музыкальное оформление Г.С.Гамбург, звукооператор Д.Н.Овсянников.
	1939 г.	«Славный юбилей»	Режиссер А.И.Литвин, операторы Г.Г.Амиров, А.Я.Сухов, музыкальное оформление Г.С.Гамбург, звукооператор Д.Н.Овсянников.

	1940 г.	«Второе Баку»	Режиссер Н.Вейланд, оператор Г.Амиров.
Воронежская студия кинохроники	1939 г.	«Колхозные будни»	Режиссер И.И.Егоров, оператор К.Н.Сидоров, музыкальное оформление – И.К.Шапошников, звукооператор А.А.Соловьев.
Горьковская студия кинохроники	1938 г.	«Наш город Горький»	Режиссер Р.И.Фошенко, оператор К.Ф.Мотков, музыкальное оформление – А.А.Гран.
Хабаровская студия кинохроники	1939 г.	«Золото»	Режиссер Л.И.Матусевич, оператор А.З.Кушешвили, музыкальное оформление Г.С.Гамбург, звукооператор А.М.Камионский.
	1939 г.	«Сахалин»	Режиссер и оператор Лыткин, И.И.Чешев. музыкальное оформление – Ланцетти, звукооператор Б.Д.Морозевич, В.Д.Морозевич.

(Ростовская студия кинохроники). Достижениям колхоза имени Ленина Кирсановского района Тамбовской области был

посвящен очерк «Колхозные будни» (Воронежская студия кинохроники). Об истории Сахалина, его экономическом потенциале рассказывал очерк «Сахалин» (Хабаровская студия кинохроники). О возникновении и развитии нефтяной индустрии Башкирии в предвоенные годы рассказывала кинолента «Второе Баку» (Уфимская студия кинохроники).

Рост и благоустройство городов и сел, развитие системы образования, научная и культурная жизнь страны находила яркое отражение на экране. Так, киноочерк «Закон о счастье» рассказывал о культурном и хозяйственном развитии Мордовской АССР (Куйбышевская студия кинохроники).

О Башкирской АССР повествовал очерк «Цветущая Башкирия» (Уфимская студия кинохроники.) К двадцатилетию образования башкирской автономии был снят фильм «Славный юбилей», в котором были запечатлены юбилейные собрания и демонстрация трудящихся в Уфе, народное гулянье и праздник сабантуй (Уфимская студия кинохроники).

Культурная жизнь колхозников Кубани – жителей колхоза «Красный Октябрь» Темрюкского района Краснодарского края была показана в фильме «Колхоз «Красный Октябрь»» (Ростовская студия кинохроники). О развитии экономического и культурного потенциала города Горького повествовал фильм «Наш город Горький» (Горьковская студия кинохроники).

Жизнь в донской станице Нижне-Чарской Сталинградского края была показана в фильме «Чудесный край» (Саратовская студия кинохроники). Об отдыхе детей в пионерском лагере Пятигорска на склоне горы Бештау рассказывалось в фильме «Чудесные дни» (Ростовская студия кинохроники). О горно-лыжной школе в Домбайской долине у Кавказского хребта шла речь в фильме «Жемчужина гор» (Ростовская студия кинохроники).

В 1940 году советская документальная кинематография создала крупное полотно «День нового мира», в работе над которым участвовали операторы разных региональных студий. Отмечая значение этого фильма, известный кинорежиссер Р. Григорьев писал: «Картина «День нового мира» рассматривается нами как коллективное произведение советских киножурналистов. Значение этой картины в том, что она особенно ярко демонстрирует силу кинорепортажа, мастерства художественной документации нашей жизни и стройки» [4].

Опыт, накопленный творческими коллективами студий в предвоенный период, послужил хорошей основой для

кинодокументалистики военного времени. Однако старого опыта было мало, в суровой военной обстановке необходимо было освоение нового опыта.

По воспоминаниям известного кинооператора и режиссера Р.Л. Кармена, «навсегда в памяти кинохроникеров останется день 22 июня 1941 года. Известие о начале войны было встречено на киностудиях как призыв к мобилизации. Образовывались фронтовые группы. Операторы получали направление в воинские части» [5].

Война с фашистской Германией поставила перед региональными студиями кинохроники новые задачи. В их пропагандистской работе важно было, чтобы потрясение, которое испытал наш народ в начале войны, вызывало не страх, а порождало такие чувства, которые сделали каждого гражданина участником общей борьбы с врагом.

Деятельность региональных студий способствовала осознанию народом наступившей опасности и жизненной необходимости защиты Отечества, мощному подъему народного патриотизма, укреплению воли к победе. Их работа была направлена на обеспечение оперативной информацией о положении дел в действующей армии и различных регионах страны с целью укрепления морального духа народа и армии.

Так, например, каждый номер журнала «Средняя Волга», который выпускала Куйбышевская студия кинохроники, начинался с фронтового репортажа, материал для которого брался из «Союзкиножурнала». Всесоюзный киножурнал поступал в Куйбышевскую область в ограниченном количестве - только в одном экземпляре. Для того, чтобы фронтовые сюжеты мог видеть широкий зритель, материал брался из «Союзкиножурнала», перемонтировался, переозвучивался и помещался в журнал «Средняя Волга». Этот ценный опыт был передан двум соседним студиям кинохроники – Казанской и Уфимской, которые в 1941 году обслуживала Куйбышевская студия кинохроники [6].

Уже 8 июля 1941 года на экранах страны демонстрировался «Союзкиножурнал» № 63, в котором зрители увидели первый сюжет, созданный на материале операторов С.Когана и В.Ешурина о действиях наших войск на румынской границе, увидели конкретный результат боевой деятельности зенитчиков – сбитый фашистский самолет, увидели первых пленных гитлеровцев. Начиная с этого номера киножурнала, в каждом выпуске кинохроники, вплоть до последнего – о победе советского народа над фашистской Германией, документальные киноматериалы о боевых действиях Красной Армии

помещались под рубрикой «Репортаж с фронтов Отечественной войны» [7, с. 3-4].

Задачам военного времени была подчинена вся деятельность региональных студий кинохроники. Об этом, в частности, можно судить по тем фильмам, которые они выпускали в чрезвычайно сложных условиях военного времени. В таблице 2 представлены документальные фильмы, созданные в этот период основными региональными студиями страны [8].

Великая Отечественная война поставила Куйбышевскую студию кинохроники в особое положение по сравнению с другими региональными студиями. Она стала базой Центральной студии кинохроники, эвакуированной из Москвы [9].

На студии в предвоенные годы был сформирован творческий коллектив. Здесь успешно работали режиссеры и операторы – М.И. Юров, Э.А. Файк, О.Д. Покорский, Н.Б. Жданова, Е.Я. Баллод, А.Ф. Казначеев, Н.П. Киселев, М.И. Ципорин, П.И. Пак, К. Степанов, С.И. Авлошенко, С. Давидсон, В. Косицин, Таганцев и другие [10].

Таблица 2. Документальные фильмы, выпущенные региональными студиями кинохроники в годы Великой Отечественной войны.

Региональная студия кинохроники	Год выпуска	Название фильма
Ленинградская студия кинохроники	1941 г.	«Все на защиту Ленинграда»; «Инженеры лесной промышленности»; «Комсомол в эти дни»; «Ордена Ленина Семидесятая»; «Первомайский смотр»; «Эстонская земля»;
	1942 г.	«Ленинград в борьбе»; «Мсти, боец!»; «Город переднего края – Колпино».

	1943 г.	«Балтика»; «Боевой путь»; «Воркуты»; «В тылу врага»; «Ленинградский комсомол»; «Народные мстители»; «Снайперы»; «Топливо Ленинграду».
	1944 г.	«Боевые резервы»; «Камни вопиют»; «Лагерь смерти Клоога»; «Партизаны Ленинграда»; «Праздник Дивизии»; «42 Армия»; «Строительство мостов».
	1945 г.	«XXVIII годовщина Октября»; «220 лет Академии наук»; «Девушки Ленинграда»; «Инта»; «Ленинград встречает победителей»; «На смотре художественной самодеятельности Ленинградской области»; «Солнечное затмение»; «Физкультурный парад».
Лентехфильм	1942 г.	«Балтийская походная»; «Герои торпедного удара»; «Клятва балтийцев»; «Клятва ленинградцев»; «Песнь о Бринько».
Новосибирская студия кинохроники	1942 г.	«Красноармейский кукольный театр»; «Крылья победы»; «Сибиряки-добровольцы»; «Сибиряки – фронту».
	1943 г.	«Шефство над Воронежем».

	1944 г.	«Строительство алюминиевого завода в Сибири».
	1945 г.	«Покрышкин».
Куйбышевская студия кинохроники	1942 г.	«Боевая пехотная»; «В бой за Родину»; «В бой, сыны народа»; «Иран»; «Летчики» и «Два Максима»; «Мастера эстрады – фронту»; «Материнский наказ» и «Песня смелых»; «На новом месте»; «На Родине Ленина»; «Нефть фронту»; «Под белыми куполами»; «По Ирану»; «Самолеты идут на фронт»; «Священная война»; «Сталинская конница»; «Хлеб фронту»; «Чехословацкая часть в СССР».
	1943 г.	«Дорогой Гость»; «Концерт татарского искусства»; «Магистраль страны»; «Мы сталинградцы»; «На боевом посту»; «Урал кует победу» (совместно со Свердловской студией кинохроники); «Ферапонт Головатый».
	1944 г.	«Возрожденный завод»; «Каспийские рыбаки»; «Поток».

	1945 г.	«Возрождение Сталинграда» (совместно с Центральной студией документальных фильмов), «Гордость страны»; «Орденосная Чувашия».
Ростовская студия кинохроники	1941 г.	«На Ростсельмаше»; «По Дагестану»; «Шахтеры».
	1943 г.	«Возрождение Кубани».
	1945 г.	«Крым»; «Северная Осетия»; «Севкавтяжстроевцы»; «Советский Дагестан».
Свердловская студия кинохроники	1943 г.	«За здорового бойца»; «Столица Урала»; «Урал кует победу»(Совместно с Куйбышевской студией кинохроники);
	1944 г.	«Будь осторожен с огнем»; «60-я параллель».
	1945 г.	«В горах южного Урала» (совместно с Центральной студией документальных фильмов); «В таежном краю»; «Удмуртия».
Хабаровская студия кинохроники	1941 г.	«Амур».
	1942 г.	«Амурсталь».
	1944 г.	«Путь к океану»

	1945 г.	«Военный заем»; «День победы над Германией»; «День победы над Японией»; «К севу готовы»; «Люди горной Умальты»; «Октябрьский праздник»; «Районная сельскохозяйственная выставка»; «3 олимпиады Дальневосточного фронта».
Иркутская студия кинохроники	1942 г.	«Гвардейцы тыла».
	1943 г.	«Двадцатилетие».
Тбилисская киностудия (сектор кинохроники)	1942 г.	«На защиту Кавказа»; «На линию фронта»; «Филипп Махарадзе»; «Фронтная весна в Грузии».
	1943 г.	«Герой Севастополя»; «Конец гитлеровской авантюры на Кавказе»; «По следам фашистского зверя»; «Рыбаки-патриоты»; «Удар наших войск на подступах к городу Орджоникидзе»; «Что ты сделал для фронта?».
	1944 г.	«Гвардейцы генерала Чанчибадзе»; «Кавалеристы»; «Страницы нашей славы»; «Кавказ»; «В боях за Севастополь».

Бакинская студия кинохроники	1943 г.	«Двадцатая весна»; «Азфан – центр научной мысли»; «Забота о семье фронтовика»; «За Родину».
	1944 г.	“Баку борется”.
Алма-Атинская студия кинохроники	1943 г.	«Патриотки»; «Подарок»; «Самое дорогое». «Айтыс»; «В предгорьях Ала-Тау»; «Знамя победы»; «Олимпиада»; «Тебе, фронт».
Ташкентская студия кинохроники	1942 г.	«В горах Тянь-Шаня»; «Мы с тобой, фронт!»; «Цвети, земля»;
	1943 г.	«Джон Андижан»; «Памяти Ахун-Бабаева»; «Съезд мусульман и выборы духовного управления Средней Азии и Казахстана».
Киевтехфильм Украинская кинохроника	1942 г.	«Таранный удар».
	1944 г.	«Похороны Ватутина»;
	1945 г.	«Победа на правобережной Украине и изгнание немецких захватчиков за пределы Украинских советских земель» (совместно с Центральной студией документальных фильмов).

В конце 1941 года кадровый состав студии был усилен за счет квалифицированных работников Центральной студии кинохроники в связи с ее эвакуацией в Куйбышев. В приказе Председателя Комитета по делам кинематографии при СНК СССР И.Г.Большакова «Об

упорядочении работы студий кинохроники» (31 декабря 1941 г.) отмечалось: «Зачислить в штат Куйбышевской студии кинохроники работников Центральной студии кинохроники, переведенных в г. Куйбышев» [11, с. 274].

Согласно этому приказу директором Куйбышевской студии кинохроники был назначен Г.М. Кацнельсон, а его заместителем – Ю.М. Дубман. Новому руководству студии было дано указание в месячный срок смонтировать и установить на студии вывезенное из Москвы лабораторное и звукозаписывающее оборудование, а также обеспечить выпуск следующей кинопродукции: «Союзкиножурнал» (4 номера в месяц), «СССР на экране» (3 номера в месяц), а также фильмопесни и короткометражные фильмы.

Центральная студия кинохроники, согласно данному приказу, кроме еженедельных выпусков «На защиту родной Москвы» должна была выпускать 5 номеров в месяц «Союзкиножурнала» и специальные выпуски для всех экранов страны. Кроме того, на нее была возложена обработка всего военного киноматериала, изготовление и рассылка «лаванд военных сюжетов в Алма-Атинскую, Куйбышевскую и Новосибирскую студии кинохроники в количестве не менее 8 сюжетов в месяц по каждой студии», а также установление для Алма-Атинской и Новосибирской студий кинохроники периодичность выпуска «Союзкиножурнала» – 4 номера в месяц [12].

Поскольку Куйбышевская студия кинохроники стала базой Центральной студии, то сюда поступали боевые репортажи с фронтов. Здесь было сосредоточено производство оперативных сборников фронтовой кинохроники и военно-патриотических фильмов. Уже в 1942 году были выпущены на экраны такие фильмы, как «В бой за Родину бой», «Священная война», «В бой, сыны народа», «Самолеты идут на фронт», «Нефть фронту», «Хлеб фронту» и другие (таблица 2). Эти фильмы вдохновляли советских людей на фронте и в тылу. Продукция Куйбышевской студии была известна в годы войны не только в нашей стране, но и за рубежом. Для зарубежного зрителя на студии создавались специальные киножурналы «СССР на экране», которые отправлялись в Англию и США. Эти киножурналы несли нашим союзникам, широкому зарубежному зрителю правду о героической борьбе советского народа с германским фашизмом [13]. В 1942 году на студии были произведены фильмы на экспорт – «Героический Севастополь», «Парад польской части» [14].

Живой интерес у английской аудитории вызывали советские выпуски кинохроники, документальные фильмы, такие, как «Разгром

немцев под Москвой», «День войны», «Ленинград в борьбе» и другие [15, с. 421].

За годы войны советской документальной кинематографией были созданы свыше 400 номеров киножурнала «Союзкиножурнал», 65 номеров журнала «Новости дня», 24 различных фронтовых выпуска и около 100 короткометражных и полнометражных фильмов [16]. Главной темой кинодокументалистов в суровые военные годы был патриотизм тружеников тыла, вера людей в разгром врага, их героический труд во имя Победы. Кинохроника сыграла неоценимую роль в воспитании у людей патриотизма, решимости выстоять и победить врага.

Список литературы:

1. РГАЛИ.Ф.2989. ОП.1. Д.131. Л.37.
2. Родионов О.А. Оператор – кинодокумент – фильм. М. 1970.
3. РГАЛИ. Ф.966. ОП.2. Д.804. Л.75-148.
4. Иванов К. Волга на экране. Из истории документального кинематографа в Поволжье // Волжская коммуна. 24 ноября. 1972.
5. РГАЛИ. Ф.2989. ОП.1. Д.177. Л.13.
6. СОГАСПИ. Ф.656. ОП.33. Д.54. Л.146.
7. Родионов О.А. Работа фронтовых операторов над боевым репортажем. М. 1968.
8. РГАЛИ. Ф.966. ОП.2. Д.806. Л.328-329.; РГАЛИ. Ф.966. ОП.2. Д.805. Л.171-245.
9. ЦГАСО. Ф.4095. ОП.1. Д.18. Л.22,24.
10. СОГАСПИ.Ф.656. ОП.32. Д.144. Л.114.
11. Цена кадра. Советская фронтовая кинохроника 1941-1945 гг. Документы и свидетельства/Авт.-сост. В.П.Михайлов, В.И.Фомин. – М.: «Канон» РООИ «Реабилитация». 2010.
12. Там же.
13. Спевачевский Г. Полвека в строю. Волжская Заря. 2 сентября. 1977.
14. ЦГАСО. Ф.4095. ОП.1. Д.22. Л.2.
15. Храмова Е.Л. Культура России 1941-1945гг.: Отечественная историография рубежа XX-XXI веков. Самара. 2006.
16. РГАЛИ. Ф.2989. ОП.1. Д.177. Л.24.

АНГЛИЯ XIX ВЕКА В РАБОТЕ Т. КАРЛЕЙЛЯ «ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ»

Кадыкова Мария Николаевна

*аспирант кафедры новой, новейшей истории и методологии, МГОУ,
г. Москва*

E-mail: marianikol@mail.ru

Томас Карлейль (1795 – 1881) – шотландский писатель и философ, историк и публицист, социолог и политик. Он является автором крупных работ, посвященных проблемам истории Англии и других стран, таких как: «Sartor Resartus» (1831 г.), «Французская революция. История» (1837 г.), «Герои, почитание героев и героическое в истории» (1841 г.), «Прошлое и настоящее» (1843) и многих других. В этих работах отражена разнообразная проблематика – от теоретических проблем до весьма разнообразных конкретно – исторических вопросов. Данная статья посвящена одному из таких вопросов – анализу взглядов Томаса Карлейля на состояние Англии XIX века.

Следует подчеркнуть, что работа «Прошлое и настоящее» вызвала противоречивые оценки среди английской читающей публики: от доброжелательного признания до горячего протеста и негодования. Т. Карлейль, разработав в предыдущих своих работах критерий нравственной оценки окружающих явлений и событий прошлого, смело и уверенно обращается к современному ему обществу, выступая как острый, непримиримый критик. От его взгляда не ускользает ни одно социально – экономическое (принятие в 1815 г. «хлебных законов», закона о бедных 1834 г., распространение лозунга «laissez faire» – свободы экономической деятельности и невмешательства государства в нее и др.), политическое событие (Французская революция, режим Наполеона, июльская революция 1830 г. во Франции, билль о реформе 1832 г.) как на территории Англии, так и за ее пределами. Отметим, что характерной особенностью работы является написание наиболее важных и значимых событий и явлений с прописной (заглавной) буквы там, где этого не требуют правила грамматики. Данный прием, с одной стороны, позволяет читателю обратить внимание и задуматься над выделенными словами и словосочетаниями; с другой же стороны, «...хорошо передает свойственное Карлейлю как писателю сочетание глубокой эмоциональности, искренности и пафоса, приподнятости» [2, с. 393].

Основными задачами, стоящими перед Карлейлем во время написания работы, являлись:

- 1) показать тяжелое положение бедняков;
- 2) подчеркнуть пропасть, возникшую между богатыми и бедными;
- 3) выявить сложные социально - экономические процессы, происходящие в стране;
- 4) раскрыть механизмы взаимодействия государства и общества;
- 5) проследить механизм почитания героев в обществе, раскрыв понятие «почитание героя»;
- 6) определить направления способов решения экономических, политических, социальных, нравственных и духовных проблем, существовавших в английском обществе в XIX веке.

Задачей данной статьи является краткий анализ социально – экономических, политических позиций Карлейля, лежащих в основе трактовок названных и других проблем.

Проанализируем социально - экономическое состояние государства в работе Карлейля «Прошлое и настоящее». Для этого необходимо учесть, что в 1843 г. у власти находилась королева Виктория, взошедшая на престол в 1837 г. в разгар острого политического кризиса, развернувшегося вокруг внешней торговли. Хлебные законы постоянно удерживали цены на продовольствие на высоком уровне, от чего страдали, прежде всего, несостоятельные семьи. Карлейль последовательно критикует хлебные законы, рассуждая о хозяевах– неработниках: «Его уста полны громкого вздора и доводов для доказательства великих достоинств его Хлебного закона, а в его сердце – самые мрачные предчувствия, отчаянное полусознание, что его великолепный Хлебный закон *незащитим*, что его громкие доводы в его защиту такого рода, что могут буквально заставить людей *онеметь*» [2, с. 203]. Автор восклицает: «Если бы я был Консервативной Партией в Англии...я бы и за сто тысяч фунтов не позволил этим Хлебным законам ни единого часа продолжать свое существование!» [2, с. 254-255] В итоге он подчеркивает: «Наши кладовые дошли до полной скудости; Евреи – гарпии и разные бесчестные твари – наши поставщики; в нашей корзине нет хлеба» [2, с. 230].

Рассуждая о положении бедных и богатых, автор приходит к выводу, что в Англии больше богатых, чем у какого бы то ни было народа в мире. Вместе с тем, от них пользы меньше, чем когда-либо в истории. Карлейль последовательно приходит к выводу: «Среди

полнокровного изобилия народ погибает; среди золотых стен и полных житниц никто не чувствует себя безопасным или удовлетворенным. Работники, Хозяева – работники, Неработники – все пришли к мертвой точке: стоят неподвижно и не могут идти далее. Роковой паралич распространяется внутрь, начиная с конечностей, с Сент – Ивских Работных домов, Стокпортских подвалов, по всем членам, как бы по направлению к самому сердцу» [2, с. 203]. Он критикует и Закон о бедных 1834 г., по которому разрешалось предоставлять помощь на дому лишь престарелым и больным; всех остальных нуждающихся предписывалось помещать в работные дома, проживание в которых напоминало тюремное заключение: скудное питание приводило к заболеваниям; обитатели домов занимались тяжелым трудом – трепали старые канаты, превращая их в пеньку, дробили в крошку большие камни. Таким образом, намеренно бесцельный труд был сделан для того, чтобы результаты деятельности и производство полезных товаров не создавало конкуренцию на рынке буржуазии. «Чтобы сократить число получающих пособие, закон, принятый парламентом, запрещал выдачу денежных пособий нуждающимся. Последние могли получать это пособие только в форме питания и содержания в специальных работных домах призрения для бедных» [1, с. 40]. В работных домах предусматривалось разлучение жен с мужьями, родителей с детьми, что делало пребывание в этих заведениях еще более невыносимым. Наблюдая все это, Карлейль восклицает: «Спускаясь затем до Немых Классов в Стокпортских подвалах и в Бастилиях по Закону о бедных, не должны ли мы признать, что и они также до сих пор беспримерны в Истории Адамова Потомства?» [2, с. 255-256] и далее: «И все-таки я позволяю себе думать, что никогда, с самого возникновения Общества, участь этих немых миллионов работников не была до того невыносима, как в дни, проходящие ныне перед нами. Не смерть, даже не голодная смерть делает человека несчастным; много людей умерло; все люди должны умереть, - последний уход каждого из нас совершается на Огненной Колеснице Страдания. Но жить несчастным неизвестно почему, тяжело трудиться и ничего не получать; быть одиноким, без друзей, с разбитым сердцем, опутанным всеобщим холодным *Laissez faire* – это значит медленно умирать в течение всей жизни, в оковах глухой, мертвой, Бесконечной Несправедливости, как бы в проклятом железном чреве Фаларисова быка» [2, с. 256]. Автор подчеркивает, что только подлинный труд, который человек добросовестно исполняет, вечен.

В связи с этим, Карлейль делает вполне обоснованный вывод о том, что в условиях существования притеснений народа и рабочих масс, невыносимого проживания в работных домах, действия хлебных законов и других социально-экономических процессов, негативно сказывающихся на общем состоянии экономики страны, вполне естественными являются такие крупные потрясения и события, как Французская революция, чартизм и трехдневные восстания (имеется в виду июльская революция во Франции 27 – 29 июля 1830 г., в результате которой была свергнута династия Бурбонов).

Анализируя положение Англии XIX века, автор с горечью подчеркивает, что у него нет ни Моррисоновых пилюль, ни парламентского акта, ни иных мер, способных излечить болезни общества, считая: «Должно произойти коренное и всеобщее изменение вашего обихода и строя жизни, должен произойти самый мучительный разрыв между вами и вашими химерами, роскошью и ложью, должно произойти чрезвычайно тягостное, почти «невозможное» возвращение к природе, к ее правде и целостности, для того чтобы внутренние источники жизни могли, подобно вечным Источникам света, снова засиять и очистить ваше надутое, опухшее, постыдное существование, близкое в его теперешнем виде к бесславной смерти!» [2, с. 204], так как «... Природа и Действительность... составляют до настоящего часа основание человеческой жизни...» [2, с. 205] В связи с этим, анализируя политические изменения, происходящие в стране, Карлейль подчеркивает: «... управление нашей страной не было достаточно мудро; руководить и управлять ею были поставлены люди, слишком неразумные, и *вот куда* они ее привели; мы должны найти более мудрых, или мы погибнем!» [2, с. 208] Таким образом, единственное целительное средство он видит в Правительстве Мудрейших, называемом еще Аристократией Таланта, почитаемом Богом и людьми: «Действительная новая Власть, Промышленная Аристократия, подлинная, не воображаемая Аристократия, для нас необходима и бесспорна» [2, с. 281].

Вместе с тем, он утверждает, что душой всей общественной жизни является Почитание Героев, которое возможно только тогда, когда люди обладают героическим духом, заключая: «Да, друзья: герои – короли и целый мир, не лишенный геройства, - вот где находится та счастливая гавань, к которой, через все эти бушующие моря, через Французскую Революцию, Чартизм, Манчестерские восстания, сокрушающие сердца в эти тяжелые дни, - ведут нас Высшие Силы» [2, с. 213]. Вместе с тем, он понимает, что парламентаризм, даже при условии действия парламентской реформы

1832 г., бессилён решить основную общественную проблему – установления Царства Божьего на Земле – идеал общественного устройства для Карлейля.

Из сказанного следует, что Карлейль не питает иллюзий насчет «волшебного преобразования» и устранения социально-экономических, политических, нравственных и духовных проблем, назревших в Англии ко второй половине XIX века и тем более, насчет благотворного влияния его размышлений, облаченных в столь своеобразную форму. Но Карлейль подчеркивает, что Судьба, Божественное Провидение и его Проповедь – это три составляющих, которые постепенно убеждают людей в необходимости изменений и преобразований. Он призывает людей: «Победите смуту, раздор, широко распространившееся отчаяние мужеством, справедливостью, милосердием и мудростью» [2, с. 294]. В конце работы Карлейль приходит к выводу о том, что единственное чудо человека – это производительный труд, который будет становиться со временем все благороднее и уверенно идти вперед, не сгибаясь перед превратностями судьбы.

Таким образом, работа Т. Карлейля «Прошлое и настоящее» является своеобразной попыткой проанализировать состояние английского общества и государства на протяжении XIX века, проследить эволюцию политической власти, рассмотреть социально-экономические процессы, понять духовные изменения, происходящие в голове англичан XIX в. Вместе с тем, автор призывает людей вспомнить жизнь в средневековом обществе, когда наблюдалась тесная связь человека с природой, на земле было подобие царства Божьего. И только в труде люди смогут найти спасение от разрушающего воздействия Маммоны, революций, восстаний.

Список литературы:

1. Ерофеев Н. А. Очерки по истории Англии 1815 – 1917 гг. [Текст] / Н.А. Ерофеев.- М.: ИМО, 1959. – 263 с.
2. Карлейль Т. Прошлое и настоящее//Карлейль Т. Теперь и прежде. [Текст]/Т. Карлейль. - М.: Республика, 1994. – 416 с.

КРУГ ВОПРОСОВ НОВОЙ ИСТОРИИ В ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФЕССОРА В.И. ГЕРЬЕ

Кузьмичева Ольга Вячеславовна

*аспирант, Московский государственный областной университет,
Московская область, г. Зарайск
E-mail: olgkuzmichyova@yandex.ru*

Имя Владимира Ивановича Герье - одного из крупнейших дореволюционных российских историков, занимавшихся всеобщей историей, - занимает видное место в летописях нашей науки и просвещения. Работы В.И. Герье и его учеников получили всеобщее признание не только в России, но и за рубежом.

Научная концепция В.И. Герье как ученого сложилась под влиянием работ его учителей – Т.Н. Грановского, П.Н. Кудрявцева и особенно С.М. Соловьева.

В.И. Герье тяготел к помещичье-буржуазному течению русского либерализма и пытался в своей научной работе распространить принципы этой школы на всеобщую историю [13, с. 74–111].

Основополагающей в жизнедеятельности В.И. Герье была педагогическая деятельность, особое место в которой занимал курс западноевропейской новой истории.

Свой первый университетский курс «Очерк развития исторической науки» В.И. Герье подготовил с помощью профессора С.В. Ешевского, заведующего кафедрой. «Очерк» этот содержит обзор ряда религиозно-исторических, историко-философских, социологических и исторических построений и заканчивается критикой «Истории цивилизации в Англии» Бокля) [8, с. 6].

В 1860-е гг. работы отечественных историков всеобщей истории носили, в основном, обобщающий характер (в частности, труды М.Н. Петрова и В.В. Бауера). Однако, это были первые в русских университетах самостоятельные систематические курсы новой истории. В Москве вскоре (вслед за опубликованием в 1861 г. в Харькове сводного историографического труда М.Н. Петрова – первой отечественной академической работы по новой истории, и почти одновременно с началом преподавательской деятельности В.В. Бауера в Петербургском университете) стали появляться и большие специальные исследовательские монографии, посвященные новому времени [3, с. 415].

В.И.Герье заслуженно называют «первым пионером и, вместе с тем, основателем русской научной школы в области новой истории» [2, с. 130; 1, с. 137], так как он был первым русским историком, попытавшимся анализировать историю нового времени как единый поступательный процесс развития европейского общества.

В.И.Герье – противник материалистического понимания истории. Профессор полагал, что в развитии европейского общества определяющее значение играл великий духовный переворот, торжество национальной идеи. Анализируя события раннего периода новой истории, В.И.Герье обратил внимание, прежде всего, на роль ведущих идеологов и философов, сделавших решающий вклад в изменение духовного состояния европейского общества.

Лекционные курсы В.И.Герье рассматриваемого периода посвящены истории идей и политических учреждений [22, с. 102].

Каковы же вопросы и проблемы, которые В.И.Герье затрагивал в своих исследованиях и преподавательской деятельности? Среди них – проблемы переходного периода от средних веков к новому времени (отметим сближение с кругом основных научных интересов М.Н.Петрова и В.В.Бауера), о роли личности в истории [см. 7], противостояние двух разных моделей государственности, двух политических систем в период польского династического кризиса и «войны за польское наследство» [см. 4]; вопросы истории Франции XVIII в. (главным образом, Великой французской революции).

Необходимо также сказать, что В.И.Герье предложил свою периодизацию истории человечества. Древняя история – эпоха владычества языческих идей, Средневековье – появление христианства, способствовавшего нравственному совершенствованию человека. Начало Нового времени он связывал с Реформацией, считая, что идеи, привнесенные ею, составили новую эпоху в духовном развитии человечества. Идеи Реформации и Французская революция обусловили переход к новому времени. Ученый различал два периода Нового времени (не определяя четких рамок хронологии): первый период – XVI – XVIII вв. (распространение идей Реформации), второй – с XVIII в. (эпоха Просвещения и Французской революции) [24, с. 156]. Специализацией В.И.Герье была история XVIII в., в частности, эпоха Просвещения, старый порядок и революция [21, с. 12–126].

Подробно рассмотрим вопросы курса по истории Французской революции, как одного из основополагающих в его преподавательской деятельности.

Курс истории Французской революции В.И. Герье читал на протяжении сорока лет, начиная с 1868 г. Именно он стал систематически вести курс истории этого периода, читая лекции в Московском университете [20, с. 45].

Вторая часть курса новой истории, посвященная Французской революции, была своего рода монографическим исследованием В.И. Герье XVIII в. в Европе, предпринятого на широком источниковедческом материале. Ученый рассказывал студентам о тех типах источников, с которыми предстоит работать специалисту в архивах и библиотеках: о политических брошюрах и памфлетах, периодике, депутатских наказах, дневниках и воспоминаниях очевидцев. В.И. Герье указывал также на имеющиеся в современной историографии концепции Французской революции Зибеля, Токвиля, Тэна, Мишле и др. [25, с. 225].

Так как тема Французской революции конца XVIII в. занимает особое место в творчестве В.И. Герье, то истории Франции ученый посвятил несколько работ. Первой печатной работой стала написанная в 1873 г. статья «Республика или монархия установится во Франции?», но изданная лишь в 1877 г. [12, 107–110]. Почти тридцатью годами позднее, в 1904 г. Герье перепечатал ее вновь под измененным заглавием «Историческая роль монархии во Франции» в сборнике своих выходивших в разное время статей «Идея народовластия и французская революция 1789 года».

В своей книге «Идея народовластия и французская революция 1789 года» В.И. Герье выясняет почву, создавшую и развившую идею народовластия во Франции, рассматривает, какое применение эта идея получила, и как она восторжествовала [23, с. 343–345].

В 1880–е гг. В.И. Герье опубликовал ряд статей о французских просветителях (о Г. Мабли, Ж. Руссо) [см. 14; 16; 9; 10].

В 1911 г. ученый познакомил русского читателя с трудом французского историка И. Тэна «Происхождение современного строя во Франции». Произошло это благодаря публикации в журнале «Вестник Европы» ряда статей, опубликованных в 1878–1890 гг. и позднее составивших книгу «Французская революция 1789 – 1795 гг. в освещении И. Тэна» [см. 15]. В своем курсе он также отразил этот вопрос. Причем можно проследить радикальную перемену взглядов Герье на революцию. В книгу (как глава) была введена новая работа «Якобинский суд над Тэном»; ею Герье включился в полемику, развернувшуюся в историографии по поводу изданной А. Оларом книги, содержавшей суровую критику Тэна. Причины, побудившие

выпустить новую книгу, лежали в событиях 1905 и следующих годов [см. 19].

На торжественном собрании Московского университета 12 января 1884 г. В.И. Герье произнес речь «Понятие о власти и о народе в наказах 1789 года», впоследствии изданную в виде книги. В.И. Герье стал первым историком, который дал подробный критический, источниковедческий анализ наказов [см. 11].

Основные положения вышеперечисленных публикаций, конечно, перекликались с основными тезисами лекций, прочитанных Владимиром Ивановичем в университете.

Также отметим, что в качестве лектора, инициатора семинарских занятий в университете и автора этюдов и книг по истории и историографии революции В.И. Герье, став в 1870 г. профессором, первым из русских либералов приступил к самостоятельной разработке истории Великой французской революции.

В.И. Герье не только решил ввести революционную тематику в практику университетского преподавания, но и превратил французский XVIII век — «эпоху Просвещения», «старого порядка» и самой революции — в свою основную научную специальность.

В.И. Герье продолжил традицию С.М. Соловьева и распространил ее на конкретную историю Франции предреволюционного и революционного периодов. С того, чем кончал С.М.Соловьев, Герье начинал свои занятия французской революцией [3, с. 450].

Еще один круг вопросов в преподавательской деятельности В.И. Герье рассматривается в курсе по истории Востока. В.И. Герье являлся преподавателем и Лазаревского института, где с 1872 г. читал Новую историю Востока (на третьем курсе). Новая история Востока — обратное течение, Запада на Восток (зародившееся на Куликовом поле), повествовала о распространении европейского владычества на Востоке; главным образом В.И. Герье задерживал внимание на движении России в Среднюю Азию, отчасти — на истории Индии с XVIII в., и в русской школе то была новинка.

Курса по истории Востока В.И. Герье не издал. Лекции эти были выпущены в виде литографической записи.

Начинал В.И. Герье Новую Историю с 1472 г., — года завоевания великим князем Московским Иваном III Перми и Вятки. Это и открыло движение на Восток России, т.е. европейской культуре. Россия у В.И. Герье олицетворяет единую общечеловеческую, западно-европейскую культуру. Он описывает походы России в Азию, подробно, до утомительности, пользуясь, очевидно, военными пособиями. В.И. Герье в курсе истории Востока останавливается

только на внешности, на завоеваниях. Далее следует конспективный обзор Персии, заканчивается курс историей Афганистана. Турция из курса В.И. Герье исключалась. Устремляясь в Среднюю Азию, В.И. Герье инстинктивно выполнял задачу русского востоковедения [17, с. 444–447].

Готовя лекции, В.И. Герье, главным образом, отмечал идейную сторону исторического процесса, историю идей, их эффективность и активность [5, с.187–286].

В.И. Герье первым из русских историков, изучающих период нового времени, вовлек в научный оборот свежий материал, и, притом, из наших архивов, напечатал его в приложении к своей монографии и наглядно продемонстрировал тем самым его значение для изучения не только отечественной, но и зарубежной истории.

С конца 1860 — начала 1870-х годов В.И. Герье занял ключевую позицию в развитии нашей академической историографии всеобщей и, в частности, новой истории.

Он выступал главным инициатором самостоятельного, конкретного изучения у нас истории французской революции и специальных занятий ею в высшей школе.

Так, профессору В.И. Герье принадлежит заслуга в исследовании многих исторических вопросов, в совершенствовании методики преподавания всеобщей истории в России, в частности, преподавания Новой истории. И еще раз укажем на то, что одними из главных в преподавательской деятельности В.И. Герье были вопросы по истории Великой французской революции, ставшие его специальностью.

Список литературы:

1. Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX в. ч.1., Л.,1929, с.137
2. Бутенко В.А. Наука новой истории в России // *Анналы*, 1922, №2, с. 130
3. Вебер Б.Г. Начало университетского преподавания новой истории в России (М.Н. Петров, В.В. Бауэр). Появление специальных исследований (В.И.Герье, И.В.Луцицкий) // *Очерки истории исторической науки в СССР*. - М., 1960. – Т. II. – Гл. VII. – С. 393-445.
4. Герье В.И. Борьба за польский престол в 1733 году: Историческая диссертация. — М., 1862.
5. Герье В.И. . Идея народовластия и Французская революция. — М., 1904, С. 187-286
6. Герье В.И. История Франции XVIII в., последнее десятилетие.

- Лекции. — М., 1888
7. Герье В.И. Лейбниц и его время. - СПб., 1868-1871. - Т. 1-2
 8. Герье В.И. Очерк развития исторической науки – М., 1866, с. 6
 9. Герье В.И. Политическая теория аббата Мабли // Вестник Европы. 1887. №1
 10. Герье В.И. Понятие о народе и народовластии у Руссо // Русская мысль. 1888, №5, с. 104 – 105
 11. Герье В.И. Понятие о власти и о народе в наказах 1789 года. М., 1884. С. 141
 12. Герье В.И. Республика или монархия установится во Франции? // Сборник государственных знаний. / Под. Ред. Безобразова В.П. – СПб., 1877. – Т. III. – С. 107 – 170
 13. Герье В. И.. Сергей Михайлович Соловьев // Исторический Вестник, 1880, т. I, с. 74—111
 14. Герье В.И. Учение о нравственности и социальные утопии Мабли // Русская мысль. 1883, №4
 15. Герье В.И. Французская революция 1789-1795 годов в освещении И. Тэна. – СПб., 1911
 16. Герье В.И. Французский этик и социалист XVIII в. // Русская мысль, 1883. №11
 17. Гордлевский В. Герье как историк Востока. 1837-1919 // Новый Восток, 1922, кн.1, с. 444 – 447
 18. Кареев Н.И. Памяти двух историков//Анналы, 1922, №1, с. 160 – 161
 19. Кареев Н.И. Тэн перед судом Олара// Русское богатство. 1907.
 20. Кареев Н.И. Эпоха Французской революции в трудах русских ученых, 1904. Т.1, с. 45
 21. Кареев Н.И. Эпоха Французской революции в трудах русских ученых за последние 10 лет // Историческое обозрение, СПб, 1912. Т. XVII, с. 12 – 126
 22. Косминский Е. Столетие преподавания истории средних веков в Московском университете // Историк-марксист. 1940. Кн.7 (83). С. 102
 23. Котляревский С. Рецензия на книгу В.И.Герье «Идея народовластия и Французская революция» // Исторический вестник, 1904, апрель, с. 343 – 345
 24. Погодин С.Н. В.И.Герье как историк и методолог// Вопросы истории, 2004, №10, с 151-162
 25. Цыганков Д.А. Профессор Московского университета В.И.Герье (1837-1919) // Новая и новейшая история, 2002, №5, с. 219 – 231

ИНГУШЕТИЯ И БОЛЬШЕВИКИ НАКАНУНЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ТЕРЕКЕ- ВЫНУЖДЕННЫЙ АЛЬЯНС ИЛИ ОСНОВА ПРОЧНОГО СОЮЗА

Матиев Тимур Хусенович

к. и. н., доцент ИнгГУ, г. Магас

E-mail: tmt_77@list.ru

При рассмотрении событий русских революций и гражданской войны на Северном Кавказе для историков по сей день остается важным понимание того, насколько прочным был базис ингушско-большевистского союза, в котором некоторые авторы- как советские [7, с. 331], так и белогвардейские [3, с. 99],- видели чуть ли не корни победы Советской власти в регионе.

Накануне войны Ингушетия как регион, практически лишенный городского пролетариата и почти целиком аграрный, слабо участвовал в партийно-политической жизни страны. Тем не менее, даже в дореволюционной Ингушетии социал-демократические идеи не были тайной за семью печатями поголовно для всего населения. Еще накануне Первой русской революции упоминается в литературе факт существования марксистского кружка (лидером которого называют Мухтара Ахриева) в Галашках. А в годы революции 1905-1907 гг. появляются и большевики-ингуши (старейшим из которых считается Ю. Албогачиев, вступивший в партию как раз в 1905 г., по другим данным- в 1908 г.) [8, с. 27].

Хотя говорить о широком распространении в Ингушетии в канун революционных событий 1917 г. социал-демократических идей (равно как и иных политических концепций) не приходится - хотя бы в силу неграмотности подавляющего большинства ингушей. В то же время, образованная элита не могла не знать и не интересоваться идейными установками и политическими программами ведущих политических партий страны. Немаловажное место в их ряду занимали и социал-демократические партии, в первую очередь - большевики. Хотя в стране они находились в подполье, на Северном Кавказе хорошо был известен один из виднейших лидеров партии – С.М. Киров, сотрудничавший с газетой «Казбек», придерживавшейся довольно передовых для своего времени взглядов, в том числе, и на положение горского населения. Часть будущих ингушских участников событий гражданской войны на Тереке имела, к тому же, опыт общения с Кировым не только по его работе во Владикавказе до войны, но и после событий Корниловского мятежа в августе 1917 г.,

когда Киров, вместе с «мусульманской делегацией» лично посещал подразделения Ингушского полка Туземной конной дивизии и агитировал его офицеров и рядовых за сохранение верности законным властям и невмешательство в противоборство с Корниловым Временного правительства, заключившего временный союз с ленинцами.

В первые недели и месяцы после победы Февральской революции в России в Терской области возникли национальные органы власти. Исключением не стала и Ингушетия. Вечером 6(19) марта 1917 г. во Владикавказе был избран ингушский исполнительный комитет (национальный комитет) из 9 человек, председателем которого стал отставной генерал Т.Укуров, его заместителем - М. Джабагиев [5, с. 67]. Вскоре был образован и Ингушский национальный совет во главе с В. Джабагиевым. Формирование властных органов было продолжено на состоявшемся 22-23 апреля 1917 г. съезде представителей ингушского народа. Перед новыми национальными органами власти встала во весь рост задача выработки стратегии действий как в области обустройства внутренней жизни в регионе в условиях российской смуты, так и отношений с внешними политическими силами, которых в тогдашней России было изобилие. Вполне логично было, чтобы новые ингушские власти, которые были заинтересованы, прежде всего, в стабильном развитии и страны, и всего края, ориентировались на связи с умеренными силами страны. Тем более, что сами лидеры тогдашней ингушской политической элиты были приверженцами именно умеренно-буржуазных и светско-националистических ценностей.

Однако, как раз умеренные, которые номинально взяли власть в стране в лице Временного правительства, были не готовы к налаживанию тесных контактов с национальными окраинами. Как всегда, проявилась болезнь недооценки работы на местах, общая для российских властей практически во все времена. Характерно, что это отмечали сами видные представители горского национального движения, в частности тот же В. Джабагиев, который в своем выступлении на заседании чрезвычайного соединенного совещания по вопросам организации областной власти на Тереке с участием горских и казачьих делегатов, а также представителей от рабочих, крестьянских солдатских комитетов и горожан 22 ноября 1917 г. заявил о том, что представители Центра «сколько не входили в соприкосновение с горцами – не вошли в их быт, их духовную жизнь» [6, с 254]. Однако, в этом отношении именно большевики выделялись в ряду иных партий, уделяя данной стороне вопроса самое

пристальное внимание. Возможно, этому способствовало и то, что легитимизации большевиков в глазах наиболее образованной и умеренной части местной элиты мешали и методы прихода ленинцев к власти в центре, и стремление их эмиссаров на местах (включая того же Кирова) немедленно последовать примеру своего ЦК и взять бразды правления на Тереке в свои руки. Местные политические силы, по крайней мере, та их часть, к которой принадлежал и В. Джабагиев, и которые могли быть отнесены к умеренным, в целом, не отрицали возможность диалога и были готовы к разумным компромиссам. В то же время, хотя ряд исследователей считает, что большевики, «...в 1917 году, став настоящей партией войны, хотя и были озабочены преимущественно проблемами мировой революции» [4, с. 118], отвергали всякий компромисс, но представляется очевидным, что в ранний период борьбы за власть, все же, готовы были к определенному лавированию - лучшими свидетельствами того стали временный союз с левыми эсрами и Брестский мир. Тем более, эта готовность проявлялась, когда речь шла о политике на национальных окраинах [1, с. 224].

В самой среде ингушской элиты не было единства. К лету 1917 г. одним из наиболее умеренных ее представителей - братьям Джабагиевым, занявшим к тому времени лидирующие позиции, удалось, заручившись поддержкой духовенства, обеспечить свободу маневра как в своей внутренней политике в Ингушетии, так и в отношении внешних контактов с ведущими политическими силами Кавказа и России. Но полностью консолидировать общество они не смогли. Часть интеллигенции отошла от поддержки национальных органов и на ее основе возникло социалистическое движение, которое позже стало основой революционно-демократических течений [5, с. 70].

Первым крупным политическим кризисом, сделавшим большевиков и ингушей попутчиками, стали события осени – зимы 1917 г. в Терской области, связанные с развязыванием местными правыми казачье-ингушского конфликта. Как известно, одновременно с «ингушским вопросом» ультраправые намеревались решить и вопрос устранения нарождающейся Советской власти в крае. Так, 30 декабря 1917 г. произошло нападение правых на Владикавказский Совет. Реакционно настроенные офицеры арестовали его руководителей С. Буачидзе и М. Орахелашвили [2, с. 89]

Реакция решила также выигрышно воспользоваться сложившейся ситуацией, чтобы закрепить свои успехи во Владикавказе легитимными решениями форума съезда народов

Терека, созданного в январе 1918 г. в Моздоке по инициативе правых. Выступившие на съезде представители контрреволюции требовали санкции съезда для общего наступления на чеченцев и ингушей, на съезде, кстати, не представленных [8, с. 30]. Выдвигались даже предложения в обмен на санкцию на фактическое истребление горцев немедленно рассмотреть вопрос о признании власти Совета Народных Комиссаров [6, с. 259].

Однако, большевики проявили себя более дальновидными и искусными политиками, чем правые. Они фактически заблокировали принятие инициатив правых. Возможно, в этом случае сыграло свою роль осознание того факта, что правые, в любом случае, окажутся только временными попутчиками, и расправившись с ингушами и чеченцами, в силу логики политической борьбы следующими «главными врагами» неизбежно объявят самих большевиков. Так или иначе, именно благодаря позиции социалистического блока во главе с Кировым решение о санкционировании расправы над ингушами на съезде было остановлено на принятии, а на следующем, Пятигорском съезде в феврале 1918 г., куда прибыла уже и ингушко-чеченская делегация, окончательно снято с повестки дня.

Именно в начале 1918 г. можно говорить о налаживании первого серьезного и долговременного контакта между ингушами и большевиками. В дальнейшем, события, связанные с началом решения Советами земельного вопроса и подавлением бичераховского мятежа, подвели под этот, в то время еще относительно шаткий союз, более основательную базу. Кроме того, в этот период подобный подход вызвал определенную консолидацию различных сфер ингушского общества - от светских умеренных деятелей до духовенства. Иными словами, ответ на вопрос, поставленный в заголовке статьи, может формулироваться так - союз вынужденный, обусловленный объективными условиями существовавшей на тот момент общественно-политической ситуации в регионе, но уже в самом начале имевший все основания для того, чтобы стать не временным, а достаточно долгосрочным (по крайней мере, до окончания вентурироссийского противостояния), каковым он позднее и стал.

Таким образом, можно сделать ряд выводов. Взаимоотношения большевиков и большевистской партии с ингушами во время русских революций 1917 г. и гражданской войны 1917-1921 гг. прошли ряд последовательных этапов. Период с марта 1917 по февраль 1918 г. был лишь первым из этих этапов. На данном этапе эти взаимоотношения находятся в зачаточном состоянии и носят, в целом, бессистемный и спорадический характер. Они, в основном, ограничиваются теми

ситуациями, в которые вовлекались в послефевральский период обе стороны логикой внутрироссийской политической драмы (вроде Корниловского мятежа или Первого съезда народов Терека). Тем не менее, уже в период этих первых контактов, которые становились чем дальше, тем более частыми и продолжительными, позиция большевиков по основным вопросам представлялась, по сравнению с другими политическими силами тогдашней России, наиболее принципиальной и, во всяком случае, наиболее отвечающей интересам народов окраин. Разумеется, при этом большевики преследовали, прежде всего, свои политические цели, более или менее сиюминутные, и подобная позиция, ими занимаемая, была, как правило, не более чем элементом общей борьбы за власть. Но горским народам, решение проблем которых (пусть и частичное), притом самых насущных проблем, подразумевала реализация популистских лозунгов большевиков, были, в общем, безразличны побудительные мотивы красных, благодаря которым те же ингуши могли получить землю или восстановить иные свои погрязшие права. Противники большевиков, (во всяком случае, те из них, кто обладал реальной военной и политической силой) не были готовы дать ингушам такие гарантии даже на словах, причем, из каких бы то ни было побуждений - бескорыстных или сугубо прагматичных. Таким образом, первоначально обусловленное обстоятельствами развития внутрироссийской драмы на Кавказе объединение лишь впоследствии обретает более или менее артикулированные формы тесного политического союза. Но эти формы относятся уже к более позднему времени-1919-1920 гг., разгару гражданской войны на Северном Кавказе.

Список литературы:

1. Булдаков В. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997.- 375 с.
2. Гойгова З.А.-Г. Народы Чечено-Ингушетии в борьбе против Деникина. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1963.-223 с.
3. Деникин А. И. Очерки русской смуты// Вопросы истории. 1993, № 11.- 190 с.
4. Магомедов Ш.М. Северный Кавказ в трех революциях. М.: Наука, 1986.- 208 с.
5. Музаев Т.М. Национально-освободительное движение чеченцев и ингушей в послефевральский период (март-ноябрь 1917 г) // Ойла (журнал социальных наук и публицистики), №1, 1998. С. 61-79.

6. Музаев Т. М. Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа. М.: Партия, 2007.- 520 с.
7. Орджоникидзе С. Статьи и речи. Т.1. М.: Госполитиздат, 1956.- 516 с.
8. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР, т.2. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1972.- 360 с.

ПАРЛАМЕНТСКИЕ КОМИТЕТЫ ПО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИМ ВОПРОСАМ (ВЕЛИКОБРИТАНИЯ, НАЧАЛО XX В.)

Медведик Ирина Семеновна

к. и. н., доцент, АГУ, г. Астрахань

E-mail: imedvedik55@mail.ru

Деятельность специальных комитетов по внешнеполитическим вопросам – одна из форм парламентского контроля над правительством. Ее зарождение в Великобритании относится к началу XX в. Изучение данного процесса представляет научный интерес. Это связано с поисками новых подходов к объяснению истории международных отношений, стремлением выявить те силы, которые, не имея полномочий для принятия решений, могли оказывать влияние на формирование внешнеполитического курса.

В викторианскую эпоху британское общество мало интересовалось внешней политикой. Политические партии не концентрировались на внешнеполитических проблемах в своих программах. Сложилась тенденция подчеркивать преемственность внешнеполитического курса. Парламентским дебатам по международным делам (при обсуждении бюджета, тронной речи монарха и т.д.) уделялось немного внимания. Важные внутренние социальные и экономические проблемы требовали решения. Парламентское расписание было слишком плотным, чтобы тратить время на внешнеполитические вопросы, если не происходили международные кризисы, не было угрозы войны и т.д. Показателем индифферентности депутатов была низкая посещаемость, как палаты общин, так и палаты лордов в дни обсуждения внешнеполитических вопросов [12, с. 193].

На рубеже XIX – XX вв. возросла роль общественного мнения во внешнеполитических делах. Традиционная «кабинетная»

европейская дипломатия исчерпала себя. Общественный интерес к международной политике стал проявляться в парламенте в ходе дебатов по вопросам внешней политики правительства, в расширении и разнообразии внешнеполитической тематики в периодических изданиях. Постепенно осознавалась значимость общественного мнения для принятия ответственных государственных решений, влиявших на положение Британии на международной арене.

Возможности парламента влиять на внешнеполитический курс государства в конце XIX – начале XX вв. были весьма ограничены. Парламент не участвовал в выработке и принятии решений о действиях на международной арене. Он был призван одобрить или не одобрить их уже после того, как они начались или даже завершились. В информационном плане парламент зависел от правительства. Тем не менее, он имел право требовать объяснений, критиковать проводимый курс. Это могло косвенно влиять на внешнюю политику правительства в будущем.

Ситуация начала меняться в середине первого десятилетия XX в. В результате парламентских реформ расширился и претерпел качественные изменения электорат, усложнилась его социальная структура. Палата общин стала пополняться новыми людьми: лейбористами, представителями радикального крыла правящей либеральной партии. Они были не столь образованы, как парламентарии прошлых времен, происходили из других социальных слоев. Личный секретарь короля Эдуарда VII с сожалением отмечал, что старое представление о палате общин как о клубе джентльменов ушло в прошлое [6, с. 139]. Но у этих людей были свои взгляды на международные дела. Многие лейбористы были пацифистами, выступали за разоружение. Радикалы были недовольны ухудшением отношений с Германией.

Именно среди так называемых заднескамеечников, т.е. рядовых депутатов, было много тех, кто интересовался внешней политикой. Они считали себя экспертами, по крайней мере, в некоторых вопросах международной политики. И именно от них исходила самая острая критика правительственных решений.

Главный упрек со стороны критиков внешнеполитического ведомства – отсутствие информации, главной требование – большая открытость. Многие парламентарии с сожалением осознавали ограниченность своего влияния на внешнюю политику и обвиняли исполнительную власть в стремлении избегать взаимодействия по международным вопросам с общественностью в лице парламента. Министра иностранных дел они считали заложником чиновничества,

которое, как полагали депутаты, и принимает все внешнеполитические решения. Представитель радикального крыла либеральной партии А. Понсонби упрекал чиновников в том, что они, не давая обществу полной информации, в тоже время жалуются: «Если бы вы только знали то, что знаем мы, вы соглашались бы с нами». А о парламентариях, как он полагал, они думают: «Ну и зануды же они с их вопросами. Они ничего не знают о внешней политике; это не их дело, а наше» [10, с. 8].

Действительно, складывалась парадоксальная ситуация: чем более демократичным по составу становился парламент, тем более закрытой для него становилась внешнеполитическая информация. Принимавшая решения элита считала, что «раскрывать карты» перед столь неподготовленной и «разношерстной» публикой было бы, во-первых, опрометчиво, а во-вторых, не имело практического смысла [6, с. 139].

Но парламентарии настаивали на своем. А. Понсонби возглавил движение за установление парламентского контроля над внешней политикой государства. Необходимость такого рода контроля и принципы его организации он обосновал и изложил в ряде памфлетов. Наиболее известна его работа «Парламент и внешняя политика», неоднократно переиздававшаяся [10, с. 8].

В предвоенные годы предпринимались попытки сформировать как парламентские, так и внепарламентские органы, которые могли бы контролировать деятельность правительства на международной арене. В палате общин стали создаваться комитеты, концентрировавшие внимание на определенных регионах и стремившиеся скорректировать британскую внешнюю политику в данном направлении в соответствии со своими представлениями. Так, например, появился Балканский комитет, выступавший за независимость балканских стран.

Осенью 1908 г. был создан Персидский комитет, куда входили депутаты, журналисты, ученые. Его цель – изменить британскую политику в отношении Персии и России. К этому времени уже существовало англо-русское соглашение, поделившее Персию на сферы влияния. Комитет требовал прекратить сотрудничество с Россией, нарушавшей неприкосновенность и независимость Персии, и сохранить персидское суверенное государство.

Создателями этого органа парламентского контроля были Е. Браун и Х. Линч. Профессор Браун считался специалистом по Персии, преподавал в Кембридже. Он получал массу информации от своих бывших студентов, работавших в консульских и дипломатических представительствах в России и Персии. Линч был

членом палаты общин, путешественником, писателем и бизнесменом, имевшим деловые интересы в пароходных и дорожных компаниях в Персии и Персидском заливе. Президентом комитета стал член верхней палаты лорд Ламингтон. В работе принимали участие известные журналисты А. Гардинер, С. Скотт, В. Брейлсфорд.

1911 г. ознаменовался трагическими событиями в Персии, Марокко, кризисами в международных отношениях. В это же время было обнародовано содержание англо–французского соглашения 1904 г., до этого хранившееся в секрете. Оно проливало свет на расстановку сил на международной арене. Все это вызвало тревогу среди депутатов и привело к резкому всплеску критики внешнеполитического курса правительства.

В конце 1911 – начале 1912 гг. в парламенте и прессе была организована кампания против министра иностранных дел Э. Грея. Особую активность проявил Персидский комитет. Использовались все возможные средства: парламентские дебаты, резолюции, письма в Форин оффис, публичные митинги, памфлеты и статьи в прессе. Э. Грей вынужден был оправдываться и объяснять сущность британской внешней политики.

Атака на Грея сопровождалась громкими требованиями сделать дипломатию более открытой, установить парламентский контроль над внешней политикой: «Пришло время для палаты общин настаивать на том, чтобы знать больше о внешней политике, чем раньше» [9, с. 74–80]. Средством исправления ситуации критикам представлялось создание комитета по внешней политике.

В ноябре 1911 г. около 80 депутатов образовали либеральный комитет по внешней политике. Вокруг него группировалось большое количество сочувствующих. Лидеры, А Понсонби и Н. Бакстон, ставили цель отменить монополию Форин оффис во внешнеполитической сфере, установив парламентский контроль. Комитет был также озабочен состоянием англо–германских отношений и хотел их улучшения. Ряд депутатов желал для Германии «справедливой доли» колониальных владений [8, с. 34–35].

События 1911 г. имели своим последствием попытку сформировать парламентский комитет по внешней политике, который координировал бы деятельность всех комитетов, ориентированных на внешнеполитическую сферу. Президентом стал лорд Кортни Пенвит, председателем – Л.Т. Хобхаус, секретарем – Р.С.К. Энсор. В апреле 1912 г. в журнале “Contemporary Review” от имени комитета была опубликована статья, представлявшая собой, по сути, программное заявление. Дав анализ международной ситуации, авторы пришли к

выводу о том, что национальная безопасность требует корректировки внешнеполитического курса. Именно секретная дипломатия, по их мнению, привела страну на грань войны с Германией, войны, «причины которой общественность не понимает, войны, которая стала бы результатом политики, никогда не объяснявшейся и даже никогда открыто не признававшейся» [7, с. 471]. Исходя из этого, комитет сформулировал цели своей деятельности: 1) противодействие образованию союзов с другими государствами и обеспечение для Англии свободы действий на международной арене; 2) поддержка конституционных правительств и приверженцев национальной независимости за рубежом; 3) защита политики, направленной на укрепление дружеских связей с Германией; 4) установление более полного парламентского контроля над внешней политикой и публичности международных дел. «Чтобы достичь этих целей, – говорилось в документе, – необходимо начать более полное и более частое обсуждение внешнеполитических дел в парламенте, ликвидировать атмосферу тайны, которая их окружает, способствовать созданию информированного и критически настроенного общественного мнения» [7, с. 474].

Реализовать эти планы не удалось. В ноябре этого же года появился еще один проект, представленный на обсуждение общественности радикалом Ф. Морреллом. В статье «Контроль над внешней политикой» Моррелл констатировал, что осложнения на международной арене и рост расходов на вооружение продемонстрировали всем важность данного аспекта политики. «Люди спрашивают себя не только о том, удовлетворительна ли наша внешняя политика, но и как она формируется, кто в действительности за нее отвечает, как убедиться в том, что во внешнеполитическом ведомстве учитываются интересы и желания всей нации», – писал автор [4, с. 659]. Проанализировав парламентские процедуры, связанные с внешнеполитической сферой, он заявил: «Палата общин не только не контролирует внешнюю политику, с ней даже не консультируются» [4, с. 661]. Моррелл выбрал для иллюстрации два события – подписание англо–русской конвенции 1907 г. и визит министра иностранных дел России С.Д. Сазонова в Лондон осенью 1912 г. На этих примерах автор продемонстрировал, что такие важные события обсуждаются в парламенте после их завершения (в первом случае) или практически не обсуждаются (во втором случае). Моррелл согласился с обвинениями в создании атмосферы секретности и стремлении избегать обсуждения международных дел в парламенте, звучавшими в адрес министра иностранных дел Э. Грея. Однако он

настаивал, что корень зла в самом парламенте: «Если палата общин желает получать информацию и контролировать ту политику, за которую она несет номинальную ответственность перед нацией, единственным средством является создание постоянного комитета по внешней политике» [4, с. 662]. Далее автор высказал свои соображения по вопросам организации такого комитета и порядка его работы. По его мнению, комитет из сорока – шестидесяти членов должен формироваться пропорционально политическому весу парламентских фракций. Заседания должны проводиться с определенными интервалами, примерно раз в месяц, с возможностью созыва чрезвычайных заседаний в случае необходимости. Отчеты о деятельности комитета должны доводиться до сведения всех депутатов, открывая возможность для дебатов в любое время. Кроме того, комитет должен обладать полномочиями по своему усмотрению ставить любой вопрос на обсуждение всей нижней палаты. Настаивая на публичности работы комитета, Моррелл признал возможность закрытых заседаний, но только в исключительных случаях. В заключение автор привел основной аргумент в пользу создания постоянного комитета по внешней политике: «Главный плюс состоит не только в том, что внешнеполитические проблемы будут систематически и детально обсуждаться, но и в том, что они будут обсуждаться в тот момент, когда события еще происходят, а не завершились. Таким образом, дискуссия принесет наибольшую пользу» [4, с. 665].

Деятельность комитетов во внешнеполитической сфере неоднозначно оценивалась как общественностью, так и властными структурами. В одном из писем Э. Грей жаловался, что члены нижней палаты научились искусству задавать вопросы, на которые ему приходилось отвечать [3, с. 150]. Специальный корреспондент «Таймс» Д. Фрейзер, работавший в Персии и Турции в разгар революционных событий, с легкой иронией описывал деятельность Персидского комитета: «Те члены Персидского комитета, которые имели места в палате общин, не упускали возможности всякий раз задирать Форин оффис в связи с его упущениями и деяниями в Персии, в то время как не получившие таковых мест пытались завоевать симпатии общественности с помощью прессы. Излюбленным объектом ненависти этих добросердечных джентльменов была Россия, в чьих целях, мотивах и действиях по отношению к Персии они постоянно находили дьявольские козни» [5, с. 61]. Автор заметил также, что «в силу доверчивости, присущей членам такого рода комитетов, они с легкостью принимают

на веру все, что исходит от предмета их симпатий. В Тегеране ходила шутка, что любая новость, даже принимающая самые абсурдные формы, тотчас же используется Персидским комитетом для обсуждения в палате общин» [5, с. 62].

В России, где в эти годы только зарождалась парламентская деятельность, внимательно присматривались к британскому опыту. Так, например, анализ прессы показывает, что российской общественности было известно о деятельности Персидского комитета [1, л. 3, 35, 55, 106, 128, 142]. Однако роль подобных комитетов в выработке внешнеполитических решений сильно преувеличивалась. Так, И.Я. Коростовец, посланник России в Персии в 1914–1915 гг., в своих мемуарах заметил относительно Персидского комитета, что это – «официальное англо–персидское учреждение, направляющее политику в Персии» [2, л. 21].

Э. Грей в одном из писем Бьюкенену, британскому послу в России, просил указать Сазонову, в то время министру иностранных дел, что он «очень ошибается, если думает, что Персидский комитет оказывает влияние на правительство...единственное влияние комитета заключается в возможности для него влиять на общественное мнение, а это, конечно, зависит от сведений, которыми он располагает» [2, л. 80].

Несмотря на активную деятельность комитетов, их создателям не удалось добиться поставленной цели: установить парламентский контроль над внешней политикой. И премьер-министр, и министерство иностранных дел отвергали эту идею. Такую же позицию занимали и лидеры правящей и оппозиционной партий. Когда вопрос рассматривался в Комитете по отбору в 1914 г., было заявлено о нежелательности предоставления парламенту больше полномочий во внешнеполитической сфере [11, с. 17].

Однако с существованием подобного рода намерений Форин оффис приходилось мириться и считаться. Эта позиция отражена в одном из писем высокопоставленного чиновника внешнеполитического ведомства лорда Сандерсона. Он назвал работу комитетов «вмешательством в чужие дела тех, кто ничего в них не понимает», но вынужден был признать, что «общественность не может быть удовлетворена лишь произносимыми время от времени речами или краткими ответами на вопросы» [6, с. 152]. Парламентарии могли заставить внешнеполитическую элиту давать объяснения, оправдываться. Случалось, их критика приводила к отмене отдельных уже запланированных акций (так был отменен визит британской эскадры в Кронштадт в 1906 г.). Ссылки на общественное мнение

часто использовались британскими дипломатами в общении с партнерами для отказа от каких-либо действий или, наоборот, для их обоснования. Но этим все и ограничивалось.

Неудача парламентского движения за установления контроля над внешней политикой объясняется рядом причин. Не имея полной информации, критики не могли предложить альтернативных вариантов. Многие парламентарии получили свои мандаты как борцы за социальные реформы. Надежды на их реализацию связывались с либеральным, а отнюдь не с консервативным правительством. Поэтому, критикуя внешнеполитическую сферу, депутаты не выходили за определенные границы, не рискуя довести дело до смены правительства. Наконец, острые внутривнутриполитические проблемы (социальная напряженность, ирландский вопрос и т.д.) требовали концентрации внимания и объединения усилий. Тем не менее, в начале XX в. в ходе кампании за установление парламентского контроля над внешней политикой были намечены очертания будущих парламентских реформ.

Список литературы:

1. АВПРИ. Ф. 139. Оп.476. Д. 573.
2. АВПРИ.Ф. 340. Оп.839. Д. 13.
3. Bishop D. The Administration of British Foreign Relations. Westport (Conn.): Greenwood press, 1974. – XVI, 410 p.
4. The Control of Foreign Affairs. The Need for a Parliamentary Committee // The Contemporary Review.–1912. – November.–563. P. 659–665.
5. Fraser D. Persia and Turkey in Revolt. Edinburgh and L.: Blackwood, 1910. – XII, 440 p.
6. Neilson K., Steiner Z. Britain and the Origins of the First World War. L., Basingstoke: Macmillan, 1977. – VI, 305 p.
7. Our Foreign Policy and its Reform // The Contemporary Review.– 1912. – April. – Vol. 2 (101). – P. 467–474.
8. Packer I. Liberal Government and Politics, 1905–1915. Basingstoke, Hants; N. Y.: Palgrave Macmillan, 2006. –VII, 241 p.
9. The Parliamentary Debates. Ser. 5. Vol. 32.
10. Ponsonby A. Parliament and Foreign Policy. L.: Fifield, 1912. – 15 p.
11. Robbins K.G. The Foreign Secretary, the Cabinet, Parliament and the Parties // British Foreign Policy under Sir E.Grey. /Ed. by F.H.Hinsley. Cambridge: Cambridge univ. press, 1977. – P. 3-21.

12. Steiner Z. The Foreign Office and Foreign Policy. 1899-1914. Cambridge: Cambridge univ press, 1969.- XII, 262 p.

ТВОРЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ БАШКИРСКОЙ АССР В ПЕРИОД КАМПАНИИ «ПО БОРЬБЕ С НИЗКОПОКЛОНСТВОМ ПЕРЕД ЗАПАДОМ» (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 40-Х ГГ. XX В.)

Мигранов Марат Сагарьярович

аспирант БГПУ им. М. Акмуллы, г. Уфа

E-mail: atey26061@mail.ru

Победоносное завершение Великой Отечественной войны открывало новые перспективы. Прежние времена с их авралами, дефицитами, откровенным ограблением колхозников, тяжелыми условиями жизни, с их гонениями и репрессиями, казалось, уже больше не повторятся. Люди надеялись на лучшее, ждали новой жизни, верили в счастливое будущее. Война внесла серьезные коррективы в сознание общества, посеяла в нем зерна свободолюбия и инакомыслия, инициативности и самостоятельности, ослабив в то же время идеологический контроль партии. В этих условиях известных послаблений и определенного потепления идеологического климата люди уверовали в наступление новой эры. Колхозники ждали изменения аграрной политики правительства и государственную поддержку личных подсобных хозяйств. Интеллигенция питала надежды на дальнейшую либерализацию политической жизни в стране. Рабочие говорили о необходимости улучшения условий жизни, труда и социального обеспечения. Однако, всем этим социальным устремлениям не суждено было сбыться. Власти «в штывы» восприняли подобное «брожение умов», угрожавшее, по их мнению, стабильности режима. Такое отношение к разладу в общественных настроениях во многом было также обусловлено все более нарастающей в этот период атмосферой международной напряженности, а соответственно, и необходимостью психологической мобилизации социума в условиях «холодной войны». Нужно было срочно что-то предпринимать, и, надо отметить, выход вскоре был найден. Не имея возможности изолировать все источники непрофильрованной информации, (а в качестве таковых выступали демобилизованные из армии солдаты и офицеры, репатрианты и лица, побывавшие в оккупации), главные идеологи партии, в оркестре

которых роль первой скрипки принадлежала А.А. Жданову (а по сути, стоявшей за ним тени вождя), разработали и организовали полномасштабную идеологическую кампанию в целях «успокоения общественных настроений» и введения их в русло лояльности и преданности режиму [2, с. 500]. Направленная на дискредитацию западного образа жизни и замешанная на пропаганде советского патриотизма, она проходила под лозунгом «борьбы с низкопоклонством перед западом», а начало ей было положено Постановлением ЦК ВКП (б) от 14 августа 1946 г. «О журналах «Звезда» и «Ленинград» [5]. Вслед за ним вышли и другие печально известные постановления: «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» от 26 августа 1946 г., «О кинофильме «Большая жизнь» от 4 сентября 1946 г., «Об опере В. Мурадели «Великая дружба» от 10 февраля 1948 г. [6, 7, 8]. В результате под удар попали представители творческой интеллигенции (в числе тех, кто непосредственно оказался под идеологическим прессом, были такие мастера, как М. Зощенко, А. Ахматова, О. Бергольц, Ю. Герман, А. Штейн, С. Эйзенштейн, С. Прокофьев, Д. Шостакович и др.). Надо отметить, выбор цели был неслучаен. Данная кампания должна была не просто приструнить интеллигенцию как носителя духовности, но и дать набатный звонок всему обществу, объяснив ему внятно, что никаких послаблений после войны не будет.

Между тем, указанные постановления ЦК ВКП (б) в сфере культуры и идеологии стали сигналом к началу крупномасштабной травли творческой интеллигенции по всей стране. Региональные партюкраты с особым рвением бросились проводить в жизнь новую идеологическую политику партии. В результате на местах появились собственные объекты для травли, свои изгои, «талантливые критики», раскрывающие «политическую незрелость» произведений и их «формализм». Сценарий по разгрому творческой интеллигенции, заданный главными идеологами партии (А.А. Ждановым и И.В.Сталиным), повторялся вновь и вновь...

В Башкирской АССР начало идеологической кампании было положено Решением бюро Обкома ВКП (б) по работе Союза советских писателей Башкирии от 22 октября 1946 г. «Об ошибках в башкирской литературе и недостатках в работе ССП Башкирии» [10]. Данный документ стал отправной точкой в деле «пересмотра направления развития башкирской литературы». Среди «крупных недостатков» в творчестве местных писателей и поэтов авторы партийного решения отмечали такие, как «схематизм, натурализм, недостаточность профессионального, литературного мастерства» [10, л. 39]. Жесткая

критика была высказана в адрес Р. Нигмати, С. Кудаша, Б. Бикбая, М. Бурангулова и др. Таким образом, Решение бюро Башобкома партии в общих чертах определило дальнейший ход и область распространения критики творчества башкирских писателей и поэтов. Был очерчен круг основных лиц, подлежащих экзекуции, (в основном, это были популярные башкирские писатели), прозвучали «официальные» обвинения. Надо отметить, среди прочих, уже известных нам по постановлениям ЦК ВКП (б) 1946 г., документ содержал и новые обвинения, прежде всего в национализме. Как видится, последнее обстоятельство было неслучайно. В республиках, образованных по национальному признаку, обвинения в местном национализме создавали благодатную почву для организации разгрома творческой интеллигенции, поскольку абсолютно любое произведение, посвященное местному краю и его истории, и даже просто публикация народного эпоса могли быть расценены как проявление националистических устремлений.

Вскоре после выхода в свет Решения бюро ОК ВКП (б) от 22 октября 1946 г. был подготовлен доклад о ходе его выполнения [3]. И вновь волна критики обрушилась на представителей башкирской литературы. Помимо прежних имен, были названы также А. Валеев, Г. Гумеров, Н. Идельбаев и др. Прозвучали обвинения в «схематизме, малохудожественности, формализме, национализме». Особое внимание было уделено, естественно, критике крупных фигур башкирской литературы. В документе, в частности, отмечалось: «...Ведущие писатели Башкирии – С. Кудашев, Г. Гумеров, Р. Нигмати, Б. Бикбай за последние годы не создали сколько-нибудь значительных произведений на современные советские темы. Созданные ими... произведения страдают малозначительностью в идейном отношении... подлежат серьезной критике» [3, л. 31]. Новым в представленном докладе стала крайне негативная оценка деятельности печатного органа ССП Башкирии журнала «Октябрь» и, прежде всего, его ответственного редактора Зулькарнаева: «...журнал «Октябрь» отстаёт от современной жизни, не отвечает тем требованиям, которые нашей партией сегодня предъявляются к литературно-художественным журналам (эти требования предельно ясно были сформулированы в известном постановлении ЦК ВКП (б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград» - М.М.). На страницах журнала даже после соответствующих решений ЦК ВКП (б)... продолжались печататься политически ошибочные, незрелые произведения... примитивные, рассчитанные на вкусы отсталых людей...» [3, л. 34].

Таким образом, маховик идеологической кампании с подачи Москвы стал активно раскручиваться местными партократами. Уже в январе 1947 г. под мощным идеологическим ударом оказались местные театралы. В докладной записке под названием «Состояние репертуарных планов театров Башкирии», представленной в Башобком партии, содержалась серьезная критика работы этих учреждений искусства [12]. Среди главных ошибок театров республики называлось, прежде всего, отсутствие пьес на современные советские темы, а также доминирование исторической и этико-сказочной тематики, «попахивающей национализмом» [12, л. 65-66]. В более развернутом виде данная критика была изложена уже в следующем документе под названием «Состояние репертуара театров Башкирии» [11]. Под партийным «утюгом» оказались «слабые в идейном и художественном отношении» пьесы «Дети одного отца» Б. Бикбая, «Бисякай» А. Мубарякова и «Езнякяй» Х. Ибрагимова. Их авторы обвинялись в «незнании нашей действительности, наших советских людей», в «поверхностной трактовке патриотизма». Постановка же данных пьес называлась недопустимой ошибкой и ставилась в укор руководству Башкирского Государственного Академического театра [11, л. 89-90].

С целью «исправления» сложившейся ситуации, вскоре после получения Башобкомом вышеназванных докладных записок, местными партократами было санкционировано показательное собрание актива работников искусств г. Уфы. В резолюции, принятой на данном собрании, отмечалось, что «в 1946 г. и в первом квартале 1947 г. работа большинства театров протекала неудовлетворительно». Вместе с тем, «исторические постановки ЦК ВКП (б)..., являющиеся боевой программой развития и подъема всей нашей идеологической работы на уровень задач, стоящих перед героическим советским народом в свете великих сталинских предначертаний, требовали коренной перестройки и решительного улучшения работы учреждений искусств Башкирской АССР, особенно в части создания новых советских спектаклей, отражающих великие деяния советских людей, совершенные под руководством товарища СТАЛИНА» [9, л. 76-78]. Таким образом, авторы резолюции недвусмысленно и вполне конкретно указывали генеральную линию развития башкирской драматургии и литературы: апологетика советского режима, восхваление героизма советского народа и, прежде всего, гения вождя, организатора разгрома немецкого фашизма и японского милитаризма. Любое же отступление от этой проблематики уже изначально

становилось откровенно провальным мероприятием и грозило неприятными последствиями, вплоть до обвинения в национализме.

Идеологическая кампания, развязанная на общесоюзном уровне печально известными постановлениями ЦК ВКП (б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград», «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» и «О кинофильме «Большая жизнь» (а позднее также постановлением «Об опере В. Мурадели «Великая дружба»), достигла своего апогея в БАССР в 1948 г., после чего постепенно пошла на спад. В рассматриваемый период продолжилось наступление местных партийных функционеров на творческую интеллигенцию края. И вновь в фокусе прицела оказались башкирские писатели. Шквал критики обрушился на известных и популярных в народе литераторов [4, 13, 14, 17].

Между тем, ничего нового в звучавших обвинениях не было. О формализме, малохудожественности, увлеченности историко-бытовыми темами, политической невыдержанности, наконец, национализме говорили и в 1946, и в 1947 г. Новое было в другом. Впервые отдельные представители творческой интеллигенции попытались оказать сопротивление нажиму и давлению властей, указать им на надуманность и химеричность обвинений. Так, в одном из своих выступлений на собрании ССП Башкирии 1948 г. З. Биешева справедливо заявила: «Порою неуместно приклеивают ярлык националиста. Нет ли среди нас людей, которые нарочно пытаются обвинить тех или других в национализме? Этим людям надо дать отпор» [16, л. 20]. Аналогичные высказывания звучали и из уст М. Бурангулова, Р. Нигмати и Б. Бикбая [16, л. 19-21]. Однако местные партократы оставались глухи к этим «политически вредным», с их точки зрения, речам. Неугомонных же ораторов ждала партийная и общественная экзекуция. Выдержать последнюю было практически невозможно. В итоге, литераторы, «покаявшись», «признавали свои ошибки», отказывались от ранее высказанного мнения. «...Признала нетактичность своего выступления... Это моя первая ошибка и будет последней ошибкой», - писала в своем заявлении, адресованном секретарю Башкирского обкома ВКП (б) Вагапову, З. Биешева [1, л. 18]. И подобных примеров было немало.

Завершилась идеологическая кампания 1948 г., как и в целом по СССР, ударом по лагерю композиторов. 10 февраля того же года вышло в свет печально известное постановление ЦК ВКП (б) «Об опере В. Мурадели «Великая дружба», послужившее сигналом к началу травли деятелей музыки на местах. И вновь в регионах повторялся сценарий разгрома творческой интеллигенции. На

многочисленных собраниях население безоговорочно поддерживало «воспитательные мероприятия» ВКП (б) в отношении «зарвавшихся интеллигентов, потерявших связь с жизнью и своим народом». В газетных и журнальных статьях «справедливо» критиковались «формализм, схематизм, и чуждость советской культуре» музыкальных произведений тех или иных авторов. На собраниях композиторов принимались самобичующие резолюции с признанием «ошибок». Не оставалась в стороне от этого процесса и Башкирия. Так, в Справке «О ходе изучения постановления ЦК ВКП (б) от 10 февраля 1948 г. об опере «Великая дружба» В. Мурадели», представленной в обком ВКП (б), сообщалось: «...На собрании композиторов с участием руководящих работников Башкирского государственного оперного театра и Башгосфилармонии выступило 9 человек, отметивших мудрость и правильность постановления ЦК ВКП (б). И.о. председателя оргкомитета Союза Советских композиторов Башкирии... т. Ахметов в своем выступлении указал на то, что в творчестве башкирских композиторов имеется тенденция формалистических выкрутас, которые мешают нормальному развитию музыки» [15, л. 106]. «Многие песни, написанные нашими композиторами и поэтами, - отмечалось далее в документе, - народом не принимаются, они не близки душе народа...» [15, л. 108]. Названы были в Справке и те, кто «препятствовал», по мнению властей, развитию национальной музыки. В частности, отмечалось: «...Оперы композитора А.А. Эйхенвальда «Мэрген» и «Ашказар» имеют недостатки примитивного порядка и эклектичности подхода к фольклору... М. Ш. Валеев создал ряд хороших песен, но за последние годы отошел от этой широкой мелодичности и народности. В творчестве... наблюдается эклектичность. Примером этому служат скрипичная мореска, марш «30 лет». Эти сочинения космополитны и безличны... Противоположными недостатками страдает композитор З. Исмагилов. Не говоря уже о наличии примитивности в песнях Исмагилова, его многие песни – буквальное повторение народных песен... Такой метод сочинения... не служит делу развития национальной музыки» [15, л. 107].

После 1948 г. идеологическая кампания в БАССР (как в целом и в СССР) постепенно пошла на спад. К этому времени она исчерпала свой потенциал и, насколько могла, выполнила стоявшие перед ней задачи. В советском обществе вновь возродилась атмосфера страха и полного подчинения, интеллигенция более не питала иллюзии относительно своей свободы и самостоятельности. Страну же ждало новое испытание: на горизонте уже замаячили смутные проблески

новой идеологической кампании, получившей в последующем название «борьбы с космополитизмом».

Список литературы:

1. Заявление секретарю Башобкома ВКП (б) Вагапову от З. Бишевой // ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 28. Д. 492. Л. 18.
2. Зубкова Е.Ю. Советский режим в послевоенные годы: новации и консерватизм (1945-1953) / Е. Ю. Зубкова // Россия в XX веке. Война 1941-1945 годов: современные подходы. - М.: Наука, 2005. – 567 с.
3. Доклад о ходе выполнения Решения бюро Обкома ВКП (б) по работе Союза советских писателей Башкирии // ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 28. Д. 492. Л. 28-38.
4. Докладная Председателя Правления ССП Башкирии С. Кудашева // ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 28. Д. 492. Л. 8-12.
5. Постановление ЦК ВКП (б) от 14 августа 1946 г. «О журналах «Звезда» и «Ленинград» // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП (б) - ВКП (б), ВЧК - ОГПУ - НКВД о культурной политике. 1917-1953 гг. / Под ред. А. Н. Яковлева. Сост.: А. Н. Артизов, О. В. Наумов. - М.: Международный фонд "Демократия", 1999. – С. 587-591.
6. Постановление ЦК ВКП (б) от 26 августа 1946 г. «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» // Там же. – С. 591-596.
7. Постановление ЦК ВКП (б) от 4 сентября 1946 г. «О кинофильме «Большая жизнь» // Там же. – С. 598-602.
8. Постановление ЦК ВКП (б) от 10 февраля 1948 г. «Об опере В. Мурадели «Великая дружба» // Там же. – С. 630-634.
9. Резолюция собрания актива работников искусств г. Уфы // ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 27. Д. 510. Л. 76-78.
10. Решение бюро Обкома ВКП (б) по работе Союза советских писателей Башкирии от 22 октября 1946 года «Об ошибках в башкирской литературе и недостатках в работе ССП Башкирии» // ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 28. Д. 492. Л. 39-42.
11. Состояние репертуара театров Башкирии // ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 27. Д. 510. Л. 83-106.
12. Состояние репертуарных планов театров Башкирии // ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 27. Д. 510. Л. 64-67.
13. Справка «О состоянии работы первичной партийной организации Союза Советских писателей Башкирии (за период с

- ноября 1946 г. по 1 октября 1948 г.)» // ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 28. Д. 492. Л. 1-5.
14. Справка «О ходе выполнения решения бюро Обкома ВКП (б) по работе ССП Башкирии от 22 октября 1946 г.» // ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 28. Д. 492. Л. 39-60.
 15. Справка «О ходе изучения постановления ЦК ВКП (б) от 10 февраля 1948 г. об опере «Великая дружба» В. Мурадели» // ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 28. Д. 482. Л. 106-110.
 16. Стенограмма собрания ССП БАССР от 12 сентября 1948 года // ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 28. Д. 492. Л. 19-32.
 17. Харисов А. «О состоянии башкирской драматургии» // ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 28. Д. 492. Л. 119-126.

НАРОДНЫЙ ФРОНТ ИСПАНИИ (1936-1939 ГГ.) В ОЦЕНКЕ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ РОССИЙСКОЙ БЕЛОЭМИГРАЦИИ

Малай Вера Владимировна

*д.и.н., профессор кафедры российской и всеобщей истории,
ФА ГАОУ ВПО «Белгородский государственный
национальный исследовательский университет», г. Белгород
E-mail: Malay_V@bsu.edu.ru*

Писаренко Наталья Николаевна

*магистрант, ФА ГАОУ ВПО «Белгородский государственный
национальный исследовательский университет», г. Белгород
E-mail: pisarenko-nat@mail.ru*

Российская белоэмиграция не могла оставаться в стороне от событий, происходивших на европейском континенте в межвоенный период. Ее либеральный лагерь, игравший значительную роль в общественно-политической жизни российской диаспоры в Западной Европе в 20–30-е гг. XX вв., как известно, возглавили такие видные политические деятели, как лидеры кадетской партии П.Н. Милюков, А.И. Коновалов, бывший глава российского Временного правительства А.Ф. Керенский, бывший посол Временного правительства в США Б.А. Бахметьев и другие, имевшие к тому же давние связи с правительственными кругами стран проживания. Не

обошла они своим вниманием и факт прихода к власти в феврале 1936 г. в Испании правительства Народного Фронта.

Эта коалиция антифашистского толка воспринималась либеральными периодическими изданиями Российского Зарубежья по-разному. «Последние новости» П.Н. Милукова считали данное законное правительство слишком «левым». Однако этот эпитет на страницах газеты встречался крайне редко. Также не именовалось оно «красным» или «большевистским». «Новая Россия» А.Ф. Керенского рассматривала Народный фронт как обычное демократическое правительство, отмечая, что оно пришло к власти «в совершенно законном демократическом порядке всеобщих свободных выборов» и без какой-либо поддержки извне [7, с. 1]. Редакция отмечала, что Испании не грозили «никакая анархизация или коммунизация», напротив, с течением времени центральное демократическое ядро в правительстве должно было взять верх над «собственным “левым” анархо-коммунистическим крылом» [7, с. 2]. Известный историк и общественный деятель Российского Зарубежья Г.П. Федотов в своей статье в газете «Новая Россия» (март 1936 г.), однако, сравнил испанский Народный фронт с коалицией коммунистов и анархистов, полагая, что буржуазные демократы не играют в нём большой роли, что полностью расходилось с позицией А.Ф. Керенского [10, с. 15]. По мнению историка, в «голом виде» республиканцы представляли собой рабочих, борющихся против аристократии, принимаемой за буржуазию. Крестьянство же он считал нейтральной силой, не включившейся в борьбу. Иной была точка зрения приват-доцента Бернского университета, философа Д.О. Гавронского, лично посетившего Республиканскую Испанию. Народный фронт в его трактовке состоял из 3 группировок: 1) социалистов и коммунистов; 2) анархистов; 3) республиканцев-демократов. При этом особо отмечалось, что испанские коммунисты не имели ничего общего с коммунистами русскими, и являлись «настоящими социалистами в западноевропейском смысле этого слова» [4, с. 8]. Они отличались от других социалистов тем, что были «более последовательны, более энергичны, лучше организованы и дисциплинированы» [4, с. 8]. Анархисты представляли самую значительную группу Народного фронта, «закрывающую вместе с тем в себе истинную внутреннюю слабость этого фронта», что отмечал также и Г. Федотов. Автор считал, что именно анархисты с их принципами «абсолютной децентрализации» и «героической бездисциплинности» были «главным образом виноваты в том, что действия Народного фронта носили недостаточно организованный характер» [4, с. 8]. Гавронский

полагал, что основная сила испанского Народного фронта заключалась в его «громадных людских кадрах, в неподдельном воодушевлении примкнувшей к нему молодёжи и в денежных средствах», а слабость в «чрезвычайно плохом вооружении, в отсутствии организации и в недостатке истинных вождей» [4, с. 8]. К сторонникам законного правительства, российский философ, в отличие от Федотова, относил: рабочих, крестьян, мелких служащих и чиновников.

В начавшейся в Испании в июле 1936 г. гражданской войне, по мнению Гавронского, борьба сторонников республиканского лагеря была оборонительной и даже пассивной и не имела «большевистского характера», поскольку Народный фронт противодействовал лишь «тем фашистским кругам, которые активно против него выступали» и не преследовал мелких и средних собственников [4, с. 8]. Гавронский считал победу Республики наиболее вероятным исходом войны, однако, указывал на перспективу затягивания данного конфликта. Федотов, напротив, полагал, что Народный фронт обречён на поражение, отмечая, что даже в случае его победы над мятежниками начнётся другая, следующая гражданская война уже между коммунистами, анархистами и буржуазными демократами, которых только на время объединило чувство опасности [9, с. 1].

Одно из самых влиятельных периодических изданий Российского Зарубежья - газета «Последние новости» видела угрозу для самой Испании не в деятельности законного правительства, а в нарастании в стране левого радикализма – активизации коммунистов и анархо-синдикалистов. Последние, по мнению издания, представляли особую опасность в Каталонии [5, с. 1]. С явным неодобрением писали «Последние новости» о пассивном и даже беспечном поведении правительства перед мятежом летом 1936 г., мотивируя это тем, что оно знало о «брожении в армии и готовящихся выступлениях», но не приняло соответствующих мер. Результатом этого стало военное движение – «самое серьёзное с момента установления республики» [5, с. 1]. По мнению издания, власти также несли ответственность за убийство Х. Кальво-Сотело, ставшее детонатором военного путча [6, с. 2]. С самого начала гражданской войны, с точки зрения либерального печатного органа российской эмиграции, правительство неправильно организовывало отпор мятежникам. Вместо того чтобы положиться на верные ему армейские части, либо провести мобилизацию на контролируемых территориях, допустило почти бесконтрольную раздачу оружия населению и формирование рабочей милиции, создаваемой преимущественно крайне левыми элементами [1, с. 1]. Другими словами, многие российские

политические (как и военные) эмигранты воспринимали войну как борьбу только регулярных войск, недооценивая, принижая, а то и не воспринимая вообще партизанскую борьбу. А эта проблема, как известно, была очень актуальна в Испании 1936-1939 гг. для обеих противоборствующих сторон. Так, газета информировала читателей о захвате власти в Малаге и Барселоне коммунистами и анархистами, проведении «революционных» преобразований: установлении контроля над банками, захвате собственности [2, с. 1]. В ходе конфликта позиция редакции эволюционировала: к его концу издание стало более активно поддерживать законное правительство Народного фронта. Эта трансформация, скорее всего, имела основания в общей антифашисткой направленности либерального печатного органа, особенно усилившейся после чехословацкого кризиса и Мюнхенской конференции (1938). Так, на страницах газеты стали появляться сообщения о патриотических действиях защитников законного правительства, всплеск такого рода публикаций пришёлся на декабрь 1938 – январь 1939 гг. – время битвы за Каталонию [3, с. 1]. До финальных аккордов войны «Последние новости» выражали надежду на возможность перелома в республиканских сил. Ещё 18 – 19 января 1939 г. газета писала о положении на Каталонском фронте: «Настроение в тылу остаётся бодрым... Военное положение стало менее тяжёлым. Дожди остановили наступление националистов...» [8, с. 2]. Однако падение Барселоны заставило издание отказаться от оптимистического настроения и принять поражения Народного фронта.

В целом оценка событий в Испании 1936-1939 гг. либеральными периодическими изданиями Российского Зарубежья была более объективной, чем в правой или левой прессе, хотя периодическая печать данного направления также не была избавлена от идеологических штампов. Их в целом прореспубликанская позиция определила отсутствие как таковой критики деятельности законного испанского правительства Народного фронта. Так, в военном конфликте на Пиренейском полуострове представители либерального крыла российской политической эмиграции увидели, прежде всего, внутреннюю составляющую, международные аспекты испанской драмы не нашли должного отражения и оценки на страницах их печати.

Список литературы:

1. В Каталонии. Коммунисты и анархисты вместо генералата // Последние новости. – 1936. – № 5598.

2. В Малаге // Последние новости. – 1936. – № 5598. – С. 1;
3. Взрыв патриотического энтузиазма в Каталонии // Последние новости. – 1938. – № 6488; Трудности Франко // Последние новости. – 1939. – № 6491; В районе Эстремадуры // Последние новости. – 1939. – № 6493.
4. Гавронский Д. О. Шесть недель гражданской войны в Мадриде // Новая Россия. – 1936. – № 15.
5. Испанское восстание // Последние новости. – 1936. – № 5597.
6. Кальво-Сотело // Последние новости. – 1936. – № 5593.
7. Керенский А. Ф. Испанские Корниловы // Новая Россия. – 1936. – № 11.
8. Патриотическая тревога в Барселоне // Последние новости. – 1939. – № 6605.
9. Положение в Каталонии // Последние новости. – 1936. – № 5602
10. Федотов Г. П. *Passionaria* // Новая Россия. – 1936. – № 14.

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ТЕРМИНА «КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Савельев Александр Евгеньевич

к. и. н., докторант КубГУ, Краснодар

E-mail: alexsav@i.ua

Понятие «Кавказская война» прочно утвердилось в отечественном кавказоведении, однако, следует отметить, что точной и четкой его трактовки в настоящее время нет. Собственно, его широко использовали уже представители отечественной дореволюционной историографии (В.А. Потто, Н.Ф. Дубровин, Д.И. Романовский, Р.А. Фадеев и др.), но, несмотря на достаточно ясное изложение ее исходных причин и предпосылок, объясненных с позиций «евроцентризма», однако, не были определены ни хронологические рамки тех боевых действий, которые включались исследователями в эту войну, ни ее общей событийной канвы.

В советской историографии указанный термин получил более определенную трактовку и занял достаточно четкую «нишу» в анализе исторического развития Российской империи. Историки этого периода все исторические явления в силу политически-идеологических причин объясняли с упрощенной «марксистской» позиции, где все сводилось

лишь к социально-экономическим факторам и борьбе общественных классов. Одновременно, из-за пропагандируемых лозунгов «дружбы народов» и «классовой солидарности бедняков и трудящихся всех наций», русский народ в целом никак не мог быть объявлен «завоевателем и колонизатором Кавказа». Агрессорские устремления приписывались неким условным явлениям, обозначаемым как «царизм» и «империализм». Горцы же в этом случае характеризовались как борцы одновременно с «колониальными» устремлениями царского правительства и «гнетом» местных феодалов. Таким образом, возникла концепция сопротивления горцев. К началу 1940-х гг. окончательно сложилась советская трактовка Кавказской войны: на этапе перехода к феодальному обществу, а также в его «недрах» обострились классовые противоречия, усугубленные российской колониальной экспансией, что породило масштабное антифеодальное и антиколониальное движение под религиозными лозунгами [2, с. 231]. Подобная концепция во многом определялась и позицией непререкаемых в советской исторической науке авторитетов – К. Маркса и Ф. Энгельса, которые «... в событиях на Кавказе... усматривали частный случай проявления международного революционного подъема против царской России, героический пример национально-освободительного движения, достойный всеобщего подражания» [2, с. 227]. Некоторые историки смогли отойти в своих исследованиях от указанных стереотипов. Первую попытку этого предпринял Н.И. Покровский в 30-х гг. XX в. в своем труде «Кавказские войны и имамат Шамиля», где смог отойти от многих ставших традиционными к тому времени штампов и даже поставил некоторые из них под сомнение. К сожалению, опубликована она была лишь благодаря усилиям его сына через 60 лет после завершения [5]. В Советском Союзе первым отойти от традиционных взглядов смог М.М. Блиев, который в 1983 г. опубликовал в журнале «История СССР» статью «Кавказская война: социальные истоки, сущность». Так как в те времена действие идеологических догм было еще незыблемо, то автору пришлось излагать свои взгляды очень осторожно. Он рискнул высказать предположение, что для горцев боевые действия вовсе не носили характер антифеодальной и антиколониальной борьбы – для горцев окрестные племена и народы всегда были объектом военной экспансии, осуществлявшейся с целью захвата пленных и вымогательства дани [1, с. 54]. При этом «... уже в XVIII веке политика России, постепенно лишавшая горцев традиционных объектов экспансии, приходила в столкновение с интересами организаторов и участников набегов» [1, с. 57, 59]

Однако, и сегодня концепция «сопротивления горцев» широко распространена в отечественной историографии. Когда постсоветская Россия признала себя преемницей Российской империи, то завоевателем Кавказа стала считаться вся она в целом. К сожалению, сейчас некоторые отечественные историки, прежде всего, происходящие из кавказских народов, предпочитают трактовать некоторые аспекты Кавказской войны в слишком благоприятном для горцев свете, представляя их лишь невинными жертвами российской агрессии [9]. Одной из наиболее интересных работ в подобном ракурсе видения проблем Кавказской войны является книга Я.А. Гордина «Кавказ. Земля и кровь». Следует отметить, что, в отличие от многих других авторов с аналогичной точкой зрения, этот историк активно использовал документы и архивные сведения, благодаря чему он смог воссоздать вполне убедительную картину реализации на Кавказе определенного комплекса «имперский» идей и стремлений России, отмечая также, как менялся этот комплекс под воздействием различных политических и экономических факторов. При этом, из текста книги явно заметно отрицательное отношение автора к описываемым событиям. В одной же из своих статей, опубликованных в журнале «Звезда» Гордин выразил согласие с точкой зрения, что переселение значительной части черкесского народа в Турцию после завершения Кавказской войны является целенаправленным геноцидом черкесов (адыгов), устроенным Российской империей. Подобная трактовка истории дестабилизирует и без того напряженную обстановку на Северном Кавказе.

Однако, имеются и перспективные направления изучения проблемы Кавказской войны, которые лишены одностороннего взгляда на этот вопрос. Ряд исследователей, прежде всего из историко-регионоведческой школы профессора В.Б. Виноградова, следующих разработанной им концепции «российскости», рассматривает данное явление как весьма сложный, многогранный и противоречивый процесс, где боевые действия являлись лишь одной из его сторон, сочетаясь с торговлей и добровольным переходом горцев под покровительство России. Некоторые из них, например, О.В. Ктиторова [4, с. 102], Ю.В. Приймак [6, с. 105-106], К.В. Скиба [7, с. 107] и А.А. Цыбульников [8, с. 108-109] даже считают необходимым отказаться от использования данного термина вследствие того, что он, по их мнению, разрушает сложившееся единство кавказских народов и России, не имея при этом четкого теоретического определения и обоснования. Правда, альтернативных вариантов предложено не было.

Одной из перспективных концепций, характеризующих взаимодействие Кавказа и Российской империи в первой половине XIX в., является теория «контактных зон». Одним из ее главных понятий является «фронтир» («frontier») – граница особого рода, разделяющая представителей разных культур. Вдоль нее неизбежно происходит «культурный билингвизм» – взаимопроникновение характерных черт этих культур. Впервые этот термин в широком значении применил американский историк Ф. Тернер (Frederick Jackson Turner) в 1890-х гг., опубликовав статью «Значение фронта для американской истории», где говорил о положительной роли фронта, противопоставляя ее истории конфликтов. После Тернера этот термин применяли еще несколько западных специалистов, в том числе, и по отношению к европейской истории.

В отечественной науке аналогом понятия «фронтир» является определение «контактная зона», впервые введенное В.Д. Королюком в 1972 г. [3, с. 31-46]. Достаточно активное использование концепции «контактных зон» и «фронтира» началось с 90-х гг. XX в., причем собственно к Кавказу ее применил американский историк Томас Барретт в своем труде о терских казаках [11, с. 1-38].

В отечественной историографии теорию «контактных зон» применительно к Кавказу разрабатывал ряд исследователей, включая Д.И. Олейникова, С.Г. Агаджанова, Д.Я. Резуна, В.В. Трепавлова. Их взгляды и разработки были обобщены в статье Т.П. Хлыновой, которая в итоге пришла к выводу, что «процесс интегрирования в общеимперский организм содержит немало примеров бережного отношения так нелюбимого ныне «царского самодержавия» к культурному наследию своих подданных» [10, с. 68]

Таким образом, в отечественной современной исторической науке нет единого подхода к определению термина «Кавказская война». Позиция исследователя зависит, прежде всего, от его идеологических взглядов и политических пристрастий. Однако, в последние годы наметились интересные и перспективные направления изучения этого исторического явления и связанных с ним вопросов и проблем.

Список литературы:

1. Блиев М.М. Кавказская война: социальные истоки, сущность // История СССР. 1983. № 2.
2. Дегоев В.В. Проблема Кавказской войны XIX в.: историографические итоги // Сборник Русского Исторического общества. 2 (150). М., 2000.

3. Королюк В.Д. О так называемой контактной зоне в Юго-Восточной и Центральной Европы периода раннего средневековья // Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев, 1972.
4. Ктиторова О.В. К дискуссии о научной состоятельности понятия «Кавказская война» // Вопросы южнорусской истории. Выпуск 11. Москва-Армавир, 2006.
5. Покровский Н. И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2000.
6. Приймак Ю.В. «Кавказская война» - устоявшаяся эфемерность // Вопросы южнорусской истории. Выпуск 11. Москва-Армавир, 2006.
7. Скиба К.В. Об уходе понятия «Кавказская война» // Вопросы южнорусской истории. Выпуск 11. Москва-Армавир, 2006.
8. Цыбулькинова А.А. От «войны» до «интеграции»? // Вопросы южнорусской истории. Выпуск 11. Москва-Армавир, 2006.
9. Черкесия в XIX веке. Сб. статей. Майкоп, 1991; Кавказская война. Спорные вопросы и новые подходы. Тезисы докладов международной научной конференции. Махачкала, 1998; Панеш А.Д. Мюридизм и народно-освободительное движение адыгов Северо-Западного Кавказа (1829-1864). Дис. на соиск. Ученой степени канд. ист. наук. М., 1994.
10. Хлынова Т.П. Роль подвижной границы во взаимоотношениях народов России и Северного Кавказа во второй половине XIX в. // Историческое регионоведение Северного Кавказа – вузу и школе (9-я всероссийская конференция). Ч. 1. Армавир, 2005.
11. Thomas M. Barrett. At the Edge of Empire. The Terek Cossacks and the North Caucasus Frontier. 1700-1860. Westview Press, 1999.

КАРЛАГ – ФИЛИАЛ ГУЛАГА

Шаймуханова Сауле Дюсетаевна

*к. и. н., профессор, Карагандинский государственный
технический университет, г. Караганда*

E-mail: sd_52@mail.ru

Гулаг начинает свою историю с дореволюционного периода России. Одним из первых очагов будущего ГУЛАГа был Соловецкий лагерь. За всю дореволюционную историю Соловков здесь побывало

316 узников. И ссылать сюда стали еще при Иване Грозном, с него и начиналась эта трагедия.

В 1923 году Соловецкий лагерь особого назначения начали окончательно формироваться и расширяться. Массовые репрессии начались сразу же после Октября 1917 года и продолжались до смерти И.В. Сталина.

Концентрационные лагеря времен гражданской войны были весьма примитивными и по своему режиму мало походили на лагеря 30-х годов. Было бы ошибочным ставить знак равенства между концлагерьями времен гражданской войны и сталинскими лагерями. Еще в 1929 году, по указанию И. Сталина был подготовлен план по развертыванию сети исправительно-трудовых лагерей в стране. 7 апреля 1930 года было принято специальное положение об этих лагерях.

В 20-30 годах на территории СССР концентрационные лагеря были организованы на Колыме, Магадане, Воркуте, Сибири, Урале, Казахстане и в других регионах.

ГУЛАГ, являясь огромной «империей» внутри Советского Союза, состоял из 53 лагерей, 425 исправительно-трудовых лагерей, в том числе 170 промышленных, 83 сельскохозяйственных 172 «контрагентных» (работающих на стройках и хозяйствах ведомств), объединяемых областными, краевыми, республиканскими отделами ИТК (ОИТК), и 50 колоний для несовершеннолетних [1].

Наряду с органами изоляции в систему ГУЛАГа входили так называемые «бюро исправительных работ» (БИРа), задачей которых являлась и изоляция осужденных, и обеспечение выполнения судебных решений в отношении лиц, приговоренных к отбыванию принудительных работ. Появление концентрационных лагерей на обширной территории страны произошло вместе с рождением советской власти.

Экономика принудительного труда, структура управления, категория заключенных и повседневный быт лагерников, положение женщин и малолеток, взаимоотношение заключенных и бытовиков, уголовных и политических, охрана, конвоирование, осведомительская служба, вербовка стукачей, системы наказаний и поощрений», работа больниц и медпунктов, различные формы умирания, убийства и несложная процедура похорон заключенных, - все это находит свое отражение в истории ГУЛАГа.

Сталинский террор при помощи судебных фальсификаций начался еще в конце 20-х годов, с так называемого «Шахтинского дела» и процесса, в которых старой инженерной интеллигенции была

отведена роль «козла опущения» за естественные сбои в форсированной индустриализации. Следующей социальной жертвой в начале 30-х явилось крестьянство, над которым в ходе насильственной коллективизации был учинен форменный геноцид (приблизительное число жертв – от 5 до 10 млн). Третий сталинский удар пришелся по партии, по ее старой гвардии. По разным оценкам количество фактически репрессированных колеблется в пределах 40–60 млн. человек. В годы коллективизации клеймили «врагов народа» определениями «кулак», «подкулачник» и т.п. В этом случае ясно, что «пришили» 10 миллионам крестьян (число спецпереселенцев по словам Сталина в беседе с Черчиллем). Кстати, по оценкам ряда исследователей истории спецпереселенцев и административных ссыльных, т.е. крепостных сталинской системы, было 22 млн. человек.

В истории ГУЛАГа есть часть нашей многонациональной судьбы. В одном из номеров газеты «Аргументы и факты» по ГУЛАГУ приводится следующий национальный состав заключенных. По состоянию на 1 января 1939 года среди 1 317 195 лагерных заключенных ГУЛАГа было 830 491 русских, 181 905 украинцев, 44 785 белорусов, 24 834 татар, 16 860 поляков, 24 499 узбеков, 19 758 евреев, 18 572 немца, 17 123 казаха, 11 723 грузина, 11 064 армянина, 9 352 туркмена, 4 874 башкира, 4 347 таджиков, остальные 96 948 человек принадлежали к более чем 100 другим национальностям [2]. В этом процессе правительство очень высоко оценило заслуги Ежова.

В системе ГУЛАГа существовало строгая классификация заключенных согласно совершенным преступлениям. Так, на 1 марта 1940 года в ГУЛАГе контингент заключенных составлял 1 668 200 человек. Из этого числа в ИТК содержались 352 тыс. человек, в том числе в промышленных и сельскохозяйственных – 192 тыс. По характеру преступлений заключенные распределялись следующим образом: за контрреволюционную деятельность – 28,7%, за особо опасные преступления против порядка управления – 5,4%, за хулиганство, спекуляцию – 12,4%, кражи – 9,7%, должностные и хозяйственные преступления – 8,9%, преступление против личности – 5,9%, расхищение социалистической собственности – 1,5%, прочие преступления – 2,7% .

С 1930 года по 1953 год по обвинению в контрреволюционной деятельности было арестовано 3778 254 человек из них 788 098 расстреляны. (Согласно справке, которую КГБ дал комиссии, созданной XX съездом КПСС по расследованию преступлений Сталина, с 1 января 1935 года по 22 июня 1941 года было арестовано 19 млн. 840 тыс. человек, из них расстреляно 7 млн.). За период с

1921 года по февраль 1954 года за контрреволюционные преступления было осуждено коллегией ОГПУ, «тройками НКВД», «особым совещанием», военной коллегией, судами и военными трибуналами – 3 777 380 человек, в том числе к высшей мере – 642 980, к содержанию в лагерях и тюрьмах на срок от 25 лет и ниже – 2 369 220, в ссылку и высылку – 765 18.

История Карлага неотделима от истории ГУЛАГа. Карагандинский исправительно-трудовой лагерь (Карлаг) был образован 19 декабря 1931 года, центр лагеря расположен в с. Долинское в 45 км от г. Караганды. Карлагу было отведено 120 тысяч га пахотно-пригодных земель, 41 тысяча га сенокосных площадей. Протяжение территории Карлага с севера на юг 300 км и с востока на запад – 200 км. Кроме того, на этой территории имелись два отделения: Акмолинское, расположенное в 350 км от центра лагеря, и Балхашское отделение, расположенное в 650 км от центра лагеря.

Одной из главных целей организации Карлага было создание крупной продовольственной базы для бурно развивающейся угольно-металлургической промышленности в Центральном Казахстане: Карагандинский угольный бассейн, Джезказганский и Балхашский медеплавильные комбинаты. Кроме того, для создания и развития этих отраслей промышленности необходима была рабочая сила.

Неверны представления о том, что Карлаг был организован на пустом месте, то есть в необжитой голодной степи Центрального Казахстана. По всей отведенной лагерю огромной территории существовали поселения казахов, русских, немцев и украинцев. Как известно, казахи испокон веков населяли эти земли, немцы, русские и украинцы переселились на эти земли в 1906-1910 гг. Село Долинка получило право самостоятельной поселковой единицы постановлением Акмолинского правления от 10 декабря 1909 г. К 1911 здесь проживало 2 630 человек – немцы, русские и украинцы.

На территории Карлага находились 4 тыс. казахских юрт с населением 80 тыс. человек, 1 200 дворов немецкого, русского и украинского населения. В 1930-1931 гг. началось принудительное выселение населения. Для этой «операции» привлекались войска НКВД. Немцы, русские и украинцы были переселены, главным образом, в Тельманский, Осакаровский и Нуринский районы Карагандинской области. Особенно трагично сложилась судьба казахов: из северной части отведенной лагерю территории многие из них были переселены в Караганду и ближайшие районы. Все это совпало с раскулачиванием, с конфискацией большого количества крупного рогатого скота, овец, лошадей и верблюдов.

Конфискованный скот передавался специально созданной организации «Восток мясо», совхозу «Гигант».

После выселения местного населения пустующие земли заняли многочисленные колонны заключенных. Они растекались по всей территории лагеря, строили железную дорогу, бараки для заключенных, скотопомещения, казармы для военной охраны, жилье для администрации.

Структура Карлага была довольно громоздкой: имелись многочисленные отделы: административно-хозяйственный (АХО), учетно-распределительный (УРО), контрольно-плановый (КПО), культурно-воспитательный (КВО), отдел кадров для вольнонаемных, снабжение, торговли, Ш - оперчеккистский, финансовый, транспортный, политотдел. Последний отдел Карлага ежемесячно отправлял в управление ГУЛАГа 17 видов отчетности, тем же самым занимался весь состав лагерной администрации.

Общая численность заключенных Карлага росло до 75 тысяч человек. Эти люди, выдержав срок испытаний лагерным режимом, пройдя через моральные и физические перегрузки, унижения, нашли в себе силы не озлобиться за незаслуженно учиненное над ними насилие, за вырванные из жизни лучшие годы. За весь период существования в Карлаге, как филиале ГУЛАГа, в среднем побывали более 1 миллиона заключенных, которые оставили неизгладимый след в истории Центрального Казахстана [3].

По Указу Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева от 31 мая 1997 года ежегодно стали отмечать - «День памяти жертв политических репрессий».

Список литературы:

1. Газета «Аргументы и факты», 1989. № 45
2. Архив УВД Карагандинской области. Св.6. Д. 18. Л. 22
3. Шаймуханов Д.А., Шаймуханова С.Д. «Карлаг» [монография]/ Д.А. Шаймуханов, С.Д. Шаймуханова. - Караганда, 1997.-10-19 с.

СЕКЦИЯ 3: ЭТНОГРАФИЯ

СВЯТОЧНЫЕ ИГРИЩА В БАШКОРТОСТАНЕ

Гареева Светлана Миясаровна

*аспирантка, Институт этнологических исследований УНЦ РАН,
г. Стерлитамак*

E-mail: SvetlanaMiassarovna@yandex.ru

Святые дни торжества от Рождества Христова до Крещения Господня длились 12 дней. Первая неделя называлась святками, а вторая – «страшные вечера»; она сопровождалась гаданиями и игрищами. По народным представлениям, это время надо проводить весело, в любви и согласии.

Обязательным элементом святок было ряжение. В русских селах на территории Башкортостана на святки было принято рядиться стариками и старухами, цыганами, солдатами; мазали лица сажей, надевали вывороченные наизнанку шубы и ходили по деревне, заходили в дома односельчан, разыгрывали импровизированные сценки, подшучивали над всеми, веселились. Как пишет Л.И. Брянцева, ряженные ходили по дворам, проказничали: закладывали кирпичами или тряпками печные трубы, переводили коров в соседские стойла, лазали по погребам, а пустые кринки из-под сметаны развешивали на заборах, подпирали снаружи двери в домах, пугали одиноких прохожих, надев белые рубахи или простыни, стучали ногами в окна, поднося к окнам пустую выдолбленную тыкву с прорезьям для глаз, рта и носа, освещённую изнутри свечой [3, с. 45-46].

Информаторы в деревнях Фёдоровка и Малиновка Белебеевского района рассказывали, что при появлении ряженных говорят: «Вон хари идут, разбегайся кто-куда». Вся эта ряженная ватага идёт по деревне, выбирает дом и просится в гости у хозяина, называя его по имени, отчеству: «Принимайте нежданных и незваных гостей». После утвердительного ответа толпа с шумом вваливается в избу, а гармонист ещё в сених начинает играть развесёлые частушки. Встречаются и двуязычные: на русском и мордовском языках или смешанные, когда переводчики не требуются. Оказавшись в доме, ряженные весело пляшут, поют, гадают, торгуются, попрошайничают и т.п.

Среди деревенских парней распространены всевозможные святочные шалости. Они могут сажей и губной помадой измазать лицо

хозяина и хозяйки, сделать небольшой беспорядок в доме, вытащить из дома хозяев и извлекать их в снегу. Всё это происходит со смехом, шутками, и хозяева на них не обижаются, а наоборот, вместе веселятся. Хозяева должны угадать каждого замаскированного, и только после этого узнанный открывает своё лицо [2, с. 42-43]. Участвовала в ряжении, в основном, молодежь, остальные были зрителями. Как правило, молодежь за это одаривалась печеньем, конфетами и деньгами [8].

Ряжение у народов Башкортостана было сходным, совпадало по времени проведения. Оно производилось осенью и весной, то есть в период, когда происходило изменение одного состояния природы в другое. У удмуртов было специальное время ряженных – тёрмаськон, то есть ряжение. В этот период люди надевали вывернутые шубы и шапки, менялись обувью, мазали лицо сажей, говорили и пели, меняя голос.

Ряжение было одним из запоминающихся моментов русского и украинского свадебного обряда. У украинцев хождение ряженных называли «цыганить». Постоянными персонажами этого карнавального шествия выступали цыгане, пастухи, врачи. «Цыгане» в прошлом воровали кур только у тех, кто гулял на свадьбе, варили из них лапшу. В настоящее время кур воруют редко [1, с. 223].

Ряженные на русской свадьбе появляются на второй день в картине поисков «ярки» – невесты после брачной ночи. Здесь мужчина переодевается невестой, а женщина – женихом. Ряженому жениху приклеиваются или подрисовываются усы, в головной убор втыкается искусственный цветок, щёки, как и ряженой невесте, раскрашиваются ярко красной краской. Фата и платье невесты сделаны сознательно грубо из подручных кусков, например, тюля. У неё на голове парик с длинными распущенными, плохо уложенными волосами. Ряженные жених и невеста нарочито подчёркнуто пародируют поведение настоящих новобрачных: садятся за стол в передний угол, целуются [5, с. 23-24]. Этот обряд присутствует на свадебных мероприятиях и сегодня. «Невеста» на свадьбе обязательно выглядит пышногрудой, вероятно, в подражание популярного сегодня певца Андрея Данилко в образе Верки – Сердючки.

Кроме ряженья, в святки проводились игрища (увеселения) молодежи.

Популярными в русских селениях Южного Урала были молодежные посиделки – «игрища». В прессе Оренбургской губернии игрищами называли «клуб деревенской молодежи, куда стекается она для увеселений в дни святых вечеров, то есть с первого дня Рождества

Христова до дня Крещения Господня включительно, и в дни храмовых престольных праздников, если торжество последних совершается в зимние месяцы» [4, с. 1-3]. Местом сбора обычно служила изба небогатой одинокой вдовы, расположенная на окраине селения, снимаемая группой парней вскладчину или двумя-тремя состоятельными, которые впоследствии пополняли внесенную сумму сбором с посещающих игрища односельчан. Плата не взималась с участников, пришедших из других селений, а также с молодоженов. Напротив, их принимали «как дорогих гостей, с особенным почетом, отводя им для сидения самые почетные места, прекращая до прихода их производившиеся танцы и предлагая прибывших открыть их» [4, с. 2]. Договоренность о найме осуществлялась до наступления праздников, а сам наем – в первый день торжества. Отдельная плата вносилась за осветительный материал – керосин или салютную свечу. По опросам информаторов, во многих русских селениях Башкортостана святочные посиделки устраивались «по очереди» и по возможности у разных хозяев.

Увеселения на игрищах состояли из танцев, игр и песен. Для этого на посиделки приглашали музыкантов – гармониста, балалаечника. Танцевали под песни в кадрили, «в парочки» (род кадрили), «голубца» и «круговую», «полечку», «под испань» [8], «краковьяк» и «сербиянку» [7].

Танцы проходили под сопровождение песен и сопровождение гармонистов. В руках у стерлитамакских девушек при танце находился платочек, обвязанный крючком ажурными узорами. Самый красивый платочек привлекал внимание окружающих. «Девушки с красивыми платочками форсировали, а некоторые смотрели на них с восхищением и завистью» [9]. Важной особенностью молодёжных танцевальных вечеров было то, что подготовка велась не только девушками, но и парнями. Причём «накануне они мыли голову, зачёсывали волосы назад, обвязывали их платком и спали полусидя, чтобы не испортить причёску» [10]. И ни в коем случае нельзя было прийти на вечер в нетрезвом состоянии, так как «никто с таким парнем танцевать не станет» [10].

Танцы сменялись играми, содержанием которых было соединение молодых пар. Несмотря на разнообразие, все они сопровождалась поцелуями. «Старинная» и очень распространенная на Южном Урале игра «хоронить золото» проводилась под слова песни: *«Уж я золото хороню! // Чисто серебро хороню, хороню! // Я у батюшки в терему, в терему, // Я у матушки в высоком, в высоком»*. При этом девушки ходили с кольцом: одна из них клала кольцо в руки

какого-нибудь молодца, а другая должна угадать, кому именно. Хор пел: *«Гадай, гадай, девица, // Отгадай, красавица! // В коей руке перстень, // В коей ручке золото»*. Если девушка угадывала, она, поцеловавшись с парнем, садилась на лавку, и другая занимала ее место. Если нет – песня пелась сначала, кольцо перепрыгивалось.

Играя «в соседку», каждый молодец наделялся девушкой, которая садилась рядом или ему на колени. Ведущая игру девушка – «десятник» – с лучиной в руках или небольшой палкой обходила всех и спрашивала: «Мил ли сосед?». Если мил – требовала их поцелуя, если нет – награждала ударами и искала замену до тех пор, пока один из играющих не скажет: «Всеми не доволен!». При этом возгласе все соскакивали со своих мест со сменой пар; «десятник» тоже пыталась занять чье-то место на лавке, а кто не успеет – ходил с лучиной [4, с. 1-3].

По воспоминания информаторов из Стерлитамакского района, любимой «поцелуйной» игрой молодежи была «скамейка». Парень с девкой садились на скамейку спиной друг к другу. На счёт «раз, два, три» он и она поворачивали голову. «Если в одну сторону голову повернём – значит, не будем целоваться, а если в разные – то обязательно нужно поцеловаться. А если не хотят целоваться – значит, наказывали ремнём или били по ладошкам обоих. Однако, все парни, чтобы не попало девушке, подставляли свои ладони, тем самым оберегали девушек от наказания» [6,9]. Такие игры в русских селениях «греховными» не считались.

По исследованиям В.Я. Бабенко, среди молодежных игр украинцев Башкортостана наиболее распространенными были «Мост», «Кольцо» и «Фантик». Их посиделки и игрища устраивались аналогично русским. На вечеринке девушки в будние дни пряли, вязали кружева, носки, варежки, вышивали, приходили с рукоделием. Здесь парни следили за работой девушек, выбирали себе невесту. «Робили на огляд», — говорили в с. Константино-Александровке Стерлитамакского района. В праздники девушки приходили без работы, приносили с собой продукты, парни — орехи, конфеты, иногда спиртное, и вечеринка устраивалась с угощением и играми [1, с. 215].

На игрища молодежь надевала лучшие наряды. Особенно нарядными приходили девушки на Крещение Господне, когда происходило высматривание невест. В различных губерниях России обряд назывался «дивьи смотрины», «большой смотр невест», «подольницы смотреть», в Башкирии – смотрины. Смотрины в Крещение, наряду с другими обрядами и развлечениями святочного

периода, являлись элементом предсвадебной обрядности и связующим звеном между календарными обрядами и обрядами жизненного цикла.

Взаимосвязь календарных и семейных обрядов прослеживается и в приуроченности свадеб к определенным датам. Они проводились чаще всего от Покрова (14 октября) до Михайлова дня (21 ноября) и от Филипповского поста до Великого поста. Время перед новым годом, когда особенно много было сватаний, даже называли «миланки». До сих пор родители молодых отказываются назначать свадьбу на пост, особенно Великий, считается, что это может принести несчастье. Молодые редко решают жениться в мае месяце, считая, что «всю жизнь будут маяться». Раньше отказ от устройства свадьбы в мае было связано также с так называемым межсезоньем в обеспечении продуктами питания.

По опросам информаторов, ведущим мотивом для вступления в брак не только сейчас, но и раньше была взаимная любовь, общие интересы, дружба, которые не имеют ничего общего с материальным расчетом и выгодой. До революции и в первые годы советской власти, бывало, девушку отдавали замуж за нелюбимого, а юношу женили против его воли, исходя из имущественного положения девушки, ее трудоспособности. Чтобы не допустить такой ситуации, иногда девушка выходила замуж «уходом», т.е. убежала к любимому или же парень выкрадывал девушку по ее согласию. Это происходило в башкирских, татарских и русских селениях, но запрещалось в мордовских и чувашских. Демократизация семейного быта, рост авторитета детей в семье в XX столетии привели к еще большей значимости взаимных чувств и желаний молодых при выборе брачных партнеров, а, следовательно, усиливалась роль и значение молодежных игрищ.

Игрища служили местом встречи и общения молодежи, и пользовались популярностью. Препградой не была теснота помещения, спертость воздуха и дым махорки. По описаниям местной прессы 1890-х гг., в избу 6 аршин в ширину и столько же в длину порой вмещалось до 30–40 человек и более. Молодежь сидела на лавках, стояла, располагалась в кути, «на грядках» – на полках вдоль кути. Зрители сидели на печи, на полатах (подростки). Парни время от времени выходили в сени, где, к сожалению, угощались водкой, «появившейся на игрищах с недавних пор» [4, с. 3].

По полевым исследованиям, святочные увеселения активно проводились на территории Башкортостана вплоть до середины XX в., о чем сообщили информаторы Дуванского, Кугарчинского,

Зилаирского, Стерлитамакского, Аургазинского, Архангельского, Альшеевского, Гафурийского и других районов. Некоторые традиции сохранились до наших дней.

Период Святков для русского (и нерусского) населения Башкортостана и всего Южного Урала был одним из самых любимых и насыщенных на яркие и разнообразные события. Гадания, игрища, песни, танцы, обходы домов ряженных, – все сопровождалось праздничной интонацией и всплеском положительных эмоций. Своими активными действиями парни и девушки были призваны «разбудить» Природу после зимнего сна, подготовиться к предстоящим сельскохозяйственным работам, решить вопросы заключения брачных союзов. Святочные обряды в Башкортостане и на Южном Урале продолжали традиции русских – выходцев из разных губерний России. На территории Башкортостана они сохранялись до середины XX столетия, а в последние годы реанимируются усилиями работников культуры и образования.

Список литературы:

1. Бабенко В.Я. Украинцы в Башкирской ССР: Поведение малой этнической группы в полиэтничной среде [Текст] / Башкир. респ. товарищество почитателей украинской культуры «Кобзарь»; Башкир. респ. общественный центр украинистики; Ин-т ист., яз. и лит. УрО РАН. – Уфа, 1992. – 260 с.
2. Байдакова О.Н. Современное состояние зимних календарных обрядов и сопровождающего их фольклора (по материалам г. Белебея и Белебеевского района): Дипломная работа [Текст] / СГПА им. З. Биишевой. – Стерлитамак, 2007.
3. Брянцева Л.И. Русские обряды и обрядовый фольклор зимнего календаря (по материалам экспедиций Башкирского университета) [Текст] // Фольклор народов РСФСР: Межвуз.науч. сб.. Уфа. 1985. С. 45-46.
4. Дольский казак. Игрища, устраиваемые в казачьих поселках Челябинского уезда [Текст] // Оренбургский край. 1894. № 1.
5. Карпухин И.Е. Свадьба русских Башкортостана в межэтнических взаимодействиях [Текст] / Стерлитамакский гос. пед. ин-т; РАН, Уфимский науч. центр, Ин-т ист., яз. и лит. – Стерлитамак, 1997. – 239 с.

Информаторы:

6. Анохина Ольга Ильинична (1935 г.р.), д. Рязановка Стерлитамакского района.

7. Гагарина Анастасия Даниловна (1925 г.р.), с. Петровское Ишимбайского района.
8. Дмитриева Клавдия Андреевна (1924 г.р.), д. Уваровка Гафурийского района.
9. Тарасова Галина Семёновна (1938 г.р.), г. Стерлитамак.
10. Черномырдина Любовь Ивановна (1949 г.р.), д. Русский Саскуль Гафурийского района.

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ЧУВАШСКИХ ПРАЗДНИКОВ И ОБРЯДОВ

Семенова Татьяна Витальевна

аспирант ЧГУ, г. Чебоксары

E-mail: tanya-010383@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 11-31-00749м).

Территория Симбирской губернии относилась к крупной Поволжско-Приуральской историко-этнографической области, чье своеобразие формировалось на протяжении длительного времени под влиянием различных исторических факторов. Как и другие губернии этого региона, Симбирская губерния отличалась весьма неоднородным этническим и конфессиональным составом населения. В то же время, она обладала своими неповторимыми чертами. В Симбирской губернии концентрировалась основная масса чувашского населения. Главным образом, это были низовые чуваша-анатри, в культуре которых сохранились некоторые архаичные древнетюркские черты. На основе изучения дореволюционной периодической печати, а в частности, Симбирских губернских ведомостей и Симбирских епархиальных ведомостей, которые стояли в ряду наиболее ценных местных изданий Российской империи, предполагается изучение чувашского праздника *синсе* и общенародного полевого моления *учук*.

Синсе – древнейший чувашский народный праздник в честь богини *Сёр амйш* «Матери земли». Считали, что земля в это время зачата, и следует соблюдать покой и тишину. Время *синсе* напрямую зависело от календаря земледелия и начиналось через две-три недели

после окончания посева яровых и посадки овощей. Это пора колошения и цветения ржи [5, с. 120-121]. Описание этого праздника есть у А. Иванова [3], Ф. Виноградова [1] и у Н. Новурского [4].

Праздник *синсе* не везде одинаково и в одно время праздновался чувашами. В некоторых местах его начинали праздновать с понедельника после Святой Троицы, т.е. со дня Святого Духа и празднование продолжалось до следующего понедельника. В других местах *синсе* начинали праздновать со следующего воскресенья после Святой Троицы, т.е. с недели «Всех святых» и продолжали до 20 июня. В этих местах *синсе* праздновали не ежедневно, а только по воскресным дням и пятницам [3, с. 758].

Запреты – отличительный признак данного праздника. Объявляя *синсе*, напоминали, чтобы незавершенные дела до праздника завершили, а также перечисляли основные работы, которые нельзя проводить. С наступлением *синсе* все сельчане своим поведением старались выразить уважительное отношение к земле-кормилице. Практически налагался запрет на всякие работы, даже на необходимые. Особенно соблюдали запреты по отношению к земле. В поле даже не выезжали. Дома также не производили никаких земляных работ, чтобы ее – беременную – не тревожить: не пахать, не вбивать колья, не рыть погреба, ямы, не ставить столбы и даже не наступать на землю голыми ногами. Были и другие запреты по отношению к земле. Например, нельзя было вывозить навоз, косить и рвать траву, полоть, а мальчикам запрещали давать все зеленое (лук и т.д.). Во все продолжение праздника нельзя было разводить огонь, хлеб выпекали заблаговременно, также нельзя было белить печку и чистить сажу. В эти дни не подобает строить и перестраивать дома и другие строения, залезать на крыши и другие высокие места, даже перелезть через ограду. Запрещалось топить бани и мыться, поэтому мылись накануне. В перечне запретов – недозволение красить нитки и концы женских поясных подвесок *саря*, а также ткать, отбивать холсты, валять рубашки. Запрещалось стирать белье, особенно шерстяные и цветные рубашки. Налагался запрет даже на пение в дневное время, поэтому на хороводы собирались только с вечера. Население и выборные ходили по деревне и следили, не совершает ли кто-либо запрещенные действия [5, с. 122].

Считалось, что в случае пожара, засухи, неурожая, падежа скота и других бедствий сам *Туря* (Бог по-чувашски *прим. авт.*) наказывает их за непочтение праздника *синсе* [3, с. 757].

Основной смысл праздника *синсе* заключался с согласованием образа жизни человека с циклом земледелия. По мнению блюстителей

этих традиций, земля – живая, она ничем не отличается от человека. Землю-кормилицу ассоциировали и уподобляли с женщиной-родительницей.

Самым торжественным днем праздника *синсе* считался тот, в котором совершалось общенародное полевое моление *учук*. Цель *учук* – благодарение за выращенный урожай и просьба о будущем урожае, о благополучной зимовке скота и дальнейшем приплоде, пожелание здоровья и достатка всем. Адресатами являются *Турй* и другие божества, ответственные за хлебные растения [5, с. 74]. Описание этого моления встречается также у Я. Высокого [2], Н. Новрусского [4]. Все описания *учука* идентичны, так как это моление совершалось везде одинаково и со временем мало изменилось. Моление совершалось или в священной роще, или рядом с источником воды у оврага, родника или речки, но всегда на одном определенном месте. Старики держали совет о том, какое животное резать в жертву и где купить. Накануне вся деревня мылась в бане, а утром все наряжались по-праздничному. А. Иванов считал, что главным в этом молении была жертва (Богу и Божией Матери) из скота: самца и самки попеременно, по очереди через год. Например, если нынешним летом закалывают Богу – быка, а Божией Матери – ярку, то в следующем году: Богу – барана, а Божией Матери – телку. Некоторым земным божествам (злым духам) приносили в жертву гусей, уток, ягненка, лепешки *юсман* (маленькие пресные лепешки *прим. авт.*) и кошку [3, с. 758]. Принесение в жертву кошки вызывает большое сомнение, потому что в других источниках мы эту информацию не встречали. Животные для жертвоприношения покупались вскладчину и не торгуясь. Когда жертвенное животное приводили к заколу, «предстоятель» из стариков лил на спину животных воду. Говоря: «Помилуй, Боже! Всем черным людом, всей деревней – семьей, сею жертвою Тебя поминаем, под кров твой прибегаем. Помилуй!» [3, с. 758]. Если животное встрепенется, то это был знак, что жертва угодна Богу и его закалывают, в противном случае заменяли. Всех закланных животных варили отдельно без всякой примеси, а в их бульоне варили кашу. Мясо делили всем поровну, голову быка брал главный совершитель моляны, головы остальных животных – старики. Все кланялись в землю три раза. Предстоятель читал молитву: «Уроди ты, Боже, хлеба нам безобидно, хватило бы его нам на год круглый. Посеяв в поле семи видов зерна хлеба, (просим) сподоби Боже, от каждого посеянного зерна получить тысячу зерен. Аминь, помилуй, Боже!». Далее священник А. Иванов приводит и другие моления, совершаемые на *учук* [3, с. 759]. В своих молитвах люди просили доброго урожая, уберечь их от воров, злых

духов, мира в семье, здоровья себе, домочадцам и скотине. При первом поклоне держали чашку с куском бычьего мяса, обращались к существу высшей власти; при втором поклоне брали мясо барана, обращались к существам средней власти; затем, при третьем поклоне с куском гусятины обращались к существам меньшей власти. При всех трех поклонах произносились те же самые слова, но, к сожалению, их текст не указан. После моления чувашки разделялись на роды и садились, образуя круг; среди этого круга совершитель моляны – «предстоятель», при помощи почтенных и уважаемых лиц, разносил в котлах бульон и кашу с мясом и раздавал эту пищу каждому семейству, по числу его членов. После трапезы молодые отходили от места моления и начинали играть, а остальные принимались за питье пива, привезенного из дома. Кости животных тут же сжигались на костре, а огонь потом заливался. Но в некоторых местностях, название которых автор не упоминает, кости животных не сжигались, а бросались в воду, а головы жертвенных животных вешались на деревьях – это служило знаком для проходящих, что на этом месте совершен *учук*. Вечером все возвращались домой и остатки пищи брали с собой; эти остатки съедались дома теми, кто по какой-то причине не мог присутствовать при совершении этого моления [3, с. 763-764].

Древний чувашский праздник *синсе* и общенародное полевое моление *учук* имели широкое распространение до начала XX века в том виде, в котором его описывали на страницах Симбирских губернских ведомостей и Симбирских епархиальных ведомостей священник А. Иванов, Ф. Виноградов, Н. Новрусский и Я. Высокий, а затем постепенно исчезли. Все вышеназванное носило описательный характер без каких-либо выводов и анализов происходящего. Вызывает сомнение и описание некоторых действий, так как авторы не упоминают, присутствовали ли они лично при проведении обряда, или это записано с чьих-то слов. Известно, что чувашки неохотно допускали на проведение своих обрядов «чужаков», а особенно представителей русской православной церкви, и могли для них совершать специальное постановочное действо. Тем не менее, информация, представленная на страницах периодической печати Симбирской губернии, имеет особое значение как исторический источник для изучения традиционной культуры чувашей, краеведения, региональной и локальной истории.

Список литературы:

1. Виноградов Ф. Следы язычества в домашнем обиходе чуваш // Симбирские губернские ведомости. – 1897. – №54.

2. Высокий Я. Чувашский праздник Учук // Симбирские губернные ведомости. – 1867. – №33.
3. Иванов А. Чувашский праздник «Синзя» и полевое моление о дожде и урожае «Учук» // Симбирские епархиальные ведомости. – 1897. – №19. – С. 64-79.
4. Новрусский Н. Старинные чувашские верования // Симбирские епархиальные ведомости. – 1899. – №9. – С. 326-332.
5. Салмин А.К. Система религии чувашей. – СПб.: Наука, 2007. – 654 с.

ТРАДИЦИОННЫЕ МУЧНЫЕ ИЗДЕЛИЯ В СИСТЕМЕ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ ЧУВАШЕЙ И МАРИЙЦЕВ

Сергеева Евгения Валерьевна

*младший научный сотрудник отдела этнологии и антропологии
Чувашского государственного института гуманитарных наук,
г. Чебоксары*

E-mail: evgenjaserg@yandex.ru

Статья выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 11-11-21601 е/В.

Благодаря сходным природно-климатическим условиям и распространению единого хозяйственно-культурного типа у народов Среднего Поволжья сформировались сходные наборы блюд, которые обладают общими чертами. Культуру питания чувашей и марийцев можно назвать «пшеничной» моделью питания — это прежде всего сочетание зерновых (мучных) и молочных продуктов [3, с. 15–16]. Тестяные изделия у названных народов условно можно разделить на кушанья без начинки и разнообразные пироги, т.е. изделия с начинкой.

В системе жизнеобеспечения чувашей и марийцев хлеб занимает важное место. Традиционной сырьевой базой для выпекания хлеба как у чувашей [10, с. 383], так и у арийцев [13, с. 80] главным образом была рожь. Отличия прослеживаются в технологии приготовления: у чувашей она включала замешивание теста, квашение и выпечку [10, с. 384], у марийцев хлеб и мучные изделия чаще всего бездрожжевые [9, с. 282]. Этимологические соответствия чувашскому

названию хлеба *сăкăр* можно найти в трех группах языков: финно-угорских, иранских и тюркских: в марийском языке *сыкыр* или *сукыр* [7, с. 20]. Несмотря на то, что хлеб являлся основой питания, он еще имел высокий статус и являлся одним из обрядовых кушаний. Трудно назвать обряд, где бы не использовался хлеб. У чувашей в качестве неотъемлемого жертвенного дара он наиболее активно употребляется в *чүклем* (специально готовили каравай из зерна нового урожая), *мункун*, по случаю рождения ребенка (обязательно было наличие целого хлеба), на свадьбе, в *юпа* и др. Наибольшей совместимостью с ритуальным хлебом отличаются сырок, пиво и соль. Отметим, что и у марийцев зафиксированы следующие виды совместимости «хлеб+соль+вино+масло», «хлеб+пиво+вино» [7, с. 24].

У марийцев, как и у чувашей, к нему воспитывалось бережное, почтительное отношение. Непочатый каравай хлеба был символом благополучия и счастья, без него не обходился ни один праздник, обряд. Специально хлеб выпекался для молений, сватовства, свадьбы, похорон, поминок, «на зубок» новорожденному [8, с. 89]. Почтительное отношение к хлебу нашло отражение в поговорках: марийское «*Киндылан нимо ок иу*» (с хлебом ничто не сравнится), «*Кинде деч кугу от лий*» (выше, важнее хлеба не будешь) [13, с. 80] — чувашское «*Сăкăртан аслă ан пул*» (не будь старше хлеба).

Чуваши и марийцы довольно часто готовили разнообразные блины, булочки. У чувашей из кислого хлебного теста готовились на горячих углях в сковороде лепешки *сүхү* и *кăвас икерчи*, лепешки *капăртма*, и небольшие каравайчики *хăпарту*, а из пресного — пышные лепешки *пашалу* [10, с. 384]. Из теста, предназначенного для выпечки хлеба, марийцы предварительно пекли два вида лепешек на раскаленной сковороде: из незамешенного жидкого теста (*оварчык*, *аварцы*) и из замешенного, крутого (*салмагинде*, *селмăгинды*) [13, с. 80], из ячменной муки готовили пресные круто замешанные лепешки *эгерче*, блины *мэльна* [4, с. 534].

Все эти упомянутые мучные изделия имели ритуальный характер. К примеру, у чувашей размеры ритуальных лепешек были разные — маленькие и большие, в количественном отношении — от одного до множества (на *учук* в каждом доме пекли по одной лепешке, две лепешки — для духа *Шыври*, тремя лепешками справляли обряды *Киреметю*, *мемеле* и *карта пăтти*) [7, с. 15]. У марийцев блины также являлись празднично-обрядовым блюдом. Ими угощали гостей, пекли для молений и жертвоприношений, свадебных и поминальных обрядов. Во время свадьбы в доме жениха молодоженам в первую очередь преподносили блины и пиво. На следующий день невеста

должна была испечь свадебные блины. Оладьи клали с покойником в гроб в качестве подарка умершим родственникам [13, с. 80].

Ритуальное значение у чувашей имело *ййва* — сдобное печенье без начинки, шарики диаметром в 2—3 см из разных сортов муки, кроме ржаной. Его подавали к чаю, им угощали, оно являлось лучшим лакомством для детей [10, с. 384]. У марийцев также были аналогичные кушанья-лакомства — вареные в масле клецки в виде шариков или мелких лепешек *у́яча, у́яцä* из сдобного овсяного, ячменного и пшеничного теста (пресного или кислого) с добавлением сырых яиц [13, с. 82]. Как у чувашей, так и у марийцев, готовили эти «колобки», «орешки» на святки [11, с. 126–127; 2, с. 177].

Из изделий с начинкой у чувашей и марийцев нужно отметить следующие традиционные печения. Распространенным праздничным блюдом у чувашей был *пўремеч*, у марийцев — *перемеч, туаткал, шаньга* — это разновидности ватрушки с различными начинками, обычно с творогом или картофелем, с добавлением масла или сметаны, толченых семян конопли, ягод [13, с. 81].

Следующими традиционными тестяными изделиями народов были разнообразные пироги, которые выпекались в основном для праздничной трапезы. К примеру, у чувашей — *хуплу (пелёш)*, у марийцев — *краваец, палыш*. *Хуплу* пекли из пресного сдобного теста, а для гостевой трапезы — с добавлением молока и яиц со сложной начинкой. Первый слой начинки состоял из полусваренной каши или мелко накрошенного картофеля, второй — из мелко рубленого мяса (гуся, утки или другого животного), третий из слоя жирного мяса или сала. *Хуплу* пекли в русской печи на сковороде, выдерживали долго. Разделка этого блюда и способ его приема составляли своеобразный обряд [5, с. 287]. Среди финно-угорских соседей чувашей пироги типа *хуплу-белеш* не нашли широкого распространения [12, с. 168]. Но среди горных марийцев в качестве праздничного кушанья известен круглый пирог *кравец* с мясо-крупяной начинкой, заимствованный от местных русских, у которых он назывался «караваец». Марийцы, живущие по соседству с татарами, пекли пирог *палыш* с начинкой из мяса и сала с крупой [13, с. 81].

Обычные пироги у чувашей и марийцев можно разделить на вареные и печеные. У чувашей вареные пироги носят название *хуран кукли* (род пельменей, вареники), у марийцев — *подкогыльо, падкагыль* (котловые пироги). *Хуран кукли* и *подкогыльо* являются традиционными блюдами чувашей и марийцев, варились они в котле с начинкой из творога с сырыми яйцами и маслом или толченого картофеля с маслом, либо из зеленого лука, либо мяса. Ели их, окуная

в топленое масло [10, с. 385; 13, с. 82]. Печеные пироги *кукӑль* (чув.) и *кагыль* (мар.) имели самую ранообразную начинку, в большинстве случаев сезонную. Осенью пекли пироги с капустой, свеклой и морковью, зимой — с мясом, картофелем [10, с. 385], иногда из сушеных ягод, которые запасались с лета и начала осени [6, с. 148], летом — с яйцами, творогом, ягодами [10, с. 385; 13, с. 82]. Аналогичны были пироги у марийцев, кроме того, в рационе питания присутствовала дичь, рыба [4, с. 534]. Пироги, в основном, были праздничными блюдами, а не ритуальными.

Если говорить о заимствовании блюд, то отметим такой факт. В ходе полевых исследований в Шемуршинском районе Чувашской Республики выявлено тестяное изделие *кӑстрӑмпи* — типа современных сочной [1]. Аналогичные изделия из муки пекли и марийцы — *кыстывы* [13, с. 81]. Это блюдо чуваша и марийцы переняли у татар.

В современном хлебопечении почти не сохранились изначальные способы приготовления хлеба, в большинстве случаев он является покупным. Но все же, на праздничный стол чувашские и марийские хозяйки стараются приготовить традиционный круглый хлеб. Другие тестяные изделия выходят из употребления, что объясняется сокращением и прекращением возделывания некоторых зерновых культур (полба, просо, конопля), изменением вкусовых предпочтений, появлением предприятий общественного питания. Но, все же, имеющиеся материалы свидетельствуют о том, что на протяжении веков чувашско-марийские связи оставили отпечаток на материальной и духовной культуре.

Список источников и литературы:

Источники:

1. ПМА, 2009. Полевые материалы автора в Батыревский, Комсомольский, Шемуршинский, Яльчикский районы Чувашской Республики.

Литература:

2. Календарные праздники и обряды марийцев // Этнографическое наследие. Вып. 1: Сб. материалов. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2003. 286 с., илл.
3. Кулинарные традиции мира. М.: «Аванта +», 2003. 432 с.
4. Народы Европейской части СССР. Этнографические очерки: В 2-х т. Т. 2 / Под ред. В.Н. Белицер. М.: Наука, 1964. 920 с.

5. Никольский Н.В. Собрание сочинений. Т.1. Труды по этнографии и фольклору чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. 527 с.
6. Никонова Л.И. Традиционная медицина тюркских народов Поволжья и Приуралья как часть системы жизнеобеспечения. С. 148.
7. Салмин А.К. Традиционные обряды и верования чувашей. Спб.: Наука, 2010. 240 с.
8. Современная этническая культура финно-угров Поволжья и Приуралья / Отв. ред. Н.Ф. Мокшин. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2002. 140 с.
9. Четкарева Р.П. Традиционная пища и кулинарное искусство народа мари // VI конгресс этнологов и антропологов. Тезисы докладов. Спб.: МАЭ РАН, 2005. С. 228.
10. Чуваши: история и культура. В 2-х т. Т.1. Чебоксары: Чуваш. кн.изд-во, 2009. 415 с., ил.
11. Чуваши: история и культура. Т.2. В 2-х т. Т.2. Чебоксары: Чуваш. кн.изд-во, 2009. 335 с., ил.
12. Этническая история и культура чувашей Поволжья и Приуралья. Чебоксары: ЧНИИ, 1993. 268 с.
13. Этнография марийского народа: Учебное пособие / Сост. Г.А.Сепеев. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 2001. 184 с., ил.

ОБРЯД КРЕЩЕНИЯ В ЖИЗНИ АРМЯН МОРДОВИИ

Шевцова Анна Александровна

*к.и.н., ст. н. с. Московского института открытого образования,
г. Москва*

E-mail: ash@inbox.ru

В данном сообщении автор вводит в научный оборот новые полевые этнографические материалы, полученные в 2008-м – январе 2011 гг. в семьях армянских мигрантов в Республике Мордовия (РМ) в ходе комплексной этнографической экспедиции НИИ гуманитарных наук при Правительстве РМ (руководитель – проф. Никонова Л.И.). В ходе структурных этнографических интервью с респондентами – горожанами и сельскими жителями из среды молодой армянской общины региона – была собрана информация о традициях и

трансформациях в различных сферах этнической культуры, в том числе посвященная семейной обрядности и духовной жизни.

Одна из зафиксированных нами любопытных особенностей современной семейной обрядности армянских мигрантов – сочетание в ней христианских таинств (крещение – *кнунк, мкртутюн*) и архаических дохристианских элементов – примет, поверий, запретов, оберегов. Как известно, в армянской культуре множество древних сакральных обрядов связано со стремлением обеспечить продолжение рода, рождение здорового потомства. Бездетность и сейчас армяне считают величайшим несчастьем, говоря: «Семья без детей – пустой очаг» [ПМА 8]. Если в семье долгое время не рождаются дети, и в наши дни прибегают к обряду жертвоприношения – *матах*, букв. – «поднести соль» [ПМА 7]. Это не только принесение дара Богу, но и благотворительная трапеза. Матах проводят в дни больших праздников, при освящении церкви или каменных крестов-хачкаров, благодаря Господа за избавление от несчастья или ниспослание благополучия, ходатайствуя за упокоение душ усопших, в искупление грехов. Для этого после церковной службы животным, предназначенным для забоя, давали особым образом освященную в церкви соль, и ее же добавляли в воду при варке мяса. Занимаются забоем скота, разделкой туш только мужчины. Для жертвоприношения необходимо два компонента: жертвенное животное (бычок, баран, петух или голубь) и соль. Свинью в жертву приносить нельзя. Когда закалывают бычка, его мясо раздают в 40 домов, барана – в семь домов, петуха – в три дома, а голубя просто выпускают в небо [5, с. 47]. Мясо не должно оставаться на следующий день. Жива память об обычае, по которому жертвенной хашламой нужно вначале угостить семерых незнакомцев, а уж потом родню, друзей и соседей [ПМА 9].

Во время самого свадебного ритуала есть немало обрядов, призванных обеспечить молодой семье рождение наследника. Армяне Мордовии помнят об обычае, когда невесте, уже после того, как она переступает порог дома мужа, сажают на колени маленького мальчика, для которого она заранее готовит подарки (игрушки, вязаные носочки, орехи) [4, с. 183; ПМА 2].

На рождение малыша друзья и родные дарят подарки: одежду, деньги, золото. Женщинам, ожидающим ребенка, все помогают, не разрешают поднимать тяжести и освобождают от тяжелой работы. Не разрешают выходить на улицу ночью, особенно лунной («ребенок испугается»). Ни в коем случае беременных нельзя пугать или ругать. В роддом приходят родные, близкие, соседи, приносят сладости,

фрукты. 40 дней после рождения ребенка ни мама, ни малыш «солнца не видят» – то есть из дома не выходят и никому не показываются [ПМА 6, 9, 10]. В старину рядом с колыбелью горел светильник (вера в очистительный огонь). Если ребенка всё же было необходимо вынести из дома, мать всегда имела при себе в качестве оберега железный предмет, а на одеяльце малыша клали кусочек угля или хлеба [4, с. 191].

А.Е. Тер-Саркисянц описывает немало магических способов сохранения жизни и здоровья больному или ослабленному новорожденному [4, с. 190–190], однако нам подобных представлений в среде армянских мигрантов зафиксировать не удалось – большинство из них утрачены. Одна из пожилых женщин вспомнила несколько поверий, согласно которым, когда в семье умирали дети, *таммерь* (повитуха) могла принять ребенка в решето, «выкупить» его у болезни, а сам новорожденный носил рубашку из лоскутков или даже получал особое «защитное» имя – либо мусульманское, либо «останавливающее смерть», такое как Мнадакан («Остановись!») [ПМА 6].

Армяне Мордовии сохранили представление об обереговом и сакральном значении соли, поэтому и в наши дни ребенка (правда, уже после того, как его принесут из роддома) купают в подсоленной воде или слегка присыпают солью [5, с. 47; ПМА 8]. Услышав весть о прибавлении в семействе, близкие родственницы спешат навестить роженицу со специальным угощением *хавиц* – из поджаренной на масле пшеничной муки с сахарным сиропом, медом и сливками [ПМА 6] и поздравлениями *ачкед луйс* («свет твоим глазам») [ПМА 8]. Женщине также дают свежий хлеб, вымоченный в красном домашнем вине, чтобы не пропало молоко. Через 40 дней накрывают большой стол, все родные, близкие, соседи несут малышу подарки (детскую одежду, игрушки, крестные – золотой крестик). Отношения с соседями близкие: «брат может жить далеко, а сосед – всегда рядом, и в горе, и в радости» [ПМА 2].

Малышу обязательно дарят золотой амулет, предварительно заговоренный родной бабушкой, и надевают ему на ручку как браслетик. На «первый зубик» зовут родню. На стол раскладывают яркие блестящие конфеты, в отдельную посуду насыпают зерна пшеницы, ржи, пшено. Когда гости сидят за столом, приготовленным зерном осыпают головку ребенку. Особенную радость вызывает, когда ребенок пытается тянуть эти зерна в рот – вырастет здоровым [ПМА 6]. На стол ставят водку, раскладывают деньги, книги, нож, рукоделие, ключи от машины и пр. и смотрят – за чем ребенок

потянется, то он и будет иметь в жизни (богатство, образование и и т.п.). «От сглаза привязывали на ручку шерстяную нитку, бусинку с «глазком». На первый зубок собирали небольшой праздник» [ПМА 9]. Обычай первой стрижки волос почти забыт.

Обряд крещения (*кнунк*, *мкртутюн*) должен происходить в церкви, не ранее чем через 40 дней рождения (нередко значительно позже). В исключительных случаях допускается проводить его дома, причем духовенство Армянской Апостольской церкви призывает: «Крещение нельзя воспринимать как национальную традицию или повод для веселья, но, необходимо, в первую очередь, серьезно подготовиться к его принятию» [3, с. 21]. Наши полевые материалы показывают, что большинство информантов видят в крещении и то, и другое, и, разумеется, третье – таинство приобщения к вере. Перед крещением нудно приготовить крести и *нарот* – шнурок, свитый из белой и красной нити, и полотенце, которое потом будут бережно хранить в семье [ПМА 7]. После таинства крещения сразу же совершается таинство миропомазания [3, с. 22]. Крестный отец (*кавор*) и крестная мать (*каворкин*) играют потом большую роль в жизни детей [ПМА 2, 5]. Важно, что *кавор* обязательно должен быть крещеным в Армянской церкви. *Кавор*, как и русский крестный, богато одаривает крестника. Но если по русской традиции, крестный и крестная (кум и кума) не должны состоять в браке, в армянской традиции, *кавор* и *каворкин* – это именно муж и жена.

Сейчас сроки крестин у армян соблюдают не так строго. Например, Левон и Тамара Саргсян (Саранск) крестили своих четырех дочерей, когда старшие уже были подростками. В семье Мардоян (Ромодановский р-н) крестили одновременно сыновей-подростков Серана и Серёжу «у русского батюшки». Единственной армянской чертой крестин было домашнее застолье с непременно атрибутом – большим тортом с выложенным из зефира крестом [ПМА 5]. Крещение в один день сразу нескольких детей характерно не только для армян *сторка* (диаспоры), но и для армян Айкастана. [4, с. 193].

Крестины, также как и рождение ребенка, должны сопровождаться *матахом* – ритуальным жертвоприношением. «Крещение – одно из самых важных событий в жизни армянина, – пишет в своем очерке Петр Вайль, которому довелось наблюдать обряд крещения в Гегарде в 2007 году. – Крестят сразу двоих – Маринэ и Тиграна. Мы тут же получаем приглашение в гости. Но сначала – обряд. Идет крещение в церкви, а потом у двух хачкаров имитируется жертвоприношение: привезенной с собой рыжей овце вкладывают в рот щепотку соли. Парнокопытному предстоит прожить ровно

столько, сколько времени понадобится на дорогу к дому. <...> Сегодня за столом – более 60 человек, и это только самые близкие» [2, с. 214].

Рассказывает жительница Саранска Ирина Гаспарян: *«Мы крестили сына Юру в возрасте 4-х мес. в Лямбирском районе, по православному обряду. Но крестины были шумными, широкими – не менее 300 гостей. У армян так принято, а для Мордовии это совершенно невероятно – такое количество народу! Отец Гарика, впрочем, сказал: «Это разве много? Только самые близкие, вот в Армении больше народу приходит. Это раз в жизни – крестины!».* *Арендовали школьную столовую, пригласили родню из Армении, друзей со всех концов Мордовии, были пляски под армянские и российские мелодии, обильное угощение, в том числе, конечно, армянские блюда»* [ПМА 1].

Нередко детей крестят в храмах русской православной церкви. Так, Герасим Когосян крестился сам, уже будучи взрослым, и крестил своих детей в одном из православных храмов в РМ [ПМА 4]. У армян РМ пока нет своего прихода, для совершения таинств и отправления треб ездят либо в соседний регион – Пензу, либо в Москву, если есть средства – на родину. Рассказывает выходец из тбилисского района Авлабара, исторически заселенного армянами, ныне житель Рузаевки С. Камалян: *«Крестили детей в армянской церкви в Тбилиси, когда младшему было 8 месяцев, а старшему – 4 года. Так хотела моя мама, она мечтала увидеть этот обряд, самой в нем участвовать. Это же большое событие – раз в жизни бывает!».* Известный в Саранске врач Иосиф Цатурян принял крещение в 33 года в духовной столице Армении – Св. Эчмиадзине. Мордовское отделение Союза армян России, по примеру земляков из Нижнего Новгорода, собирается открыть в Саранске армянский храм: *«Даже будучи далеко за пределами родной земли, армяне воздвигают храмы. Строящийся храм Аменапркич (Христа Спасителя) – это бальзам на душу, надежда на будущее»* [1, 27].

Традиционно у армян при обряде крещения ребенка нарекали именем в возрасте одной недели от роду [4, с. 193]. Имя родители придумывают еще до рождения ребенка, но никому не говорят, держат в секрете. *«Принимают в этом участие и муж, и жена, часто называют по имени деда или бабушки, неважно при этом, живы они или уже ушли»* [ПМА 9]. Эта традиция «продлевает» жизнь старинным армянским именам. Имени и по сей день придают символическое значение, ведь большинство армянских имен, как мужских, так и женских, можно «перевести» (например, Ашот – надежда мира, Гагик – небесный, Ерванд – святая вера, Ануш – сладостная, Аревик –

солнышко, Сирун – красивая, Шагане – кроткая и т.п.) Мальчиков также называют в честь древних царей, воинов-освободителей, просветителей.

Список литературы:

1. Арутюнян Э.Р. Вековая боль армянской души... // Наири. Альманах: Сб. материалов об армянской диаспоре. – Н.Новгород: Кварц, 2010. – С. 26–27.
2. Вайль П. Армения. Праздник. // Гео. – 2007.– №9. – С. 210–216.
3. Таинства и обряды Армянской Апостольской церкви. – М., 2010. – 60 с.
4. Тер-Саркисянц А.Е. Армяне: История и этнокультурные традиции. – М.: Вост. лит. РАН, 1998. – 397 с.
5. Шевцова А.А. Сестра хлеба. // Этносфера. – 2010. – №12. – С. 46–47.

Полевые материалы автора:

1. Гаспарян Ирина Александровна, 1973 г.р., г. Саранск, записи 2011 г.
2. Гекчян Арусяк Серёжаевна, 1977 г.р., пос. Умёт, Zubovo-Полянский р-н, записи 2009 г.
3. Камалян Сергей Суренович, 1965 г.р., г. Рузаевка, записи 2011 г.
4. Когосян Герасим Мкртычотович, 1960 г.р., г. Саранск, записи 2011 г.
5. Мардоян Сос Серёжаевич, 1967 г.р., пос. Атьма, Ромодановский р-н, записи 2008 г.
6. Марукян Мельсида Анушавановна, 1947 г.р., с. Моревка Большеигнатовского района, записи 2009 г.
7. Ованесян Армен Амоякович, 1959 г.р., г. Ереван, записи 2007 г.
8. Панян Заира Нодарьевна. 1984 г.р., с. Барашево, Теньгушевский р-н, записи 2008 г.
9. Саргсян Левон Гарникович, 1964 г.р., г. Саранск, записи 2010 г.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

**«АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ЭТНОГРАФИИ И
АНТРОПОЛОГИИ»**

Материалы международной заочной научно-практической
конференции

10 мая 2011 г.

Печатается в авторской редакции

Подписано в печать 23.05.11. Формат бумаги 60x84/16. Бумага офсет №1.
Гарнитура Times. Печать RISO. Усл. печ. л. 7,38. Тираж 550 экз. Заказ 44.

Издательство ЭНСКЕ
630049, г. Новосибирск, Дуси Ковальчук, 270.
E-mail: enske@mail.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-
макета в типографии ЭНСКЕ
630049, г. Новосибирск, Дуси Ковальчук, 270.